

№ 3

2021

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ЭПОХА НЭПА:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ISSN 2412-9798

9 772412 979007

16+

№ 3

(27)

2021

16+

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 29.09.2021
Размещен в сети Интернет: 30.09.2021

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

**Заместитель
главного редактора:**

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

ответственный секретарь редакции, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы	доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
БОЛААН Маицео Мгадла	PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
ВЛАДИМИРСКИ Ирена	PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ДЖИВЕНСКА Малгожата Цецилия	Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», Вроцлав, Республика Польша
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация
КУМАР Капил	профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, Нью-Дели, Республика Индия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
МАКГАЛА Кристиан Джон	Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ Марина Сергеевна	Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша
ПАТИНЬО Хуан Карлос	доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, Москва, Российская Федерация
ПРАБХАКАРА Джантхьяло Рао	профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация
РЫБАК Кирилл Евгеньевич	доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация
САЛАМЗАДЕ Эртегин	доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна	доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна	доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Российская Федерация

NO.3

(27)

2021

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 29 September 2021
Published online on 30 September 2021

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V.

BONDAR

Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Olga I.

BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.

GUTSALOV

Executive Editor, Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A.

KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E.

NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia

---

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi
ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh.
AKAEV

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Aleksandra O.
ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Maitseo M.M.
BOLAANE

PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Shakhrudin A.
GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Cecylia Malgorzata
DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Vadim P.
DEMIN

Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Irina G.
KHANGELDIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A.
KUDRYAVTSEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation

Kapil
KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India

Irina V.
KUPTSOVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Christian John
MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Oleg V.
MATVEEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation

Oleg P.
NERETIN

Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

---

Marina S. NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Jandhyala PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E. RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Anna I. SHCHERBAKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation
Irena VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

---

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«ЭПОХА НЭПА:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»
(РЕДАКТОР В. В. БОНДАРЬ)

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА	13
ЭПОХА НЭПА: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	14
<i>А. Н. Дмитриев, К. А. Пашков, О. Р. Паренькова</i> Красный санпросвет: медицина, культура, общество в 1920-е годы	14
<i>А. В. Баранов</i> Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923—1932): замыслы, реакция сообщества, результаты	31
<i>Д. А. Петрова</i> Графическое наследие русского авангарда как объект комплектования в Третьяковской галерее в 1920–1930-е годы	43
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	54
<i>С. В. Ковалева</i> Априоризм как основа духовности в философском наследии Европы и России: этический аспект	54

<i>А. С. Миронов</i> Некоторые результаты аксиологического анализа русского героического эпоса.....	64
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	76
<i>А. Р. Усманова</i> Музыкальный фольклор юртовских татар и ногайцев-карагашей Астраханской области как маркер этнокультурной идентичности	76
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	87
<i>Т. А. Невская, М. Е. Колесникова</i> Малоизученные аспекты культуры армян России и зарубежья	87

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
**THE NEP ERA:
A CULTURAL AND HISTORICAL DIMENSION**
(EDITED BY VITALY V. BONDAR)

FROM THE EDITORIAL COUNCIL.....	13
THE NEP ERA: A CULTURAL AND HISTORICAL DIMENSION	14
<i>Alexander N. Dmitriev, Konstantin A. Pashkov, Olga R. Paren'kova</i> Red Sanitary Enlightenment: Medicine, Culture and Society during the 1920s	14
<i>Andrey V. Baranov</i> Ukrainization in North Caucasus Krai of the RSFSR (1923–1932): Plans, Public Reaction, Results	31
<i>Daria A. Petrova</i> The Graphic Heritage of the Russian Avant-Garde as an Object of Acquisition in the Tretyakov Gallery in the 1920s–1930s	43
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	54
<i>Svetlana V. Kovaleva</i> Apriorism as the Basis of Spirituality in the Philosophical Heritage of Europe and Russia: An Ethical Aspect	54

<i>Arseny S. Mironov</i> Certain Results of an Axiological Analysis of the Russian Heroic Epic	64
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES.....	76
<i>Adeliia R. Usmanova</i> Musical Folklore of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash of Astrakhan Oblast as a Marker of Ethnocultural Identity.....	76
BOOK REVIEWS	87
<i>Tatyana A. Nevskaya, Marina E. Kolesnikova</i> The Understudied Aspects of the Culture of Armenians in Russia and Abroad	87

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: ЭПОХА НЭПа: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

SPECIAL SECTION:
THE NEP ERA: A CULTURAL AND HISTORICAL DIMENSION

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORIAL COUNCIL

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НЭПУ

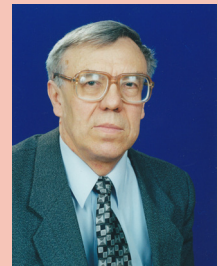
DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.000
УДК 94(47+57)“192/193”
ГРНТИ 03.23.55
БАК 07.00.02

Среди актуальных проблем отечественной историографии особое место занимает история Новой экономической политики в Советской России. НЭПу предшествовал глубокий социально-экономический кризис, вызванный административным внедрением политической системы так называемого военного коммунизма. Глубинной сутью последнего был невиданный в мировой практике большевистский эксперимент – попытке прервать эволюционный процесс исторического (капиталистического) развития страны и с помощью командных методов «перейти к коммунистическому производству и распределению» (В. И. Ленин).

Молодая республика с трудом существовала в условиях свертывания товарооборота, обесценивания денег, свертывания кредита и финансов. Все это негативно сказалось на основной массе населения, большую часть которого составляло крестьянство, которое задыхалось от продразверстки и отсутствия свободной торговли.

Массовые восстания крестьян, волнение рабочих и, наконец, выступление в армии (Кронштадский мятеж 1921 г.) остро поставили перед большевиками дилемму – или потерять власть или перейти к смешанной экономике с использованием плановых и рыночных механизмов. Они выбрали второе, правда с государственным регулированием этой экономики. И НЭП показал, что в условиях плановой экономики рыночный механизм может небезуспешно действовать, если власти учитывают законы товарного производства и интересы большинства населения.

Начавшаяся в постсоветской России конца XX века общественно-экономическая перестройка напомнила о НЭПе трудностями переходного периода. Как и при НЭПе наиболее животрепещущие вопросы преобразований встали в аграрной сфере экономики, в социально-экономической реорганизации села. И здесь нельзя было не вспомнить успешный опыт развития доколхозной сельскохозяйственной кооперации времен НЭПа. Современные фермерские и личные подсобные крестьянские хозяйства все чаще и чаще встраиваются в общественную систему аграрно-капиталистических отношений через кооперацию. Поэтому опыт кооперации времен НЭПа имеет не только исторический, но и практический интерес.

РАТУШНЯК Валерий Николаевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
член редакционного совета электронного научного журнала «Наследие веков»,
Краснодар, Российская Федерация
ratushnyak_vn@mail.ru

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА СПЕЦИАЛЬНОЙ РУБРИКИ INTRODUCTORY REMARKS BY THE SPECIAL SECTION EDITOR

Столетие провозглашения X съездом РКП(б) Новой экономической политики – верный повод обратиться, в ряду прочих сторон этого краткого, но яркого и знаменательного для отечественной истории периода, к проблематике культурной жизни общества тех лет. НЭП означал для Советской России не только отказ от приведшей страну к упадку политики «Военного коммунизма» и возврат к рыночным отношениям, он утверждал и скоро распространявшийся новый «нэпманский» образ жизни – способ приспособления общества и личности к условиям относительной свободы и неопределенности при жестком идеологическом диктате, к странному сочетанию былого имперского и утверждавшегося советского, имевшему культурные последствия и несколько десятилетий спустя, в периоды «оттепели» и Перестройки.

«Культурный слой» тех лет отразил, как в зеркале, все метаморфозы и противоречия этого яркого периода коллективной биографии страны: в быту, моде, этикете, высоком искусстве, литературе, науке и официальной идеологии. Аббревиатура «НЭП» вполне ассоциируется с каждым из разнообразных проявлений эпохи: борьбой с неграмотностью и «сменовеховством»; одержимостью переустройством общества, пропагандой коммунистических идей и формированием громоздкой государственно-бюрократической машины; революционным романтизмом и поиском стиля в искусстве при множестве соперничавших и даже враждовавших творческих групп и ассоциаций; становлением касты «совслужащих» и репрессиями в отношении священнослужителей и старой интеллигенции...

Отдельные аспекты культурно-исторического измерения эпохи НЭПа освещаются в статьях, представленных в этом номере электронного научного журнала «Наследие веков».

Объектом совместного исследования московских ученых А. Н. Дмитриева, К. А. Пашкова и О. Р. Пареньковой стал Красный санпросвет – социально-культурный феномен Советской России 1920-х годов. Анализ массива печатной продукции, произведений литературы и сценического искусства, биографий деятелей санитарного просвещения того времени позволил авторам воссоздать атмосферу «общественно-медицинского дискурса», главной чертой которого было сочетание «социально-инженерных» методов пропаганды достижений науки о здоровье человека с преобразовательными энтузиазмом масс. Красный санпросвет охарактеризован как «гибридное» проявление НЭПа, трансформировавшееся в «огосударвленную» санитарную пропаганду 1930-х годов, основными мотивами которой были развитие коллективного производства и поддержание обороноспособности страны.

В статье сотрудника Государственной Третьяковской галереи Д. А. Петровой дан содержательный анализ одного из художественно-идеологических процессов эпохи НЭПа – изменения политики музейного дела, в частности, принципов комплектования собраний художественных музеев. Основываясь на достижениях исследователей русского авангарда и музейного строительства 1920–1930-х годов, на результатах изучения книг учета и документов, хранящихся в отделе рукописей Третьяковской галереи, а также материалов Госархива Российской Федерации, автор характеризует массив поступивших в музей в 1930-х годах произведений авангарда и определяет момент «смены ориентиров» в культурной политике государства и, как следствие – художественной жизни общества, перехода к реализму как основному творческому методу.

Политические мотивы, обстоятельства развертывания и скорого прекращения кампании украинизации в Северо-Кавказском крае, ее этнополитическая природа, итоги и последствия освещены в статье известного краснодарского исследователя эпохи НЭПа А. В. Баранова. Автор, анализирующий историческую действительность с позиций конструктивистской парадигмы, приходит к выводу, что политика украинизации была частью проводившейся партией и правительством политики «позитивной дискриминации» и в целом была направлена на формирование украинской идентичности в южном регионе РСФСР; причинами же ее сворачивания послужили почти повсеместное сопротивление населения и даже служащих органов государственной власти навязыванию украинского литературного языка в противовес бытовавшему русскому языку и местным диалектам, и ряд других причин, главными из которых названы курс на коллективизацию и военная угроза.

Предложенные вниманию профессионального сообщества итоги исследований отдельных сторон НЭПа выразительно обозначают тематическую широту этого феномена отечественной истории и, более конкретно – области его социально-культурных проявлений, результатам изучения которых научный журнал «Наследие веков» намерен и впредь предоставлять свои страницы.

Редактор специальной рубрики В. В. Бондарь

ДМИТРИЕВ Александр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук
Института гуманитарных историко-теоретических исследований
имени А. В. Полетаева

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Alexander N. DMITRIEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation,
alex.n.dmitriev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0017-1737

ПАШКОВ Константин Анатольевич

доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории медицины
Московского государственного стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова,
Москва, Российская Федерация

Konstantin A. PASHKOV

Dr. Sci. (History of Science and Technology (Medical Sciences)), Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,
historymed@mail.ru

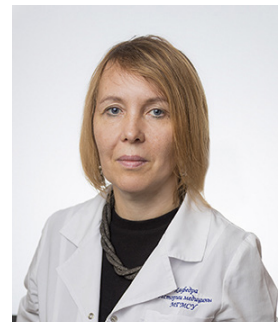

ПАРЕНЬКОВА Ольга Рудольфовна

кандидат медицинских наук, доцент,
заведующая учебной частью
Московского государственного стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова
Москва, Российская Федерация

Olga R. PAREN'KOVA

Cand. Sci. (History of Science and Technology
(Medical Sciences)), Assoc. Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,
oparenkova@gmail.com

УДК [374.7:614]:791.16(470+571)"192"
ГРНТИ 13.09.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.001

Красный санпросвет: медицина, культура, общество в 1920-е годы¹

Red Sanitary Enlightenment: Medicine, Culture and Society during the 1920s²

Статья посвящена специфике санитарного просвещения в 1920-е гг. как гибридного феномена на стыке истории медицины и истории общества. Вслед за Д. Биром и Л. Энгельштайн рассматривается соединение «социально-инженерных» подходов части медицинской интеллигенции с радикальными преобразовательными планами большевиков под знаком науки о человеке и его здоровье. Особенности нэповского общественно-медицинского дискурса были прогрессизм, борьба с религиозными суевериями, атака на социальные болезни (туберкулез, алкоголизм, венерические заболевания) и их причины. В статье рассматриваются стилистические особенности и жанровое многообразие этой пропагандистской продукции: пьесы, агитационные материалы, псевдо-фольклорные тексты (М. Утенков, С. Заяицкий и др.), а также деятельность институтов: музеев медицины и гигиены, Домов санитарного просвещения. Особенное внимание уделяется «национальным» и региональным версиям этого дискурса, его трансформации и формализации уже в 1930-е гг.

Ключевые слова: санитарное просвещение, социальная гигиена, пропаганда, традиционная культура, социальные девиации, история медицинских музеев.

События последних двух лет, ситуация глобальной пандемии сделали проблематику истории медицины, болезней, эпидемий как никогда общественно актуальной. Это сказалось и на определенной переориентации интересов сообщества отечественных историков XX столетия, для которых раньше история врачебного дела (в широком смысле) все-таки не была в фокусе первостепенного внимания. Это относится и к историографии советского общества, включая межвоенный период, где проблемы социально-политического развития продолжают быть приоритетными. В то же время в последние десятилетия сдвиг в сторону «истории снизу» тоже стал очевиден. Одной из таких важных областей для всестороннего осмысления перемен первой половины XX в. стала область социальной гигиены и публичной медицины. Она располагается на стыке истории медицины, культурных представлений, изучения революционных преобразований и массовых настроений, истории

общества и профессиональных экспертиз, конвенций и кружков. Здесь врачебные уставы и образы должного обустройства и поведения близко соприкасаются с разными общественными проектами и социально-политическими программами, а также усвоенными традициями и представлениями медицинского или идеологического плана. В полной мере проявлением и зеркалом таких сдвигов, новаций и преемственности одновременно стала история советской медицинской пропаганды времен новой экономической политики (где прежние дореволюционные темы социальной гигиены и санитарного обустройства переосмыслились уже под знаком борьбы старого и нового быта).

Главные источники, на которые мы опираемся, – это публикации и сводные работы активистов санпросвета 1920-х гг. Методологически в освещении концептуальных сюжетов экспериментальной медицины и биологии ориентиром выступают новаторские

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.

² The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

разработки Н. Л. Кременцова и его коллег [74] [86], сосредоточенные на связях науки, политики и культурных экспериментов межвоенной эпохи.

В плане историографического введения в проблему нужно обратить внимание на итоговые работы конца 1920-х гг., а также юбилейные издания (к годовщинам революции, например) [1] [17]. Но все же подлинно научное изучение этих пропагандистских материалов восходит к послевоенному периоду, когда еще активны и деятельны были и ключевые свидетели, и действующие герои процессов 1920-х гг. [34] [37] [62]. В целом историко-медицинские санпросветительские концепции должны были встраиваться в хронологическую канву «этапов строительства социализма», при этом постепенно все больше внимания уделялось их связи с дореволюционными достижениями, а не только новым советским условиям работы санитарно-просветительских учреждений. В зарубежной историографии этот дореволюционный базис изучен в исследованиях Лоры Энгельштайн [70], а для собственно нэповского периода важно отметить многолетнюю работу Сьюзан Гросс-Саломон, которая детально исследовала особенности советской медицины, делая упор на специфические транснациональные связи и траектории видных советских врачей, исследователей и организаторов в области лечебного дела и профилактики болезней [80] [81] [82]. С 1990-х гг. в новых идеологических условиях трудности и проблемы медицины и санпросвета 1920-х гг. смогли наконец более полно и разносторонне освещаться и в работах российских историков (особенно в связи с «социальной изнанкой» нэпа), обычно на региональном уровне [30] [32] [58] [65]. Кроме того, коллективные работы и монографии 2010-х гг., особенно книга Т. Штаркс, задают современный уровень рассмотрения этих агитматериалов [11] [83] [84]. В настоящее время статьи, выполненные уже во время пандемии в рамках исследовательского проекта Йенского университета (Германия) под руководством профессора И. Я. Полянского, показывают широкий спектр публичной «инсценировки» социально-медицинских проблем 1920-х гг. [73] [77] [78] [79].

Наша задача – показать комплексный характер нэповских вариантов «красного

санпросвета», рассмотрев его в контексте существенных для понимания общественно-медицинских представлений того периода национал-федеративных [75] и историко-музейных реалий, что позволит дополнить проведенные ранее исследования этой темы с точки зрения истории культуры и науки, а также социальной истории.

Бедствия времен Первой мировой войны и эвакуации, приумноженные хозяйственной разрухой и массовыми болезнями (испанка, сыпной тиф и др.) периода гражданской войны, обусловили совсем иное понимание врачебной работы, отличное от характерного для «спокойного» развития времен Пироговских съездов и борьбы за права земской медицины в межреволюционный период [66]. На смену надеждам на «самоорганизацию общестственности» приходит государственная мобилизация (не всегда только большевистская) и реалии разноплановых военно-медицинских задач [18] [43]. Д. Бир и Л. Энгельштайн уже обращали внимание на специфический научно-медицинский, порой и «хирургический» язык социальных метафор, которыми пользовались врачи-«общественники» еще до 1914 г. [72] [70]. Именно такой подход к решению проблемы «социальных болезней» и обусловил сближение целого ряда докторов старой формации с новой властью, на лозунгах которой были написаны вполне просветительские принципы [4] [13]. Можно вспомнить и коллективную биографию сотен и даже тысяч мобилизованных студентов ускоренных университетских выпусков времен мировой войны и молодых врачей (вроде Михаила Булгакова), реализующих себя в резко переменившихся социальных условиях.

Схожим образом переменялись и темы социальной гигиены и санитарного просвещения. Еще в 1913 г. прошедшая в Петербурге с большим резонансом гигиеническая выставка касалась также и принципов организации школьного дела и здоровья детей и подростков, особенно «на местах» [40, с. 556]. Теперь к прежней состязательности и муниципальной активности подключается мотив государственного и общественного принуждения, регулирования под знаком общедоступности, массовизации и эффективности. Область охраны труда, профессиональных заболева-

ний – прежде достаточно узкая – стала (пусть с элементами декларативности) приоритетной для государства [68], а особо акцентированной оказалась субъективная, сознательная сторона жизни прежних социальных низов [3] [71]. Именно в эту зону, на пробуждение «отсталых» или «темных» масс была направлена активность органов санитарного просвещения. Условия не могли измениться вмиг – тем важнее была ставка на перевоспитание «несознательных», профилактику свирепствовавших тогда болезней, включая туберкулез и венерические заболевания. Обращаясь назад, к периоду Гражданской войны популярный драматург уже нэповской поры, пролеткультовец В. Биль-Белоцерковский в популярной пьесе «Шторм» вложил в уста одного из протагонистов-красноармейцев характерную ремарку:

«Вместо того чтобы своих бить, вы лучше вошь бейте. И помирать перестанете. Вошь Деникину и помещикам союзник, от нее зараза идет. Кто этого не понимает, тот балда, сам себе враг!»

Схожими были и мотивы санитарно-пропагандистской составляющей ряда «Окон РОСТА» В. Маяковского. Революционное сближение болезни, классового врага и «старого быта» стало характерной манерой и для новых времен, уже после окончания Гражданской войны.

15–20 марта 1921 г. в Москве состоялось I Всероссийское совещание по санитарному просвещению. Особую тревогу руководителей вызывало отсутствие у населения должного понимания медицинских и одновременно общественных задач, «несознательное отношение к требованиям личной гигиены, результатом чего являются эпидемическое распространение разных инфекций, вшивость как бытовое явление, с сыпняком и возвратным тифом, бытовой сифилис, массовое заболевание трахомой и чесоткой, детская смертность, занимающая первое место в Европе, несознательное отношение к мероприятиям, направленным на оздоровление страны» [41, с. 12] [67]. Неслучайно девизом должна была стать установка «Народное здравоохранение – дело рук самих трудящихся». Акцент делался на повышение активности снизу и не только в режиме пассивного усвоения верных и научно подкрепленных знаний. Это отвечало и уста-

новкам декрета РСФСР «О санитарных органах республики» (от 15 сентября 1922 г.), и документам ежегодных общесоюзных съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей. С красноармейского военно-наступательного модуса санпросвещения должно было переключиться на культурнический, переходя от борьбы с острыми и явно-грозными эпидемиями в затяжное противодействие давним социальным заболеваниям и привычками.

Ключевыми фигурами для санпросвета на официальном уровне были заместитель наркома здравоохранения Николай Александрович Семашко (1874–1949) и руководитель Российского общества Красного Креста Зиновий Петрович Соловьев (1876–1928). Выпускница Бестужевских курсов Софья Николаевна Волконская (1889–1942), работавшая на высоком посту в Мосздравотделе, была редактором многих изданий медицинского профиля, часто совместно с врачом Фроимом Юдовичем Берманом, который, в свою очередь, являлся автором «досанпросветовских» брошюр [8]. В 1928 г. С. Н. Волконская стала инициатором создания Московского областного института санитарной культуры и возглавляла его до 1939 г. [22].

Исследователи уже обращали внимание на такой яркий элемент нового типа профилактической и «гигиенической» пропаганды нэповской эпохи, как театры санпросвета. Недавно были опубликованы документы Российского государственного архива научно-технической документации, касающиеся развития этих учреждений [35] с середины 1920-х гг. в рамках не только Московского санпросвета, но уже и всей страны, включая Украину и национальные республики (в материале отмечена в том числе роль первого директора театра А. З. Народецкого). Еще до московского театра соответствующие пьесы и сцены ставили в «художественно-сан-просветительной студии» актрисы и театрального педагога Ольги Владимировны Рахмановой (1871–1943).

Как правило, сочинения для таких театральных коллективов писали люди, профессионально связанные с медициной. Характерными были сочинения профессора-медика Михаила Дмитриевича Утенкова (1893–1953), тогдашнего начальника ленинградского Санпросветотдела Главного санитарного

управления РККА – «В тумане», «Погибшие создания», «Порт» (1923–1924 гг.) [6]. Большинство санпросветовских пьес посвящались бытовым, «обывательским» сюжетам и описывали поучительный путь слишком поздно прозрения «типичных» и довольно узнаваемых главных героев. Они вовремя не обращались к современным правилам лечения или не консультировались с врачом, «запуская» свои болезни, порой безнадежно (как, например, в изданной в Нижнем Новгороде пьесе А. Шапиро и О. Кудро «Четыре креста», название которой отсылает к резко положительной реакции Вассермана). В этих пьесах попытки скрыть симптомы «нехорошего заболевания» или лечиться «дедовскими методами» только запутывают и усугубляют ситуацию, за что героев неизбежно ждет расплата – нездоровый ребенок, заразившиеся ни в чем не повинные домашние, «поломанная» жизнь.

«Гримасы нэпа», теневые стороны городской или деревенской жизни (беды проституток, сифилисный или туберкулезный быт, пьянство – в целом «нездоровая среда») в этой новой нравоучительной литературе показаны довольно ярко и детально, еще без соцреалистического глянца [29]. Нередко пьеса становилась частью лекционного мероприятия с более привычным нам научным содержанием, а докладчиком мог быть доктор из просмотренного представления.

Помимо выпусков популярных брошюр, тематической художественной литературы, пьес и книжечек малого формата, более специализированными и рассчитанными на вполне профессиональную аудиторию были публикации в профильных журналах, особенно методические материалы шести выпусков «Теории и практики санитарного просвещения» (1925–1928 гг.). Они выходили под общей редакцией С. Н. Волконской в 1924–1928 гг. с приложением обширной библиографии и отличались разносторонним обсуждением возникавших проблем – от выставочной техники до поисков «обратной связи» с публикой. На исходе 1920-х гг. в специализированных журналах также обсуждались вопросы эффективности этой санитарной пропаганды, способы ее «замера» и оптимизации порой теми же профессиональными сочинителями историй для массового распространения [12] [60] [61].

Особенно стоит отметить широкий географический охват нового санпросвета. В середине 1920-х гг. издаются работы кавказских популяризаторов (где антураж и тематика в целом очень схожа с российскими, но добавляется местный колорит) [49]. Важна и интересна работа И. К. Сейфульмулюкова по опыту санпросвещения среди коренного населения Средней Азии, содержащая ряд ценных наблюдений о специфике усвоения новых типов знания в обществе вполне традиционного склада [50]. В журнале «Медицинская мысль Узбекистана» он также пытался противопоставлять народных медиков-костоправов (табиров) современной медицине. Но в целом главной тактикой было избрано не столько безоговорочное опровержение «старого» знания как отсталого, сколько внимание к тому, как научные сведения об устройстве человеческого организма, анатомии и физиологии сосуществуют в жизни современного дехкана с прежними взглядами и представлениями [51] [36]. Столкновение двух миров, с упоминанием местного Дома санпросвета с его стандартно-скудной коллекцией [23] иронически отразилось и в среднеазиатском эпизоде «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова. Отчасти схожими были описания быта бурят в рамках изучения сифилиса в экспедициях конца 1920-х гг. [5]. Стоит обратить внимание, что, несмотря на политику коренизации и продвижения местных языков, русский язык оставался универсальным средством научной коммуникации, а также профилактики и пропаганды нового здорового образа жизни в республиках СССР.

Широкая востребованность врачей в новосозданном СССР, открытие высших и средних медицинских школ в регионах еще во время Гражданской войны сопутствовали росту мобильности высококлассных специалистов-медиков, среди которых были и энтузиасты санпросветительской работы. Показательна активность в деле организации и развития местных санпросветтеатров врача Александра Ранова на Урале и Украине на протяжении 1920-х гг. [45] [42].

Как эта культурная сфера была обустроена в жанровом плане? Мы вслед за рядом исследователей уже отметили черты тривиализации санпросветительского репертуара,

его шаблонности (как своего рода развлекательной иллюстрации к базовой лекционной работе). Безусловно, мы имеем дело с явлениями не столько массовой, сколько низовой культуры; авторы ее сознательно и целенаправленно использовали фольклорные элементы: раешный стих, частушки (особенно в антиалкогольной пропаганде), народных персонажей вроде Петрушки-«ведущего». Вообще санитарное дело в 1920-е гг. было сферой, где активно использовались инструменты не просто прямой дидактики, но «завлечения», рекламы, отвоевания массового зрителя или читателя у вредных, «антиобщественных» форм проведения досуга (у того же алкоголя) – отсюда обилие в выставочных и типографских санпросветительных материалах тех лет игр, шарад, ребусов, помимо чаще рассматриваемых пьес или представлений [38] [39]. Активность реципиента всячески стимулировалась и не сводилась к простому усвоению готового образа – в союзники привлекалась и литературная традиция, и сценические приемы, и изобразительная инновативность [59]. Так, в массовых изданиях санпросветительных пьес нередко указания на желательный характер постановки, наличие режиссерских «подсказок», советы избегать утрировки и ходульности [12]. Даже материалы инсценированных судов (над нерадивыми матерями, проститутками, заражающими клиентов) несколько усложняются по сравнению со схожими публикациями времен Гражданской войны.

Наличие и утверждение новых форм и методов санпросвещения не перечеркнуло старых традиционных: в 1919 г. в Петрограде на основе материалов упомянутой нами предвоенной санитарно-гигиенической выставки смог открыться и затем успешно работать Музей гигиены (в бывшем особняке Шувалова, потом – здании Министерства юстиции), также пополнялись в годы нэпа фонды медицинских музеев вузов и профильных учреждений. Как показывают, в частности, работы Е. Шерстневой и других исследователей [66] [67], музеи тогда обладали более сложными и исторически богатыми коллекциями, нежели передвижные и нередко стандартные экспозиции региональных Домов санпросвета (там первенство открытия и размещения выставок

принадлежало скорее регионам – Ярославлю, Смоленску, Харькову, а не «избалованным» столицам). Дома санпросвета были ближе к клубам и за счет своей библиотеки и серий лекций похожи на избы-читальни в сельской местности с их политическим назначением, помимо образовательного (к 1928 г. таких Домов было более семидесяти) [19]. В 1919 г. в Москве на базе Социального музея имени А. В. Погожева – санитарного врача и статистика – и Музея Общегородской больничной кассы был сформирован Музей социального обеспечения и охраны труда. В том же году открыт Государственный Музей социальной гигиены Наркомздрава РСФСР, руководителем его стал Альфред Владиславович Мольков (1870–1948), прежний глава Пироговской Комиссии по распространению гигиенических знаний среди населения. А. В. Мольков в годы нэпа написал две книжки о медико-этнографическом исследовании двух кавказских народов [16] [24].

К делу санпросвета подключались и общественные организации (комсомол, пионерия); неслучайно использование свойственных им образов агитации (так называемая «живая газета» [53], представления синезубников) и близость к стилю политагитации «за новый быт», особенно в деревне [85]. Привлечение ресурсов детской литературы сказалось на мобилизации младшего поколения против вредных привычек взрослых, особенно курения и пьянства (характерна для нэповской эпохи брошюра «Поход на взрослых» [69]).

Одним из способов бороться за права и здоровье детей и взрослых стала активизировавшаяся в конце 1920-х гг. психогигиеническая работа по линии санпросвета [15] (пропаганда «здоровья нервов» [7], где уже тогда активно работал психиатр Израиль Бергер (1895–1962)), об этой сфере в последние годы написано немало интересного [52] [76]. Для того времени важна близкая уже к реалиям наших дней попытка отказаться от привычных практик приветствия вроде рукопожатия по санитарно-гигиеническим причинам (она отразилась и в пьесе «Клоп» В. Маяковского). С точки зрения гиперрациональных установок «нового быта» конца 1920-х гг. российский или московский обыватель со своей тягой к

привычному оказывался по своей «косности» или высмеиваемой в газетах и брошюрах нелепости не слишком отличен от узбекского декханина. Еще одна важная «красная» нота, мировоззренческий лейтмотив этого санпросвета, отличный от более ограниченных установок только на профилактику болезней как в дореволюционный период, так во многом и в 1930-е гг., – борьба со знахарством и суевериями, акцентирование реальных объективных причин любых недугов (вместо «божьей кары»), ориентир на моральные поиски «нового человека», в конечном счете – утверждение атеизма [42] [86].

Подводя итог анализу культурной составляющей нэповского санпросвета, стоит еще раз отметить его «полистилистику», несводимость только к дурновкусию или заказной «халтуре». Геофизик, разделяющий многие увлечения Серебряного века, Давид Арманд (1905–1976) в конце жизни колоритно иронически описывал свои юношеские годы, проведенные в педагогической колонии первой половины 1920-х гг. Там тоже ставили самодельные санпросветительные спектакли в духе символистского театра – например «Хламида-Монада». Позволим привести обширную, но показательную цитату:

«В связи с необычайными успехами медицины в царстве “нимфозорий” наступила паника. Собравшись в кружок, гонимые и преследуемые нимфозории горестно поют:

*О гонококк мой, гонококк,
Тебя сгубил жестокий рок!
О спирохета, спирохета,
Ты пала жертвой санпросвета!*

Среди нимфозорий находится герой, Хламида-Монада (был представлен в виде красивого юноши, жениха другой нимфозории – в виде девушки), который берется победить и разгромить человечество. Но как это сделать такому ничтожному микроскопическому существу? Хламида-Монада отправляется в лабораторию профессора Резерфорда, пролезает в тубус микроскопа снизу вверх и увеличивается в тысячи раз. Он является перед ученым в виде огромного чудовища и, приставив ему нож к горлу, требует, чтобы он освободил атомную энергию, которая

находится у него в заточении. Напуганный Резерфорд отпирает темницу (шкаф со столярными инструментами), выводит атомную энергию и отпирает наручники с ее рук. Раздается страшный взрыв (4 человека били в кастрюли), в зале гаснут коптилки, и человечество (зрители) погибает под грудой обломков Вселенной (с хор и из терема зрительный зал бомбили дождем подушек). Режиссер... сказал короткую речь, что кто не понял вещице смысла представленной драмы, может отнести это на счет своего несовершенного понимания» [2, с. 205]. Внимание к вопросам пола, их рационализация и медицинализация – еще одна из примет времени и момент преемственности со спорами и настроениями предреволюционного десятилетия.

Мелодраматика и обработка традиционного репертуара отсылали к схемам назидательных постановок «классического века» и школьных театров, а не только представлений для широкой полуграмотной публики с антиалкогольными частушками. Такая продуманная работа с заказной темой характерна для «пролетарских» или санпросветных пьес Сергея Заяицкого (1893–1930), талантливого драматурга и переводчика из круга Михаила Булгакова. В духе разоблачения «старого быта» и утверждения здоровья, душевного и телесного, написаны его драмы «Жизнь приказывает» (1928 г., в числе редакторов значились Ф. Ю. Берман и С. Н. Волконская), «Простая мудрость», «Таинственные письма» (обе 1930 г.). Сын университетского приват-доцента, известного специалиста по онкогинекологии и одновременно увлеченного музыканта-гитариста С. С. Заяицкого (1850–1910), он был автором многих детских произведений, псевдопереводной прозы и ценимой, в частности М. Горьким, трагикомической повести «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928). С детства страдавший костным туберкулезом С. Заяицкий был горбат и при том, по мемуарным свидетельствам, сохранял добродушие и насмешливость, характерные и для его сочинений [27].

Важной особенностью выразительности «красного санпросвета» стало использование, помимо театра и представлений, визуальных методов: плаката [9], лубка [20], выставки, но не иллюстрированного журнала, например.

Также довольно быстро стали применять в медицинско-просветительных целях возможности нового медиа (кино) с его специфической аудиторией. Напечатанный в 1923 г. вполне сангигиенический «Мойдодыр» Корнея Чуковского носил характерный подзаголовок «кинематограф для детей». Показателен выполненный в 1927 г. аннотированный каталог соответствующих образовательно-научных фильмов [57]. Далекое не случайной была фигура его составителя – психиатра Лазаря Сухаребского (1899–1986). Тесно связанный с аналитическим изучением кино как особого рода искусства и вида знания Л. Сухаребский интересен и своим литературным дебютом. В начале 1920-х гг., на заре нэпа, он принадлежал к недолго существующей, но громко заявившей о себе группе «ничевоков», близких к опыту европейского дадаизма [26]. Что очень любопытно – в эту же группу входил и Александр (Аэций) Ранов (1899–1979), энтузиаст уральского и украинского санпросвета, уже упомянутый ранее в нашей статье [44]. Было ли это общее «нигилистическое» прошлое случайным для биографии этих деятелей? Опубликованные Ильей Кукуем поздние воспоминания А. Ранова, работавшего в санпросвете Кургана и в 1970-е гг. [46], показывают вполне отрефлексированную позицию молодых русских адептов тогдашних европейских умонастроений [26] [47]. Переход от всеотрицания к будничной оргаботе с болезнями, микробами и их культурными репрезентациями оказался в чем-то сродни нэповскому трезвому и напористому духу «новой деловитости» (по имени влиятельного европейского художественного течения, пришедшего на смену дадаизму к середине 1920-х гг.).

Интересно, что в плане идейных комбинаций эти прагматические устремления оказались долговечней литературных проб «старших», вроде Михаила Утенкова – руководителя региональной санитарной службы Красной армии [63]. Но важно отметить, что его раешные монологи даже вошли в антологию «петрушечного» нового фольклора, который подготовили на исходе нэпа совместно двое молодых ученых: историк древнерусской литературы И. П. Еремин и будущий специалист по культуре времен недавней «Великой войны» О. В. Цехновицер [33]. Сознательность

тогда виделась главным ручательством «нового быта», о котором с энтузиазмом писали в то время левый сменовеховец и старый народник В. Г. Тан-Богораз и его ученики [54]. Но прежняя советская сознательность, понимаемая как лояльность и профессионализм, оказалась недостаточной при новом повороте политического курса на переломе 1920-х и 1930-х гг.

Для этого поворота в описываемой области характерны мобилизационные установки реконструктивного периода (применительно к медицине), отказ от прежних свободных театральные средств пропаганды, ставка на специализацию и отказ от «излишеств». Неслучайными были и кадровые перемены, в частности уход Л. Боголеповой с поста руководителя Института профзаболеваний имени В. А. Обуха в 1931 г., свертывание прежних интернациональных связей, особенно с Германией [25]. Наряду с «узко понятым» санпросвещением главным становится диспансеризация работающего населения (с выявлением рисков и акцентом на обязательную профилактику, а не на желательную «самоперековку») [31] [48]. Время экспериментов в культуре, стилях жизни и коммуникативных формах (как и с эсперанто, толстовским учением, вегетарианством и т.д.) приходит к концу. Под редакцией прежних авторитетов, Ф. Ю. Бермана и С. Н. Волконской, выходит уже не свод разноплановых материалов (как раньше) с обобщением местного опыта, но инструктивное пособие – объемистый учебник авторства К. В. Лапина по санитарно-просветительскому делу для среднего медперсонала [28]. Даже деятельность Обществ Красного Креста огосударвляется максимально – вместо страха личной болезни или семейных бед двигателем санитарной пропаганды становится теперь участие в коллективном производстве и особенно обороне (в 1930-е гг. в СССР развивалась система БГСО – «Будь готов к санитарной обороне») [14].

Отражением новой литературной проекции медицины стал роман-трилогия «Открытая книга» – масштабное сочинение послевоенных лет Вениамина Каверина, однокашника О. Цехновицера по псковской гимназии. Одним из прототипов героев был, как известно, брат писателя – микробиолог Лев Зильбер. Он

в середине 1960-х гг., незадолго до смерти, напечатал в журнале «Наука и жизнь» воспоминания о подавлении вспышки чумы в Закавказье в начале 1930-х гг., напомнив о важности учета специалистами «вредных суеверий» и «пережитков» [21]. Производственный крен и сворачивание популярных ранее низовых инициатив очевидны по публикациям активистов прежнего санпросвета 1931–1933 гг.: М. Д. Утенков развивает методики непрерывного культивирования микроорганизмов, Ф. Ю. Берман и Я. Н. Трахтман переключаются на стандартизованные руководства и санитарные инструкции для рабочих коллективов. В 1937 г. С. Н. Волконская была назначена заведующей сектором санитарной культуры и пропаганды Народного комиссариата здравоохранения СССР, но время расцвета новых культурных форм осталось позади [64].

В годы Великой Отечественной войны внимание закономерно вернулось к начинаниям Московского театра санпросвета. Тут важным был вклад ранее репрессированной Екатерины Гордеевны Кармановой (1897–1971), директора Института санитарного просвещения, которая добивалась включения в репертуар театра, в частности, переработок В. Маяковского и «Мнимого больного» Ж.-Б. Мольера. В

связи с созданием в 1944 г. Академии медицинских наук, ее деятельностью и с последовавшей критикой «культы личности» Сталина ситуация стала меняться. Отказ от былых экспериментов перестает быть главной формой обращения со своим прошлым. Люди с санпросветовским опытом 1920-х гг. – академик АМН Илья Давыдович Страшун (1892–1967) [55] [56], биограф и соратница С. Н. Волконской Людмила Сергеевна Боголепова (1899–1979) [10] – теперь могут внести решающий вклад в формирование советского историко-медицинского канона. Для восстановления преемственности с дореволюционной прогрессивной традицией и сохранения памяти о 1920-х гг. важным стало воссоздание в 1978 г. давно «свернутого» московского Музея гигиены труда и профпатологии. Интерес к периоду нэпа, возросший во времена перестройки, и последующая либерализация позволили объективно, без идеологических установок советского строя, изучать богатую неожиданными идеями историю санпросвета и публичной медицины в СССР. «Красный санпросвет» и сейчас представляется характерным «гибридным» проявлением сложного, многомерного и поучительного, несмотря на относительную краткость, нэповского периода.

Alexander N. DMITRIEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation,
alex.n.dmitriev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0017-1737

Konstantin A. PASHKOV

Dr. Sci. (History of Science and Technology (Medical Sciences)), Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,
historymed@mail.ru

Olga R. PAREN'KOVA

Cand. Sci. (History of Science and Technology
(Medical Sciences)), Assoc. Prof.,
A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russian Federation,
oparenkova@gmail.com

Red Sanitary Enlightenment: Medicine, Culture and Society during the 1920s

Abstract. The article examines the specificity of sanitary education and propaganda in the 1920s as a hybrid phenomenon between the history of medicine and the history of society. To understand the specificity, one must refer to the history of cultural ideas and of mass sentiments in the post-revolutionary times, to the study of professional examinations, scientific conventions and academic as well as literary circles. Following D. Beer and L. Engelstein, the authors consider the combination of “social engineering” approaches of a part of the medical intelligentsia with the radical transformative plans of the Bolsheviks – under the sign of the science of man and their health. The features of the NEP social medical discourse were progressivism, the fight against religious superstitions, the attack on social diseases (tuberculosis, alcoholism, venereal diseases) and their origins. The authors analyse (1) the stylistic features and genre diversity of this discourse: plays, propaganda materials, pseudo-folklore texts (M. Utenkov, S. Zayitsky, et al.); (2) the activities of institutions: museums of medicine and hygiene, houses of sanitary education; (3) the biographies of the psychiatrist Lazar Sukharebsky (1899–1986) as the editor of a catalog of educational and scientific medical films and Alexander (Aetius) Ranov (1899–1979), a prominent enthusiast of sanitary education in the Ural region and in Ukraine. In the early 1920s, at the dawn of the NEP, both Sukharebsky and Ranov belonged to a short-lived yet assertive group “Nichevoki”, which was close to the experience of European Dadaism. The recipient’s activity was stimulated in every possible way and was not limited to a simple assimilation of the finished image – the literary tradition, stage techniques and visual innovation were attracted as allies. Mass publications of sanitary education plays often included guidelines on the desirable format of the stage version, “tips” for the director, advice to avoid exaggeration and stiltedness. The authors pay particular attention to the “national” and regional versions of this discourse, its transformation and flattening already in the 1930s. After the end of the NEP, the activities of the Red Cross Societies were maximally nationalized – participation in collective production, and especially defence, rather than the fear of illnesses of a person or their family, became the engine of sanitary propaganda. “Red sanitary enlightenment” still seems to be a characteristic “hybrid” manifestation of the complex, multidimensional and instructive, though relatively short, NEP period.

Keywords: sanitary enlightenment, social hygiene, propaganda, traditional culture, social deviations, history of medical museums.

Использованная литература:

1. 50 лет советского здравоохранения (1917–1967 гг.). М.: Медицина, 1967.
2. Арманд Д. Путь теософа в стране Советов. М.: Аграф, 2009.
3. Арсентьев Е. В., Решетников В. А. К биографии Н. А. Семашко // История медицины. 2018. № 3. С. 447–460.
4. Байрау Д., Левинсон К. Большевицкий проект как план и как социальная практика // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 353–384.
5. Башкуев В. Ю. Советские врачебные репрезентации традиционного быта бурят в контексте кампании против социальных болезней (1920-е – начало 1930-х гг.) // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 2. С. 47–58.
6. Белокрысенко С. Жизнь и смерть ученого в СССР. Профессор Михаил Дмитриевич Утенков (1893–1953). Попытка расследования // *Наука и жизнь*. 2014. № 10. С. 56–61.
7. Бергер И. А. К методике психосанитарного просвещения // *Психогигиенические и неврологические исследования*. Том II. Вып. I. Психогигиена / под ред. Л. М. Розенштейн. М.: Изд-во ГНИИПП, 1930. С. 139–156.

References:

1. Meditsina. (1967) *50 let sovetskogo zdavoookhraneniya (1917–1967 gg.)* [50 Years of Soviet Health Care (1917–1967)]. Moscow: Meditsina, 1967.
2. Armand, D.L. (2009) *Put' teosofa v strane Sovetov* [The Theosophist's Way in the Land of Soviets]. Moscow: Agraf.
3. Arsent'ev, E.V. & Reshetnikov, V.A. (2018) *K biografii N.A. Semashko* [To the Biography of N.A. Semashko]. *Istoriya meditsiny*. 3. pp. 447–460.
4. Bayrau, D. & Levinson, K. (2002) *Bol'shevistskiy proekt kak plan i kak sotsial'naya praktika* [The Bolshevik Project as a Plan and as a Social Practice]. *Ab Imperio*. 3. pp. 353–384.
5. Bashkuev, V.Yu. (2018) *Sovetskie vrachebnye reprezentatsii traditsionnogo byta buryat v kontekste kampanii protiv sotsial'nykh bolezney (1920-e–nachalo 1930-kh gg.)* [Soviet Medical Representations of the Traditional Life of the Buryats in the Context of the Campaign Against Social Diseases (1920s – Early 1930s)]. *Oriental Studies*. 11 (2). pp. 47–58.
6. Belokrysenko, S. (2014) *Zhizn' i smert' uchenogo v SSSR. Professor Mikhail Dmitrievich Utenkov (1893–1953). Popytka rassledovaniya* [Life and Death of a Scientist in the

8. Берман Ф. Суд над нерадивым и неряшливым красноармейцем. Ростов н/Д: Политуправление СКВО, 1921.
9. Бернштейн Ф. Представления о здоровье в революционной России: тендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: Вариант, 2009. С. 215–244.
10. Боголепова Л. С. С. Н. Волконская: Научная и методическая деятельность по санитарному просвещению. М.: Институт санитарного просвещения, 1966.
11. Большакова О. В. Формирование нового человека: биомедицинские науки в России XX века (современная англоязычная историография) // Наука в СССР: современная зарубежная историография: сб. обзоров и рефератов. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам, 2014. С. 47–80.
12. Броун М. В. Десять лет санитарного просвещения в Ленинграде // Ленинградский медицинский журнал. 1927. № 8–9. С. 88–103.
13. Бугров К. Д. Социальная инженерия советской власти // Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб.: Алетейя, 2018. С. 265–314.
14. Воронина Т. Советский Красный Крест и борьба за «новый советский быт» в 1930-е гг. [Электронный ресурс] // История повседневности. URL: <http://www.el-history.ru/node/328> (дата обращения: 22.05.2021).
15. Громбах В. А. Как трудящимся бороться за здоровые нервы: (Психогигиена и психопрофилактика труда и быта) / под ред. Ф. Ю. Бермана. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929.
16. Даргинцы / ред. А. В. Мольков. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1930.
17. Десять лет Октября и советская медицина (1917–1927 гг.) / под ред. Н. А. Семашко. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927.
18. Еремеева А. Общий враг красных и белых – тиф // Родина. 2020. № 6. С. 126–129.
19. Ершов В. С. Дом санитарного просвещения и его работа. М.: Изд. института санитар. просвещ., 1949.
20. Житомирский В., Островский А. Семь зараз ульем зараз: санитарный лубок в 2-х картинах. М.: Жизнь и знание, 1926.
21. Зильбер Л. А. Операция «Руда» // Наука и жизнь. 1966. № 12. С. 55–63.
22. Игнатова А. И. Новые архивные материалы к биографии С. Н. Волконской – основателя и первого директора Московского областного института санитарной культуры // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: материалы науч. конф. (г. Москва, 19–23 марта 2018 г.). М.: Янус-К, 2018. С. 111–114.
23. Идзон М. «Дядя Санпросвет идет...» // Огонек. 1930. 10 марта. № 7. С. 13.
24. Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил / ред. А. В. Мольков. М.; Л.: Госиздат, 1928.
25. Кирик Ю. В., Ратманов П. Э., Шеноева П. А. Институционализация социальной гигиены в Советской России в 1920–1930-х годах в международном контексте // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 1. С. 85–94.
- USSR. Professor Mikhail Utenkov (1893–1953). Attempt of Investigation]. *Nauka i zhizn'*. 10. pp. 56–61.
7. Berger, I.A. (1930) K metodike psikhosanitarnogo prosveshcheniya [To the Method of Psychoanitary Education]. In: Rozenshteyn, L.M. (ed.) *Psikhogigienicheskie i nevrologicheskie issledovaniya* [Psychohygienic and Neurological Research]. Vol. 2 (1). Moscow: Izd. GNINPP. pp. 139–156.
8. Berman, F. (1921) *Sud nad neradivym i neryashlivym krasnoarmeytsem* [The Trial of the Negligent and Sloppy Red Army Soldier]. Rostov-on-Don: Politupravlenie SKVO.
9. Bernstiy F. Predstavleniya o zdorov'e v revolyutsionnoy Rossii: tendernaya politika v plakatakh po polovomu prosveshcheniyu v 1920-e gody [Perceptions of Health in Revolutionary Russia: Gender Policy in Sex Education Posters in the 1920s]. In: Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (eds) *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme* [Visual Anthropology: Modes of Visibility Under Socialism]. Moscow: Variant. pp. 215–244.
10. Bogolepova, L.S. (1966) *S.N. Volkonskaya: Nauchnaya i metodicheskaya deyatel'nost' po sanitarnomu prosveshcheniyu* [S.N. Volkonskaya: Scientific and Methodological Activity in Sanitary Enlightenment]. Moscow: Institut sanitarnogo prosveshcheniya.
11. Bol'shakova, O.V. (2014) Formirovanie novogo cheloveka: biomeditsinskie nauki v Rossii XX veka (sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya) [Formation of a New Person: Biomedical Sciences in Russia of the Twentieth Century (Modern English-Language Historiography)]. In: Bol'shakova O.V. (ed.) *Nauka v SSSR: Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya: Sb. obzоров i referatov* [Science in the USSR: Modern Foreign Historiography: Reviews and Abstracts]. Moscow: INION RAS. pp. 47–80.
12. Broun, M.V. (1927) Desyat' let sanitarnogo prosveshcheniya v Leningrade [Ten Years of Sanitary Enlightenment in Leningrad]. *Leningradskiy meditsinskiy zhurnal*. 8–9. pp. 88–103.
13. Bugrov, K.D. (2018) Sotsial'naya inzheneriya sovetskoy vlasti [Social Engineering of Soviet Power]. In: Arakcheev, V.D. et al. *Granitsy i markery sotsial'noy stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Borders and Markers of Social Stratification of Russia in the 17th–20th Centuries: Research Vectors]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 265–314.
14. Voronina, T. (2021) Sovetskiy Krasnyy Krest i bor'ba za "novyy sovetskiy byt" v 1930-e gg. [The Soviet Red Cross and the Struggle for a "New Soviet Way of Life" in the 1930s]. *Istoriya povsednevnosti*. [Online] Available from: <http://www.el-history.ru/node/328> (Accessed: 22.05.2021).
15. Grombakh, V.A. (1929) *Kak trudyashchimsya borot'sya za zdorovye nervy: (Psikhogigiena i psikhoprofilaktika truda i byta)* [How Workers Should Fight for Healthy Nerves: (Psychohygiene and Psychoprophylaxis of Labor and Life)]. Moscow: Izd-vo Moszdrazvotdela.
16. Mol'kov, A.V. (ed.) (1930). *Darginty* [Dargins]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo.
17. Semashko, N.A. (ed.). (1927) *Desyat' let Oktyabrya i sovetskaya meditsina (1917–1927 gg.)* [Ten Years of the October Revolution and Soviet Medicine (1917–1927)]. Moscow: People's Commissariat of Health of the RSFSR.
18. Eremeeva, A. (2020) Obshchiy vrag krasnykh i belyykh – tif [Typhus: The Common Enemy of the Reds and the Whites]. *Rodina*. 6. pp. 126–129.

26. Кукуй И. Ничевоки России – Дада Запада, или Диктатура ничевочества над искусствами // *Revolution und Avantgarde / Anke Niederbudde, Nora Scholz (ed.)* Berlin: Frank and Timme Verlag, 2018. S. 209–222.
27. Лавров А. В. С. Заяицкий – корреспондент Максимилиана Волошина // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 40. P. 182–205.
28. Лапин К. В. Санитарное просвещение: руководство по организации и методике санитарного просвещения для среднего медицинского персонала / в обраб. Ф. Ю. Бермана; под общ. ред. С. Н. Волконской. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1932.
29. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 гг. СПб.: Журнал «Нева», 1999.
30. Манышев С. Б. Мать и дитя в ранней советской политике: случай Дагестана // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17. № 1. С. 75–88.
31. Массовая санитарно-культурная работа на предприятии (в помощь врачу здравпункта) / под ред. И. Липковича и др. Л.: Дом санитарной культуры Ленздравотдела, 1933.
32. Мороз А. И., Мороз В. В. Деятельность Забайкальского губернского отдела здравоохранения по санитарному просвещению в 1923–1926 гг. // *История медицины*. 2019. № 3. С. 181–188.
33. Некрылова А. Ф. Вклад И. П. Еремина в изучение восточнославянского народного театра кукол // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 104–113.
34. Нестеренко А. И. Санитарное просвещение в РСФСР. Становление и начальный период развития (1917–1921 гг.). / ред. Л. С. Боголепова. М.: б. и., 1971.
35. Новикова И. Театр санитарного просвещения [Электронный ресурс] // Российский государственный архив научно-технической документации. URL: <https://rgantd.ru/arh-docs/vov/teatr-sanitarnogo-prosveshcheniya/> (дата обращения: 27.05.2021).
36. Огудин В. А. Атторы – аптекари народной медицины мусульманского Востока // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 9–10. С. 112–130.
37. Очерки по истории советского санитарного просвещения / под ред. И. С. Соколова. М.: б. и., 1960.
38. Пашков К. А., Салакс Ю. М., Бергер Е. Е., Чиж Н. В. Тексты в экспозициях медицинского музея М.: Моск. гос. мед.-стоматолог. ун-т, 2017.
39. Пашков К. А., Бергер Е. Е., Турская М. С., Слышкин Г. Г., Чиж Н. В. Игры по истории медицины. М.: Моск. гос. мед.-стоматолог. ун-т, 2020.
40. Пашков К. А., Дмитриев А. Н. Последний царский министр: Н. К. Кульчицкий (1856–1925) между наукой и политикой // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. Т. 29. № 3. С. 553–559.
41. Первое Всероссийское совещание по санитарному просвещению / под ред. Л. М. Исаева. Смоленск: Гос. изд-во, 1922.
42. Полинский Б. Санитарное просвещение как метод антирелигиозной пропаганды. Харьков: Научная мысль, 1930.
43. Посадский А. В. Медицина Белого Юга в Гражданской войне: структуры, решения, повседневность // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 31. С. 315–329.
44. Ershov, V.S. (1949) *Dom sanitarnogo prosveshcheniya i ego rabota* [House of Sanitary Enlightenment and Its Work]. Moscow: Institute of Sanitary Enlightenment.
45. Zhitomirskiy, V. & Ostrovskiy, A. (1926) *Sem' zaraz ub'em zaraz: sanitarnyy lubok v 2-kh kartinakh* [Let's Kill Seven Plagues at a Time: A Sanitary Lubok in 2 Pictures]. Moscow: Zhizn' i znanie.
46. Zil'ber, L.A. (1966) Operatsiya "Ruda" [Operation "Ore"]. *Nauka i zhizn'*. 12. pp. 55–63.
47. Ignatova, A.I. (2018) *Novye arkhivnye materialy k biografii S.N. Volkonskoy – osnovatelya i pervogo direktora Moskovskogo oblastnogo instituta sanitarnoy kul'tury* [New Archival Materials for the Biography of S.N. Volkonskaya, the Founder and First Director of Moscow Regional Institute of Sanitary Culture]. *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova* [Institute of the History of Natural Science and Technology Named After S.N. Volkonskaya]. Conference Proceedings. Moscow. 19–23 March 2018. Moscow: Yanus-K. pp. 111–114. (In Russian).
48. Idzon, M. (1930) "Dyadya Sanprosvet idet..." ["Uncle Sanitary Enlightenment Is Coming ..."]. *Ogonek*. 10 March. 7. p. 13.
49. Mol'kov, A.V. (ed.) (1928). *Kalmyki. Issledovanie sanitarnogo sostoyaniya i zapasa zhiznennykh sil* [The Kalmyks. Investigation of the Sanitary State and Vitality Reserve]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
50. Kirik, Yu.V., Ratmanov, P.E. & Shenoeva, P.A. (2020) Institutionalization of Social Hygiene in Soviet Russia in the 1920-1930s In the International Context. *Dal'nevostochnyy meditsinskiy zhurnal*. 1. pp. 85–94. (In Russian).
51. Kukuy, I. (2018) *Nichevoki Rossii – Dada Zapada ili Diktatura nichevochestva nad iskusstvami* [Russian Nichevoki – Western Dada, or the Dictatorship of Nichevoki Over the Arts]. In: Niederbudde, A. & Scholz, N. (eds) *Revolution und Avantgarde* [Revolution and Avant-Garde]. Berlin: Frank and Timme Verlag. pp. 209–222.
52. Lavrov, A.V. (2012) S. Zayaitkiy – korrespondent Maksimiliana Voloshina [S. Zayitsky, the Correspondent of Maximilian Voloshin]. *Toronto Slavic Quarterly*. 40. pp. 182–205.
53. Lapin, K.V. (1932) *Sanitarnoe prosveshchenie: rukovodstvo po organizatsii i metodike sanitarnogo prosveshcheniya dlya srednego meditsinskogo personala* [Sanitary Enlightenment: A Guide to the Organization and Methods of Sanitary Enlightenment for Nurses]. Moscow; Leningrad: Gos. med. izd-vo.
54. Lebina, N.B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920–1930 gg.* [Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies, 1920–1930]. St. Petersburg: Zhurnal "Neva".
55. Manyshchev, S.B. (2019) Mother and Child in Early Soviet Social Policy: The Case of Dagestan. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 17 (1). pp. 75–88. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-75-88
56. Lipkovich, I. et al. (eds) (1933) *Massovaya sanitarno-kul'turnaya rabota na predpriyatii: (v pomoshch' vrachu zdravpunkta)* [Mass Sanitary and Cultural Work at the Enterprise: (Helping the Doctor of a Health Center)]. Leningrad: Dom sanitarnoy kul'tury Lenzdravotdela.
57. Moroz, A.I. & Moroz, V.V. (2019) Deyatel'nost' Zabaykal'skogo gubernskogo otdela zdravookhraneniya po

44. Ранов А., Рок Р., Сухаребский Л. Вам (От ничевоков чтение) / ред. Л. М. Сухаребского. М.: Хобо, 1920.
45. Ранов А. И. Театр санпросвета на Украине. Харьков: Научная мысль, 1930.
46. Ранов А. И. Страж здоровья: Из истории санитарно-эпидемиологической службы Курганской области. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1968.
47. Ранов А. Немного о ничевоках // *Revolution und Avantgarde* / A. Niederbudde, N. Scholz (ed.) Berlin: Frank and Timme Verlag, 2018. S. 218–226.
48. Санитарная культура / под ред. С. Н. Волконской и М. С. Лебединского. М.: Изд-во Мособлсполкома, 1931.
49. Сборник сценических материалов по санпросветработе: Сценические проработки Дома санитарного просвещения Н.К.З. Грузии. Сезон 1923–24. Тифлис: Санпросвет-подотдел народного комиссариата здравоохранения Грузии, 1924.
50. Сейфулмулюков И. К. Санитарное просвещение среди коренного населения Узбекистана: (Материалы к истории возникновения и развития Санпросвета среди коренных национальностей Средней Азии). Ташкент: б. и., 1929.
51. Сейфулмулюков И. К. вопросу о табибизме в Узбекистане // *Медицинская мысль Узбекистана*. 1928. № 9–10. С. 63–71.
52. Сироткина И. Е. Психопатология и политика: становление идей и практик психогигиены в России // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2000. № 1. С. 154–177.
53. Сталь Е. Живой журнал по санпросвету / ред. А. И. Ранова. Харьков: Научная мысль, 1929.
54. Старый и новый быт: сб. / под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза. Л.: Госиздат, 1924.
55. Страшун И. Д. Десять лет Октября и десять лет санитарного просвещения. Свет и тени // *Гигиена и эпидемиология*. 1927. № 10. С. 66–75.
56. Страшун И. Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями (1907–1917). М.: Медицина, 1964.
57. Сухаребский Л. М. Обзор санпросветительных кинофильмов за 10 лет пролетарской революции (1917–1927). М.: Мосздравотдел, 1928.
58. Телков Б. Н. Сохранить здоровье народа! История санитарно-эпидемиологической службы Свердловской области. Екатеринбург: б. и., 2012.
59. Трахтман Я. Н. Санитарное просвещение в отрывках художественной литературы. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928.
60. Трахтман Я. Н. К методике изучения санитарной грамотности населения // *Гигиена и эпидемиология*. 1929. № 6. С. 52–58.
61. Трахтман Я. Н. Опыт изучения санитарной грамотности домашних хозяек // *Социальная гигиена*. 1930. № 1–2. С. 90–102.
62. Указатель литературы за 1917–1947 гг. по вопросам санитарного просвещения: (Организация, содержание и методика) / Сост. И. Н. Яковлев. М.: Центр. ин-т сан. просвещения, 1949.
63. Утенков М. Д. Знахарство – дебри тьмы // Цехновицер О. В., Еремин И. П. Театр Петрушки. М.; Л.: Госизд-во, 1927. С. 154–163.
- sanitarnomu prosveshcheniyu v 1923–1926 gg. [Activity of the Trans-Baikal Provincial Health Department on Sanitary Enlightenment in 1923–1926]. *Istoriya meditsiny*. 3. pp. 181–188.
33. Nekrylova, A.F. (2015) I.P. Yerebin's Contribution to the Studies of Eastern Slavic Folk Puppet Theater. *Russkaya literature – Russian Literature*. 2. pp. 104–113.
34. Nesterenko, A.I. (1971) *Sanitarnoe prosveshchenie v RSFSR. Stanovlenie i nachal'nyy period razvitiya. (1917–1921 gg.)* [Sanitary Enlightenment in the RSFSR. Formation and Initial Period of Development. (1917–1921)]. Moscow: [s.n.].
35. Novikova, I. (2015) *Teatr sanitarnogo prosveshcheniya* [Theater of Sanitary Enlightenment]. [Online] Available from: <https://rgantd.ru/arh-docs/vov/teatr-sanitarnogo-prosveshcheniya/> (Accessed: 27.05.2021).
36. Ogudin, V. (2001) *Attory – aptekari narodnoy meditsiny musul'manskogo Vostoka* [Attors – Pharmacists of Traditional Medicine of the Muslim East]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 9–10. pp. 112–130.
37. Sokolov, I.S. (ed.) (1960) *Ocherki po istorii sovetskogo sanitarnogo prosveshcheniya* [Essays on the History of Soviet Sanitary Enlightenment]. Moscow: [s.n.].
38. Pashkov, K.A., Salaks, Yu.M., Berger, E.E. & Chizh, N.V. (2017) *Teksty v ekspozitsiyakh meditsinskogo muzeya* [Texts in the Expositions of the Medical Museum]. Moscow: Moscow State University of Medicine and Dentistry.
39. Pashkov, K.A., Berger, E.E., Tutorskaya, M. S., Slyshkin, G.G. & Chizh, N.V. (2020) *Iгры po istorii meditsiny* [Games on the History of Medicine]. Moscow: Moscow State University of Medicine and Dentistry.
40. Pashkov, K.A. & Dmitriev, A.N. (2021) The Last Tsarist Minister N. K. Kulchickiy (1856–1925): In Between Science and Politics. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny – Problems of Social Hygiene, Public Health and the History of Medicine*. 29 (3). pp. 553–559. (In Russian).
41. Isaev, L.M. (ed.) (1922) *Pervoe Vserossiyskoe soveshchanie po sanitarnomu prosveshcheniyu* [The First All-Russian Meeting on Sanitary Enlightenment]. Smolensk: Gos. izd-vo.
42. Polinskiy, B. (1930) *Sanitarnoe prosveshchenie, kak metod antireligioznoy propagandy* [Sanitary Enlightenment as a Method of Anti-Religious Propaganda]. Kharkiv: Nauchnaya mysl'.
43. Posadskiy, A.V. (2020) Medicine in the White South during the Russian Civil War: Structures, Solutions, Everyday Life. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 10 (31). pp. 315–329. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.203
44. Ранов А., Рок Р. & Сухаребский Л. (1920) *Vam (Ot nichevokov chtenie)* [To You (Reading From Nichevoki)]. Moscow: Khobo.
45. Ранов А. (1930) *Teatr sanprosveta na Ukraine* [Theater of Sanitary Enlightenment in Ukraine]. Kharkiv: Nauchnaya mysl'.
46. Ранов, А.И. (1968) *Strazh zdorov'ya: Iz istorii sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby Kurganskoy oblasti* [Guardian of Health: From the History of the Sanitary and Epidemiological Service of Kurgan Oblast]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
47. Ранов, А. (2018) *Nemnogo o nichevokakh* [A Little About the Nichevoki]. In: Niederbudde, A. & Scholz, N. (eds)

64. Фролова Ю. Г. От «санитарной обороны» к «личной профилактике»: исторический контекст развития отечественной психологии здоровья // *Философия и социальные науки* (Минск). 2009. № 3. С. 97–101.
65. Шаламов В. А. Санитарное просвещение Сибири в 1920–1930-е годы // *Сибирский медицинский журнал* (Иркутск). 2013. № 2. С. 120–122.
66. Шерстнева Е. В., Егорышева И. В., Гончарова С. Г. Медицина городских общественных самоуправлений в России. М.: Шико, 2017.
67. Шерстнева Е. В. Организация санитарного просвещения населения в первые годы советской власти // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*. 2015. № 7. С. 121–125.
68. Шишкин А. П. Государственный институт социальной гигиены НКЗ РСФСР и его роль в развитии социальной гигиены, 1919–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1970.
69. Шоломович А. С. Детский поход на взрослых / под ред. Санпросвета Мосздравотдела. М.: Мосздравотдел, 1926.
70. Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: Терра, 1996.
71. Яковенко В. А. Здоровье населения и социальная стратификация в публицистике Н. А. Семашко (1918–1928 гг.) // *Россия и современный мир*. 2020. № 3. С. 191–203.
72. Beer D. *Renovating Russia: The human sciences and the fate of liberal modernity, 1880–1930*. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
73. Kosenko O., Polianski I. J. Der Tanz der kleinen Spirochäten // *Der Urologe*. 2021. Т. 60. № 5. С. 628–639. <https://doi.org/10.1007/s00120-020-01133-9>
74. Kremontsov N. L. *Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
75. Mogilner M. Toward a History of Russian Jewish “Medical Materialism”: Russian Jewish Physicians and the Politics of Jewish Biological Normalization // *Jewish Social Studies: History, Culture, Society*. 2012. Vol. 19. № 1. С. 70–106. <https://doi.org/10.2979/JEWISOCISTUD.19.1.70>
76. Pawley S. Revolution in health: nervous weakness and visions of health in revolutionary Russia, c. 1900–31 // *Historical Research*. 2017. Т. 90. № 247. С. 191–209. <https://doi.org/10.1111/1468-2281.12169>
77. Polianski I. J., Kosenko O. Nervosität und theatrale Hygieneaufklärung im Sowjetrußland der 1920–30er Jahre // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2020. Т. 43. № 3. S. 430–456. <https://doi.org/10.1002/bewi.202000008>
78. Polianski I. J., Kosenko O. The «proletarian disease» on stage Theatrical anti-tuberculosis propaganda in the early Soviet Union // *Microbes and Infection*. 2021. <https://doi.org/10.1016/j.micinf.2021.104838>
79. Polianski I. J., Tutorskaya M., Kosenko O. «Sieben Plagen auf einmal schlagen» – Theatrale Hygienepropaganda und Infektionskrankheiten in der Sowjetunion der 1920-er-40-er Jahre // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. Т. 44. № 1. S. 44–73. <https://doi.org/10.1002/bewi.202000028>
80. Solomon S. G. *Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930* // *Health and Society in Revolutionary Revolution und Avantgarde* [Revolution and Avant-Garde]. Berlin: Frank and Timme Verlag. pp. 218–226.
48. Volkonskaya, S.N. & Lebedinskiy, M.S. (eds) (1931) *Sanitarnaya kul'tura* [Sanitary Culture]. Moscow: Izd-vo Mosoblspolkoma.
49. Sanitary Enlightenment-Subdivision of the People's Commissariat of Health of Georgia. (1924) *Sbornik stenicheskikh materialov po sanprosvetrabote: Stsenicheskie prarabotki Doma sanitarnogo prosveshcheniya N.K.Z. Gruzii. Sezon 1923–24* [Collection of Stage Materials on Sanitary Enlightenment: Stage Studies of the House of Sanitary Enlightenment of the People's Commissariat of Health of Georgia. Season 1923–24]. Tiflis: Sanitary Enlightenment-Subdivision of the People's Commissariat of Health of Georgia.
50. Seyful'mulyukov, I.K. (1929) *Sanitarnoe prosveshchenie sredi korennoy naseleniya Uzbekistana: (Materialy k istorii vozniknoveniya i razvitiya Sanprosveta sredi korennykh natsional'nostey Sredney Azii)* [Sanitary Enlightenment Among the Indigenous Population of Uzbekistan: (Materials on the History of the Emergence and Development of Sanitary Enlightenment Among the Indigenous Peoples of Central Asia)]. Tashkent: [s.n.].
51. Seyful'mulyukov, I. (1928) K voprosu o tabibizme v Uzbekistane [On the Issue of Tabibism in Uzbekistan]. *Meditsinskaya mysl' Uzbekistana*. 9–10. pp. 63–71.
52. Sirotkina, I.E. (2000) *Psikhopatologiya i politika: stanovlenie idey i praktik psikhogigieny v Rossii* [Psychopathology and Politics: The Formation of Ideas and Practices of Psychohygiene in Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 154–177.
53. Stal', E. (1929) *Zhivoy zhurnal po sanprosvetu* [Live Journal on Sanitary Enlightenment]. Kharkiv: Nauchnaya mysl'.
54. Tan-Bogoraz, V.G. (ed.) (1924) *Staryy i novyy byt* [Old and New Life]. Leningrad: Gosizdat.
55. Strashun, I.D. (1927) Desyat' let Oktyabrya i desyat' let sanitarnogo prosveshcheniya. Svet i teni [Ten Years of the October Revolution and Ten Years of Sanitary Enlightenment. Light and Shadows]. *Gigiena i epidemiologiya*. 10. pp. 66–75.
56. Strashun, I.D. (1964) *Russkaya obshchestvennaya meditsina v period mezhdu dvumya revolyutsiyami (1907–1917)* [Russian Public Medicine in the Period Between Two Revolutions (1907–1917)]. Moscow: Meditsina.
57. Sukharebskiy, L.M. (1928) *Obzor sanprosvetitel'nykh kinofil'mov za 10 let proletarskoy revolyutsii (1917–1927)* [Review of Films on Sanitary Enlightenment for the 10 Years of the Proletarian Revolution (1917–1927)]. Moscow: Moszdrazotdel, 1928.
58. Telkov, B.N. (2012) *Sokhranit' zdorov'e naroda! Istoriya sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby Sverdlovskoy oblasti* [Save the Health of the People! The History of the Sanitary and Epidemiological Service of Sverdlovsk Oblast]. Yekaterinburg: [s.n.].
59. Trakhtman, Ya.N. (1928) *Sanitarnoe prosveshchenie v otryvkakh khudozhestvennoy literatury* [Sanitary Enlightenment in Fragments of Fiction]. Moscow: People's Commissariat of Health of the RSFSR.
60. Trakhtman, Ya.N. (1929) K metodike izucheniya sanitarnoy gramotnosti naseleniya [On the Method of Studying the Sanitary Literacy of the Population]. *Gigiena i epidemiologiya*. 6. pp. 52–58.

Russia / eds. S. G. Solomon, J. F. Hutchinson. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. P. 175–199.

81. Solomon S. G. The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide // *The History of Public Health and the Modern State* / D. Porter (ed.) Amsterdam: Rodopi, 1994. P. 183–223.

82. Solomon S. G. The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930 // *Social History of Medicine*. 1990. Vol. 3. P. 405–435.

83. *Soviet medicine: Culture, practice, and science* / Ed. by Bernstein F. L., Burton C., Healey D. DeKalb: Northern Illinois university press, 2010.

84. Starks T. *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2008.

85. Sumpf A. *Bolcheviks en campagne. Paysans et éducation politique dans la Russie des années 1920*. Paris: CNRS Éditions, 2010.

86. Tetzner T. *Der kollektive Gott: Zur Ideengeschichte des 'Neuen Menschen' in Russland*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2013.

61. Trakhtman, Ya.N. (1930) Opyt izucheniya sanitarnoy gramotnosti domashnikh khozyaek [Experience of Studying the Sanitary Literacy of Housewives]. *Sotsial'naya gigiena*. 1–2. pp. 90–102.

62. Yakovlev, I.N. (1949) *Ukazatel' literatury za 1917–1947 gg. po voprosam sanitarnogo prosveshcheniya: (Organizatsiya, sodержanie i metodika)* [Index of Literature on Sanitary Enlightenment for 1917–1947: (Organization, Content and Methodology)]. Moscow: Central Institute of Sanitary Enlightenment.

63. Utenkov, M.D. (1927) *Znakharstvo – debri t'my* [Witchcraft Medicine – The Wilds of Darkness]. In: Tsekhnovitser, O.V. & Eremin, I.P. *Teatr Petrushki* [Petrushka Theater]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 154–163.

64. Frolova, Yu.G. (2009) Ot “sanitarnoy oborony” k “lichnoy profilaktike”: istoricheskiy kontekst razvitiya otechestvennoy psikhologii zdorov'ya [From “Sanitary Defense” to “Personal Prevention”: The Historical Context of the Development of National Health Psychology]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* (Minsk). 3. pp. 97–101.

65. Shalamov, V.A. (2013) Sanitary Education in Siberia in the 1920s–1930s. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Medical Journal* (Irkutsk). 2. pp. 120–122. (In Russian).

66. Sherstneva, E.V., Egorysheva, I.V. & Goncharova, S.G. (2017) *Meditsina gorodskikh obshchestvennykh samoupravleniy v Rossii* [Medicine of Urban Public Self-Governing Bodies in Russia]. Moscow: Shiko.

67. Sherstneva, E.V. (2015) Organization of Population Sanitary Education in the First Years of Soviet Power. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*. 7. pp. 121–125. (In Russian).

68. Shishkin, A.P. (1970) Gosudarstvennyy institut sotsial'noy gigieny NKZ RSFSR i ego rol' v razvitiy sotsial'noy gigieny, 1919–1934 gg. [The State Institute of Social Hygiene of the People's Health Commissariat of the RSFSR and Its Role in the Development of Social Hygiene, 1919–1934]. Abstract of Medicine Cand Diss. Moscow.

69. Sholomovich, A.S. (1926) *Detskiy pokhod na vzroslykh* [Children's Campaign on Adults]. Moscow: Moscow Health Department.

70. Engel'shteyn, L. (1996) *Klyuchi schast'ya. Seks i poiski putey obnovleniya Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Keys of Happiness. Sex and the Search for Ways to Renew Russia at the Turn of the 20th Century]. Moscow: Terra.

71. Yakovenko, V.A. (2020) The Health of Population and Social Stratification in N.A. Semashko's Publicistic Writing (1918–1928). *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*. 3. pp. 191–203. (In Russian).

72. Beer, D. (2008) *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca: Cornell University Press.

73. Kosenko, O. & Polianski, I.J. (2021) Der Tanz der kleinen Spirochäten [The Dance of the Little Spirochetes]. *Der Urologe*. 60 (5). pp. 628–639. DOI: 10.1007/s00120-020-01133-9

74. Kremontsov, N.L. (2014) *Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction*. Oxford: Oxford University Press.

75. Mogilner, M. (2012) Toward a History of Russian Jewish “Medical Materialism”: Russian Jewish Physicians and the Politics of Jewish Biological Normalization. *Jewish Social*

Studies: History, Culture, Society. 19 (1). pp. 70–106. DOI: 10.2979/JEWISOCISTUD.19.1.70

76. Pawley, S. (2017) Revolution in health: nervous weakness and visions of health in revolutionary Russia, c. 1900–31. *Historical Research.* 90 (247). pp. 191–209. DOI: 10.1111/1468-2281.12169

77. Polianski, I.J. & Kosenko, O. (2020) Nervosität und theatrale Hygieneaufklärung im Sowjetrusland der 1920–30er Jahre [Nervousness and theatrical hygiene education in Soviet Russia in the 1920–30s]. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte.* 43 (3). pp. 430–456. DOI: 10.1002/bewi.202000008

78. Polianski, I.J. & Kosenko, O. (2021) The “proletarian disease” on stage Theatrical anti-tuberculosis propaganda in the early Soviet Union. *Microbes and Infection.* DOI: 10.1016/j.micinf.2021.104838

79. Polianski, I.J., Tutorskaya, M. & Kosenko, O. (2021) “Sieben Plagen auf einmal schlagen” – Theatrale Hygienepropaganda und Infektionskrankheiten in der Sowjetunion der 1920-er–40-er Jahre [“Beat seven plagues at once” – Theatrical hygiene propaganda and infectious diseases in the Soviet Union in the 1920s–40s]. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte.* 44 (1). pp. 44–73. DOI: 10.1002/bewi.202000028

80. Solomon, S.G. (1990) Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930. In: Solomon, S.G. & Hutchinson, J.F. (eds) *Health and Society in Revolutionary Russia.* Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. pp. 175–199.

81. Solomon, S.G. (1994) The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide. In: Porter, D. (ed.) *The History of Public Health and the Modern State.* Amsterdam: Rodopi. pp. 183–223.

82. Solomon, S.G. (1990) The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930. *Social History of Medicine.* 3. pp. 405–435.

83. Bernstein, F.L., Burton, C. & Healey, D. (eds) (2010) *Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science.* DeKalb: Northern Illinois University Press.

84. Starks, T. (2008) *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionnary State.* Madison: The University of Wisconsin Press.

85. Sumpf, A. (2010) *Bolcheviks en campagne. Paysans et éducation politique dans la Russie des années 1920* [Bolsheviks in the countryside. Peasants and political education in Russia in the 1920s]. Paris: CNRS Éditions.

86. Tetzner, T. (2013) *Der kollektive Gott: Zur Ideengeschichte des ‘Neuen Menschen’ in Russland.* Göttingen: Wallstein Verlag.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дмитриев, А. Н. Красный санпросвет: медицина, культура, общество в 1920-е годы / А. Н. Дмитриев, К. А. Пашков, О. Р. Паренькова // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 14–30. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.001

Full bibliographic reference to the article:

Dmitriev, A.N., Pashkov, K.A. & Paren'kova, O.R. (2021) Red Sanitary Enlightenment: Medicine, Culture and Society during the 1920s. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 3. pp. 14–30. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.001

БАРАНОВ Андрей Владимирович

доктор исторических наук, доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии и политического
управления Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация

Andrey V. BARANOV

Dr. Sci. (National History), Dr. Sci. (Political Institutions, Ethnopolitical
Conflictology, National and Political Processes and Technologies), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
baranovandrew@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7109-3062

УДК 811.161.2-045.37:304(47-13)"1923/1932"
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002

**Украинизация в Северо-
Кавказском крае РСФСР
(1923–1932): замыслы, реакция
общества, результаты¹**

**Ukrainization in North Caucasus Krai
of the RSFSR (1923–1932):
Plans, Public Reaction, Results²**

Автор статьи определяет причины и цели украинизации в Северо-Кавказском крае РСФСР и анализирует реакцию населения на реформы и результаты такого политического курса. Исследование выполнено в рамках конструктивистской парадигмы, основано на документах Центров документации новейшей истории Ростовской области и Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области, материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. Украинизация была составной частью этнополитики «позитивной дискриминации» («коренизации»), принятой РКП(б) в 1923 г. Она включала в себя задачи распространения в Северо-Кавказском крае, Центрально-Черноземной области РСФСР и других макрорегионах украинского литературного языка, формирования украинской идентичности, обеспечения представительства украинцев в партийных и государственных органах власти, общественных организациях. Реформы встретили сопротивление местных чиновников и населения, были оправданно прекращены в условиях коллективизации и военной угрозы.

Ключевые слова: украинизация, украинский язык, национальный вопрос, национальная политика, Северо-Кавказский край РСФСР, замыслы, реакция общества, результаты.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

² The research was performed within the framework of the Russian Foundation for Basic Research Project No. 21-09-43110 "The Relationship Between the Party-State Power and the Multiethnic Society in the Course of the Implementation of National Policy (Based on Materials From the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)".

Тема нашей статьи обладает неизменной и растущей актуальностью. Этнополитика «позитивной дискриминации» («коренизации»), проводившаяся РКП(б) в 1923–1932 гг., предусматривала, в том числе, повышение статуса и формирование идентичности этнических меньшинств, «перекодирование» полиэтничных сообществ. Одним из вариантов такой стратегии, наряду с «белорусизацией», «татаризацией» и т.д., была «украинизация» в Северо-Кавказском и Нижне-Волжском краях, Центрально-Черноземной области. В современных условиях превратно толкуемые исторические факты используются органами власти Украины для распространения мифа об «украинстве» ряда регионов России. Вопросы языковой, исторической, музейной, символической политики в регионах русско-украинских социокультурных контактов актуальны для укрепления единства российской нации.

Цель работы — определить замыслы украинизации в Северо-Кавказском крае РСФСР и выявить реакцию полиэтничного общества макрорегиона на реформы и результаты такого курса.

Территориальные рамки статьи охватывают Северо-Кавказский край, включавший в себя в период с лета 1924 по начало 1934 гг. территорию дореволюционных Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, — пространство русско-украинского социокультурного синтеза. Поскольку автохтонные этнические группы Северного Кавказа составляли небольшую долю населения края, мы используем понятия «Северо-Кавказский край» и «Юг России» как синонимы.

Статья выполнена в рамках конструктивистской парадигмы этноисторических исследований, обоснованной Ф. Бартом [45], Э. Хобсбаумом [47], Р. Брубейкером [46] и др. Конструктивизм дает возможность переосмыслить проявления этничности в исторических феноменах в качестве целенаправленно формируемого властными элитами коллективного самосознания, структурирования сложного по строению общества на базе однозначных, категоричных представлений о «национальностях». Конструктивизм позволяет

определить, на основе каких совместных форм деятельности и маркеров идентичности люди вырабатывают представления о своей этничности, соотносят себя с этническими группами. Особенно полезен конструктивизм для осмысления этнических процессов в контактных ареалах, полиэтничных региональных сообществах, к которым относился в 1920-х — начале 1930-х гг. Северо-Кавказский край.

Источниковую основу статьи составили документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края [36] [37] [38] [39], Государственном архиве Ростовской области [16], а также материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. [13] [14]. Представляют интерес резолюции руководящих партийных органов РКП(б) — ВКП(б) [40], перспективные планы украинизации, протоколы заседаний украинских коммунистических секций при партийных комитетах окружного и краевого уровней, стенограмма конференции по вопросам советского строительства среди национальных меньшинств края, материалы обследований хода украинизации на местах и отчеты партийных и советских служащих о проверке местной работы, доклады органов ОГПУ. Информативные документы содержат опубликованные сборники материалов. Обозначенная совокупность источников дает возможность достаточно полно реконструировать цели и ход выполнения украинизации на региональном и местном уровнях.

Степень научной разработанности темы следующая. Основные специальные работы об украинизации в Северо-Кавказском крае начали создаваться с середины 1990-х гг., когда были сняты идеологические ограничения. Первые исследователи темы (М. В. Мирук [27], О. В. Бершадская [8], В. А. Матвеев [26], А. В. Баранов [7]) издали краткие обобщающие статьи. Системное изучение украинизации в СССР провела Е. Ю. Борисенко, но в ее монографии реформы в Северо-Кавказском крае упоминаются бегло [11]. Значительное внимание демографическим процессам среди украинцев на Кубани уделили В. Н. Ракачев и Я. В. Ракачева [29], Ф. Д. Климчук [23]. Украинизация школьного образования исследована в диссертации О. В. Алдакимовой [5]. Видный ли-

тературовед В. К. Чумаченко осветил историю создания и деятельности Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института [41]. Для историографии до 2014 г. характерны исследования темы преимущественно на материалах Кубано-Черноморья. Исключением стали концептуально емкие статьи Т. П. Хлыниной [35], а также А. П. Скорика и В. А. Бондарева [31]. Качественное расширение источниковой базы исследований обеспечил И. Г. Иванцов, изучивший документы комиссий партийного контроля РКП(б)–ВКП(б) [22]. С. Я. Суций установил тенденции демографических изменений украинского общества на Юге России, но его работа строится только на статистических данных, без учета кардинальной ломки этнической идентичности в 1917–1932 гг. [33]. В. З. Акопян сосредоточил внимание на малоизученных аспектах: сравнении причин украинизации Юга России и УССР [3], создании украинской национальной секции при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) [2], украинизации как проекте, направленном против казачьей сословности [4].

Новый этап развития историографии проблемы начался в 2014 г. Приход к власти на Украине радикальных антироссийских элит привел к политизации темы, вызвал повышенный интерес к исследованиям и рост в них полемической компоненты. Характерны в этом контексте работы Е. Ю. Борисенко о формировании концепта «украинизация» [10] и попытках сконструировать в 1920-х гг. «кубанский язык» [9]. К. С. Дроздов выяснил влияние украинизации в РСФСР на изменение самосознания украинцев [18]. Т. П. Хлынина, А. В. Баранов и И. Ю. Васильев провели системный анализ украинизации на Кубани [34] [6] [12]. Внимание привлекает сравнительный анализ украинизации в различных регионах (статьи К. С. Дроздова [19] и А. В. Аверьянова [1]). Повысился интерес к вопросам языковой политики, классификации говоров и диалектов (К. С. Дроздов [21]).

Зарубежные историки также уделяют внимание украинизации регионов РСФСР 1920-х — начала 1930-х гг. Значительное место этот процесс занимает в концепции «империи положительного действия» Т. Мартина [25], который отмечает важное значение укра-

инизации для внешней и федеративной политики СССР, ее противоречивые последствия. Словацкий историк И. Залевский дает оценку исследуемому явлению в ракурсе языковых процессов и утраты кубанским казачеством качеств субэтнуса [48]. В украинской историографии можно выделить работы Д. Д. Белого [42], С. В. Кульчицкого [24], В. С. Майстренко и О. В. Корнева [43], Н. Горишны [15], Ю. С. Готковой [17]. Для них характерны искажения фактов на основе доктрины «советского империализма», рассуждения о принудительной русификации Северо-Кавказского края и Центрального Черноземья. Эти черты исследований усилились с 2014 г. под давлением государственной политики и публицистики.

Итак, на данном этапе уже сложились научные традиции исследования украинизации 1923–1932 гг. в РСФСР, развиваются такие направления, как анализ целей партийно-государственного курса, украинизации аппарата власти, образовательной и языковой политики, сопоставление сходных процессов в округах Северо-Кавказского края. Но тема становится все более политизированной, ряд выводов (о наличии целостной и прочной украинской идентичности части населения Юга России, о негативном и насильственном характере прекращения реформ), на наш взгляд, не обоснован и требует проверки.

Новизна нашей статьи — во введении в научный оборот документов национальных секций при окружных и краевом комитетах РКП(б), материалов конференции, прошедшей 21 декабря 1928 г. и посвященной вопросам советского строительства среди национальных меньшинств Северо-Кавказского края.

Следует учесть, что украинизация как целенаправленная политика проводилась не большевистскими правительствами на Украине, а также Кубанской краевой Радой в 1918 — начале 1920 гг. [30]. Поэтому большевистской партии следовало противопоставить «петлюровской», буржуазно-националистической программе нацистроительства свою стратегию преодоления имперского, «шовинистического» наследия — строительство социалистической Украины на основе признания украинцев отдельной от русских нацией со своей идентичностью, историей, языком. Это оз-

начало, как признает Т. Мартин, неизбежную дискриминацию русских, категоричное разделение великороссов и украинцев [25, с. 42]. УССР должна была стать плацдармом мировой революции на границах Польши, ее следовало сделать индустриализированной и создать политически лояльный аппарат управления, что требовало уступок в пользу украинской интеллигенции. Украинизация регионов РСФСР с полиэтничным населением соответствовала логике «империи навыворот», повышавшей статус этнических меньшинств ради их лояльности властям и проводившей «положительную дискриминацию» русских. Данная стратегия обоснована в резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» (апрель 1923 г.) [28], усмотревшей главную угрозу в «великодержавном шовинизме».

К. С. Дроздов обратил внимание на важный документ, подготовивший введение украинизации, — докладную записку украинского центрального бюро (УЦБ) Совета по просвещению нацменьшинств Наркомпроса РСФСР «О необходимости организации и усиления партработы среди украинского населения России» в Агитационно-пропагандистский отдел (АПО) ЦК РКП(б) от 5 февраля 1923 г. [20]. Автор записки — заведующий УЦБ В. А. Гадзинский предлагал создать при областных партийных комитетах украинские секции, руководящие партийной и просветительской работой; качественно увеличить число партийных газет и брошюр для украинского населения РСФСР; направлять на работу в местности проживания украинцев партийных, советских и хозяйственных работников со знанием украинского языка. Его инициативы нашли поддержку ЦК (См.: [20]). Для правящей партии было важно обеспечить идеологический контроль над стихийно начавшейся усилиями местной интеллигенции украинизацией. Осенью 1924 г. принимается курс «Лицом к деревне», и поскольку украинцы на Юге России на 88,6% были сельскими жителями [14], поощрение их интересов помогало укрепить союз рабочего класса с трудовым крестьянством.

Несмотря на наличие директив ЦК РКП(б), датируемых весной 1923 г., в тезисах «Итоги работы по украинскому просвети-

тельному делу в Кубанском округе» (1927 г.) отмечено, что работа началась только осенью 1923 г., а особенно активизировалась летом 1924 г. — со времени районирования (создания Северо-Кавказского края и входивших в его состав округов) [36, л. 13]. Украинские секции при подотделах национальных меньшинств АПО окружных и районных комитетов РКП(б) начали создаваться в январе 1925 г., а секция при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) была организована лишь 6 апреля 1925 г. [38, л. 1]. Ее председателем стал Чапала, заместителем председателя — Коморник; избран состав бюро краевой секции — 4 чел. и определена периодичность заседаний — 2 раза в месяц. В г. Краснодаре 4 апреля 1925 г. проведено I краевое совещание секретарей украинских секций окружкомов РКП(б). Руководил его работой заведующий подотделом национальных меньшинств АПО Северо-Кавказского крайкома РКП(б) Блехер [38, л. 5–6, 85].

План работы Украинской секции при крайкоме РКП(б) на апрель-август 1925 г. предусматривал организационные и агитационно-пропагандистские меры, в том числе: ввести в штат райкомов партии штатных инструкторов-украинцев либо русских, знающих украинский язык; выделить места для представительства украинцев в станичных Советах; наладить регулярное взаимодействие краевой секции с окружными и районными; освободить секретарей украинских секций от других партийных обязанностей; провести статистический учет всего украинского населения, а также партийных и советских работников-украинцев; организовать при хатах-читальнях кружки украинского образования; образовать украинские секции при окружных и городских клубах национальных меньшинств; создать украинские отделения и уголки при библиотеках; обеспечить снабжение библиотек и хат-читален коммунистической литературой через Ростовское отделение Укрвосиздата; наладить сеть пунктов ликвидации неграмотности на украинском языке. Подчеркивалось, что изучение истории Украины должно вестись «в духе революционной борьбы», противопоставляться петлюровскому национал-шовинистическому движению [38, л. 25–42]. Сохранилась программа занятий

членов Армавирской секции окружного комитета РКП(б) по украиноведению за 1925 г. Она достаточно грамотно составлена и включает следующие темы: 1) история революционного движения на Украине, современное политическое и экономическое положение УССР; 2) история населения, административное деление, экономика Кубани (включая Армавирский округ); 3) нормы Конституции СССР по национальному вопросу. Предполагалось заслушивать доклады подотдела национальных меньшинств крайОНО, совета профсоюзов, клуба «Нацмен», направлять представителей украинских партсекций в станицы для лекций и бесед [38, л. 2–3]. Летом 1925 г. открыты Украинские отделения в советско-партийной школе г. Краснодара и Краснодарском педагогическом техникуме.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в декабре 1928 г. принял план украинизации партийного и советского аппарата управления в 37 сельских районах, требовавший обеспечить переподготовку местных советских работников и милиционеров, перевод делопроизводства на украинский язык [18, с. 89] [44]. Был создан Полтавский украинский национальный район и ряд станичных Советов. Успешно развивалась и реформа образования. Согласно справке Северо-Кавказского крайОНО для Наркомпроса РСФСР, к лету 1932 г. в крае на украинский язык перешли 1609 школ 1-й ступени, в которых учились 221 453 человека, а преподавали — 558, и 259 школ 2-й ступени, насчитывающих 42 148 школьников и 1 552 учителей (См.: [5, с. 161]).

Многие местные партийные и советские руководители недопонимали смысл украинизации и не проявляли усилий по ее развитию. Так, АПО Майкопского окружного РКП(б) в справке Майкопскому окружному отделу ОГПУ (1925 г.) не указывал украинцев в числе национальных меньшинств [39, л. 1–2], а Черноморское окружное земельное управление рассчитало в 1928 г. сведения о землепользовании русских и украинцев в качестве единой учетной категории [37, л. 1–2]. Посещаемость заседаний украинских партсекций была низкой. Секретарь Армавирской окружной секции А. А. Лысогор докладывал на краевом совещании 3 апреля 1925 г., что иногда партра-

ботники смотрят на украинскую культуру как «отмирающее явление», заявляют, что «наши украинцы уже обрусели... Еще есть украинское население, которое в своей массе считает свой язык некультурным, свидетельствующим о невежестве» [38, л. 77]. Заведующий Украинским педагогическим техникумом Миненко жаловался на недружелюбие, препятствия работе на украинском языке со стороны властей Кубанского округа [38, л. 89 об]. На заседании бюро Армавирской окружной секции 9 октября 1925 г. Пинчук заявил: «Некоторые члены партии смотрят на национальную работу с шовинистической точки зрения и иногда враждебно относятся к украинизации, говоря, что она не нужна, несмотря на то, что некоторые (так считающие.— А. Б.) по национальности украинцы» [38, л. 29–29 об]. Краевая украинская секция потребовала от местных секций уделить особое внимание притеснениям украинцев государственным аппаратом и национальному антагонизму, «если таковой возникнет» [38, л. 71].

Состояние статистики этнического состава населения подтверждает эти противоречия. Так, на краевом совещании 4 апреля 1925 г. Блехер назвал численность украинцев в Северо-Кавказском крае — до 1,5 млн. чел. (18% всего населения) [38, л. 89]. Но Всесоюзная перепись населения (декабрь 1926 г.) дала число украинцев края 3 млн. 106,9 тыс. чел. (37,1%) [14]. Такие различия объяснимы тем, что критерии определения «национальности» резко изменились. Сначала Центральное статистическое управление СССР брало за основу самооценку граждан, а при переписи — национальную принадлежность родителей индивида. Двойные, переходные варианты при переписи не учитывались. То есть, конструктивистская оценка этничности была заменена на примордиальную. Не получила официального одобрения и идея наркома просвещения СССР А. В. Луначарского о поддержке «кубанского языка» (наречия), предпочтительного для местного населения в сравнении с украинским литературным языком [9, с. 37–52] [28]. Его мнение разделяли председатели Кубанской и Армавирской окружных украинских партсекций: «надо приспособиться к кубанскому говору, к понятной речи», а галичанские

книги могут только повредить [36, л. 13–16] [38, л. 77–78].

По итогам переписи 1926 г. украинцы составили 71,5% населения Таганрогского округа, 55,1% — Донецкого, 44,0% — Донского, 43,9% — Сальского и 13,1% — Шахтинско-Донецкого округа (в среднем по донским округам — 42,1%); 61,5% жителей Кубанского, 35,7% — Черноморского, 32,9% — Армавирского и 28,6% — Майкопского округа (в среднем по кубанским округам — 46,7%); 33,8% населения Ставропольского и 30,2% — Терского округа, 8,0% — г. Грозного и 5,1% — г. Владикавказа (в среднем по русским местностям Террека — 29,2%) [13]. Итак, наибольший удельный вес украинцев наблюдался в местностях, пространственно близких к УССР и наиболее аграрных.

Для значительной части населения (32% жителей Северо-Кавказского края) их самооценка в качестве казаков была важнее, чем этническая. Казачья идентичность имела более прочные основания, чем украинская. На Дону и Тереке, в ареале линейного казачества Кубани украинство воспринималось как признак «иногородних», и только в Кубанском и Черноморском округах оно не противоречило казачьему самосознанию.

Население края реагировало на украинизацию противоречиво. В мае 1925 г. председатель украинской секции Армавирского окружкома РКП(б) выявил «антагонизм между украинским и русским учительством» на основании анализа мнений, высказанных на родительских собраниях в с. Отрадо-Ольгинском [38, л. 15]. Казаки и крестьяне рассуждали так: если учить ребенка на украинском языке, он не поступит в среднюю школу, «не сможет быть в русском обществе, он смешон»; сомнения учителей: «надо ли украинский язык применять для нашего полуобрусевшего украинца?» [38, л. 77]. В 1927 г. Кубанский окружной отдел народного образования провел анкетный опрос украинцев в 5 станицах и 1 хуторе (786 чел.). Мнения разделилось поровну: 351 чел. высказался за образование на украинском языке, 350 — на русском, 44 — за изучение обоих языков, 41 чел. не определился. В большей мере поддержали украинское образование казаки, зажиточные слои опрошенных, жите-

ли отдаленных от г. Краснодара станиц [36, л. 34–34 об].

Местные партийные органы более осторожно подходили к украинизации, чем краевые. Председатель Кубанской окружной украинской партсекции А. А. Лысогор составил в 1927 г. тезисы к совещанию секретарей секций. Он отмечал перегибы как в сторону русского, так и украинского шовинизма; считал, что категорически не стоит вопрос о принуждении русских партработников отказаться от русского языка и культуры, а нужно знание обоих языков; призывал не навязывать украинский язык и не выбирать язык школьного образования голосованием [36, л. 15, 19–22].

Характерна дискуссия, возникшая 21 декабря 1928 г. на краевой конференции о советском строительстве среди национальных меньшинств Северо-Кавказского края. Видные филологи В. Ф. Чистяков и А. В. Миртов подчеркнули диалектное многообразие украинских говоров на Кубани, наличие их переходных вариантов, при этом они отдали предпочтение русскому языку как признаку наиболее сильной культуры. Отмечено, что в регионе естественное тяготение молодежи к русскому языку и сложившееся двуязычие [36, л. 22–26, 44]. В свою очередь, партийный функционер Пилипенко заклеил термин «общерусский язык» как буржуазный, внушающий «триединую русскую нацию» и русский империализм. Русский язык не выше украинского по развитию. Нет «кубанского языка», а есть разные диалекты украинского языка. Пилипенко задается вопросом: для чего вести украинизацию? По его мнению, получатся украинские районы, затем — область, «а еще дальше присоединение Кубанской области к Украине... Но даже если бы такая аннексия случилась, то в современных условиях никакого несчастья не произошло бы» [36, л. 183, 56–60, 62].

В условиях коллективизации и роста угрозы войны украинизация оценивалась центральными органами власти все более сдержанно. Доклад Секретного отдела ОГПУ «Антисоветское движение в деревне» за подписью начальника отдела Т. Д. Дерибаса и начальника 3-го отдела СО ОГПУ Р. И. Аустрина (октябрь 1928 г.) содержал тревожную информацию: на Кубани есть «тяготение антисовет-

ских элементов на установление связи с антисоветскими элементами Украины, и шовинистические лозунги последней прививаются также и кубанскому антисоветскому движению» [32, с. 817].

Сделаем выводы. Украинизация в 1923–1932 гг. была составной частью этнополитики «позитивной дискриминации» («коренизации»), принятой РКП(б) в 1923 г. Украинизация ставила целью нациестроительство, повышение этнического и политического статуса «украинцев» Юга России, которые представляли собой в 1920-х гг. ряд сообществ с переходной, русско-украинской идентичностью (самоназвания: «хохлы», «перевертни», «кубанцы» и др.). Украинизация включала в себя следующие задачи: распространение в Северо-Кавказском крае, Центрально-Черноземной области РСФСР и других макрорегионах украинского литературного языка и его применение в государственном делопроизводстве; формирование украинской идентичности;

обеспечение представительства украинцев в партийных и государственных органах власти, общественных организациях. В Северо-Кавказском крае украинизация реально началась в конце 1924 г. и была распространена постепенно по всем округам с преобладанием славянского населения. Жители этих территорий, не возражая против общекультурной работы (ликвидация неграмотности, среднее образование, библиотеки, театр), противились навязыванию украинского языка как единственного официального, обязательного для делопроизводства и работы на партийных и государственных должностях. Недовольство вызвало внедрение украинского литературного языка («галичанского наречия»), так как население говорило на местных диалектах («кубанском языке», «балачке»). Реформы встретили сопротивление на разных социальных уровнях и были оправданно прекращены в декабре 1932 г. в условиях коллективизации и военной угрозы.

Andrey V. BARANOV

Dr. Sci. (National History), Dr. Sci. (Political Institutions, Ethnopolitical Conflictology, National and Political Processes and Technologies), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
baranovandrew@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7109-3062

***Ukrainization in North Caucasus Krai of the RSFSR
(1923–1932): Plans, Public Reaction, Results***

Abstract. The author of the article aims to determine the plans of Ukrainization in relation to North Caucasus Krai of the RSFSR, the reaction of the regional community to the reforms, and the results of the course of Ukrainization. The work is prepared within the framework of the constructivist paradigm of ethno-historical research. The main directions of the problem analysis in historiography are determined: analysis of the goals of the party-state course, Ukrainization of the government apparatus, educational and language policy, comparative analysis of processes in the districts of North Caucasus Krai. The article is based on the documents of the Centers for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast and Krasnodar Krai, the State Archive of Rostov Oblast, the materials of the All-Union population censuses of 1926 and 1939. The circumstances of the beginning of Ukrainization on the scale of the USSR are described; the interrelation of the reforms with the policy course “Face to the Village” is noted. The institutions, regulatory legal acts and resources for the implementation of modernization in North Caucasus Krai are considered. The reasons for the slow implementation of Ukrainization in the region are analyzed. The measures of Ukrainization adopted by the North Caucasus Regional Committee of the Russian/All-Union Communist Party of Bolsheviks and the district committees of the ruling party are described. The author has determined that the population, without objecting to the

cultural policy in the Ukrainian language (the elimination of illiteracy, secondary education, libraries, theater), resisted the imposition of Ukrainian as an official language, mandatory for office work and employment in party and state agencies. Dissatisfaction was expressed with the introduction of the Ukrainian literary language (“Galician dialect”), residents preferred local dialects (“Kuban language”, “Balachka”). The author has established that Ukrainization was an integral part of the ethnopolitics of “positive discrimination” (“korenizatsiya” [indigenization]) adopted by the Russian Communist Party of Bolsheviks in 1923 and was carried out until the end of 1932. Ukrainization included the tasks of spreading the Ukrainian literary language in North Caucasus Krai, the Central Black Earth Region of the RSFSR and other macro-regions; forming the Ukrainian identity; ensuring the representation of Ukrainians in party and state agencies, and in public organizations. The author has found that the reforms met the resistance of the local officials and the population, and were justifiably stopped due to collectivization, the military threat, and the imperatives of the integration of the state.

Keywords: Ukrainization, Ukrainian language, national question, national policy, North Caucasus Krai, RSFSR, plans, public reaction, results.

Использованная литература:

1. Аверьянов А. В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2020. № 2 (206). С. 13–21.
2. Акопян В. З. К истории создания национальных украинских секций при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП(б) // Клио. 2013. № 6 (78). С. 68–73.
3. Акопян В. З. Общее и особенное в причинах украинизации на Юге России и Украине // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 167–173.
4. Акопян В. З. Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20–30-е годы XX века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 271–275.
5. Алдакимова О. В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004.
6. Баранов А. В., Васильев И. Ю. Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. СПб., 2015. № 6. С. 61–67.
7. Баранов А. В. География расселения казачества на Юге России в 1920-х гг. // Ученые записки Донского юридического института. Ростов н/Д, 2001. Т. 16. С. 123–134.
8. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2000. С. 121–124.
9. Борисенок Е. Ю. А. В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 37–52.
10. Борисенок Е. Ю. Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая чет-

References:

1. Aver'yanov, A.V. (2020) Policy of Ukrainization in the South of Russia in the 1920s – Early 1930s: Some Comparative Aspects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki – Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2 (206). pp. 13–21. (In Russian).
2. Akopyan, V.Z. (2013) K istorii sozdaniya natsional'nykh ukrainskikh sektsiy pri Severo-Kavkazskom kraevom komitete VKP(b) [On the History of the Creation of National Ukrainian Sections Under the North Caucasus Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *Klio*. 6 (78). pp. 68–73.
3. Akopyan, V.Z. (2013) [The General and the Special in the Reasons for Ukrainization in the South of Russia and Ukraine]. *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Ukrainians of the South of Russia: Problems of History, Culture, Socioeconomic Development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 3–4 October 2013. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 167–173. (In Russian).
4. Akopyan, V.Z. (2013) Ukrainization as a Way to Overcome the Cossack Class Distinctions in the Kuban' Region in the 20–30s of the 20th Century. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1. pp. 271–275. (In Russian).
5. Aldakimova, O.V. (2004) *Ukrainizatsiya shkol'nogo obrazovaniya na Kubani v period s 1921 po 1932 gg.* [Ukrainianization of School Education in Kuban in the Period From 1921 till 1932]. Pedagogy Cand. Diss.
6. Baranov, A.V. & Vasil'ev, I.Yu. (2015) Prichiny provala ukrainizatsii na Kubani v gody Grazhdanskoy voyny i nepa [Reasons for the Failure of Ukrainization in Kuban During the Civil War and the NEP]. *Klio*. 6. pp. 61–67.
7. Baranov, A.V. (2001) Geografiya rasseleniya kazachestva na Yuge Rossii v 1920-kh gg. [Geography of Settlement of the Cossacks in the South of Russia in the 1920s]. *Uchenye zapiski Donskogo yuridicheskogo instituta*. 16. pp. 123–134.
8. Bershadskaya, O.V. (2000) Osushchestvlenie politiki ukrainizatsii na Kubani v period 1925–1932 gg. [Implemen-

верть XX в.) // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 228–248.

11. Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006.

12. Васильев И. Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014.

13. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. Армавирский округ [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=817 (дата обращения: 31.08.2021).

14. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край [Электронный ресурс]. Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 31.08.2021).

15. Горишна Н. Большевицкий эксперимент общественной модернизации – политика «украинизации» сельского и городского социума // Схід. Маріуполь, 2014. № 3 (129). С. 16–21.

16. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 619а. Л. 6–69, 183.

17. Готкова Ю. С. Украинизация государственно-административного аппарата в Северо-Кавказском крае (1923–1932 гг.) // Гилея: научный вестник. Киев, 2015. № 97. С. 45–50.

18. Дроздов К. С. Политика украинизации в РСФСР в 1922–1932 гг. и развитие национального самосознания украинцев России // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международ. науч. конф. (г. Киев, 10–12 октября 2013 г.). М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. С. 86–95.

19. Дроздов К. С. Советская украинизация 1920–1930-х гг. на Кубани и в Центральном Черноземье: общее и особенное // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 202–208.

20. Дроздов К. С. Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (К вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // История: электрон. науч.-образоват. журнал. 2012. Т. 3. Вып. 7 (15) [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (дата обращения: 31.08.2021).

21. Дроздов К. С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 294–314.

22. Иванцов И. Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар: [б. и.], 2009.

23. Климчук Ф. Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань – Украина. Вопросы историко-куль-

tation of the Policy of Ukrainization in Kuban in 1925–1932]. In: Chumachenko, V.K. (ed.) *Vtorye Kubanskije literaturno-istoricheskie chteniya* [Second Kuban Literary and Historical Readings]. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts. pp. 121–124.

9. Borisenok, E.Yu. (2020a) Aantoly V. Lunacharsky and “Kuban Language”: Intrigues of Soviet Ukrainisation of the 1920s. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium*, 15 (3–4). pp. 37–52. (In Russian). DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03

10. Borisenok, E.Yu. (2020b) Ukrainization: the emergence and dissemination of the concept (first quarter of the twentieth century). *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 1–2. pp. 228–248. (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.13

11. Borisenok, E.Yu. (2006) *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920s–1930s]. Moscow: Evropa.

12. Vasil'ev, I.Yu. (2014) *Ukrainskiy natsionalizm, ukrainizatsiya i ukrainskoe kul'turnoe dvizhenie na Kubani (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka)* [Ukrainian Nationalism, Ukrainization and the Ukrainian Cultural Movement in the Kuban (Second Half of the 19th – Early 21st Centuries)]. Moscow: IP Burina A.V. (“Traditsiya”).

13. Demoscope.ru. (2021a) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray. Armavirskiy okrug* [All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population by Regions of the RSFSR. North Caucasus Krai. Armavir Okrug]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=817 (Accessed: 31.08.2021).

14. Demoscope.ru. (2021b) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray* [All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population by Regions of the RSFSR. North Caucasus Krai]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (Accessed: 31.08.2021).

15. Gorishna, N. (2014) *Bol'shevistskiy eksperiment obshchestvennoy modernizatsii — politika “ukrainizatsii” sel'skogo i gorodskogo sotsiuma* [Bolshevik Experiment of Social Modernization: The Policy of “Ukrainization” of Rural and Urban Society]. *Skhid*. 3 (129). pp. 16–21.

16. State Archive of Rostov Oblast. Fund R-1485. List 1. Item 619a. Pages 6–69, 183.

17. Gotkova, Yu.S. (2015) *Ukrainizatsiya gosudarstvenno-administrativnogo apparata v Severo-Kavkazskom krae (1923—1932 gg.)* [Ukrainization of the State and Administrative Apparatus in North Caucasus Krai (1923–1932)]. *Gileya*. 97. pp. 45–50.

18. Drozdov, K.S. (2014) [Ukrainianization Policy in the RSFSR in 1922–1932 and the Development of National Self-Awareness of Ukrainians in Russia]. *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody* [Soviet Nations and National Politics in the 1920s–1950s]. Proceedings of the International Conference. Kyiv. 10–12 October 2013. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina”. pp. 86–95. (In Russian).

19. Drozdov, K.S. (2013) [Soviet Ukrainization of the 1920s–1930s in Kuban and in the Central Black Earth Region: The General and the Special]. *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy*

турного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2008. Вып. 3. С. 257–285.

24. Кульчицкий С. В. Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 108–110.

25. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

26. Матвеев В. А. От Карпат до Кавказских гор? // Родина. 2001. № 8. С. 20–23.

27. Мирук М. В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы международ. науч.-практ. конф. (ст. Полтавская, 23–27 сентября 1996 г.). Краснодар: Администрация Краснодарского края и др., 1996. С. 172–175.

28. По национальному вопросу: резолюция XII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 79–88.

29. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. Т. 1: 1900–1920-е гг. Краснодар: Кубанский государственный университет; Просвещение-Юг, 2005.

30. Сивков С. М. К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 гг. // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 246–250.

31. Скорик А. П., Бондарев В. А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – начало 1930-х гг.) // История в подробностях. 2013. № 10 (40). С. 62–71.

32. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000.

33. Суций С. Я. Украинцы Юга России: Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.

34. Хлынина Т. П., Васильев И. Ю. Украинизация на Кубани: замыслы, воплощение, итоги // Белоруссия и Украина: история и культура: сб. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. Вып. 5. С. 373–384.

35. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев: ЭДВИ, 2006. Вып. 1. С. 39–49.

36. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410.

37. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 9. Оп. 1. Д. 878.

38. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56.

39. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 130.

40. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост.: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005.

41. Чумаченко В. К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в

istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Ukrainians of the South of Russia: Problems of History, Culture, Socioeconomic Development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 3–4 October 2013. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 202–208. (In Russian).

20. Drozdov, K.S. (2012) *Ukrainizatsiya v RSFSR i kontseptsiya imperii "polozhitel'noy deyatel'nosti"* Terri Martina (K voprosu osushchestvleniya sovetskoj natsional'noy politiki na russko-ukrainskom pogranich'e v 1923–1933 gg.) [Ukrainization in the RSFSR and Terry Martin's Affirmative Action Empire (On the Issue of the Implementation of Soviet National Policy in the Russian-Ukrainian Borderlands in 1923–1933)]. *Istoriya*. 3:7 (15). [Online] Available from: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (Accessed: 31.08.2021).

21. Drozdov, K.S. (2017) The Peculiarities of Teaching Ukrainian Language in Soviet Russia During Ukrainization in 1920–1930s. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 3–4. pp. 294–314. (In Russian).

22. Ivantsov, I.G. (2009) *Ukrainizatsiya Kubani v dokumentakh komissiy vnutripartiynogo kontrolya VKP(b). 1920-e – nachalo 1930-kh gg.* [Ukrainization of Kuban in the Documents of the Internal Party Control Commissions of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. 1920s – Early 1930s]. Krasnodar: [s.n.], 2009.

23. Klimchuk, F.D. (2008) *Rasselenie etnicheskikh ukraintsev na yuge i yugo-zapade Rossii (po materialam perepisi 1926 g.)* [Resettlement of Ethnic Ukrainians in the South and Southwest of Russia (Based on the 1926 Census)]. In: *Kuban' – Ukraina. Voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya* [Kuban – Ukraine. Issues of Historical and Cultural Interaction]. Vol. 3. Krasnodar: Kartika. pp. 257–285.

24. Kul'chitskiy, S.V. (1999) *Kurs – ukrainizatsiya* [The Course is Ukrainization]. *Rodina*. 8. pp. 108–110.

25. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina".

26. Matveev, V.A. (2001) *Ot Karpat do Kavkazskikh gor?* [From the Carpathians to the Caucasus Mountains?]. *Rodina*. 8. pp. 20–23.

27. Miruk, M.V. (1996) [Kuban Cossacks and the Ukrainization of Kuban: Experience and Lessons (1921–1932)]. *Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti* [Kuban Cossacks: Three Centuries of the Historical Path]. Proceedings of the International Conference. Stanitsa Poltavskaya. 23–27 September 1996. Krasnodar: Administration of Krasnodar Krai et al. pp. 172–175. (In Russian).

28. Politizdat. (1984) *Po natsional'nomu voprosu: rezolyutsiya XII s'ezda RKP(b)* [On the National Question: The Resolution of the XII Congress of the RCP(b)]. In: *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. 9th ed. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 79–88.

29. Rakachev, V.N. & Rakacheva, Ya.V. (2005) *Narodonaselenie Kubani v XX veke: istoriko-demograficheskoe issledovanie: v 4 t.* [Population of Kuban in the 20th Century: Historical and Demographic Research: In 4 Volumes]. Vol. 1. Krasnodar: Kuban State University; Prosveshchenie-Yug.

Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2007. С. 87–89.

42. Білий Д. Д. Малиновий клин (Нариси з історії українського населення Кубані). Київ: Україна, 1994.

43. Майстренко В. С., Корнев О. В. Антиукраїнський терор після декларованої «українізації»: чому? [Електронний ресурс]. URL: http://www.pravoslavyya.sumy.ua/readarticle.php?article_id=54 (дата обращения: 31.08.2021).

44. Українська мова і література: Програми та методичні поради для курсів перепідготовки радпарату / Кубанський округ. Комісія по українізації; уложив І. Пелипейко. Краснодар: Типо-лит. «Севкавполиграфтреста» ім. А. А. Лиманського, 1929.

45. Barth F. Introduction // Barth F. (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Long Grove: Waveland Press, Inc., 1969. P. 9–38.

46. Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. Harvard: Harvard University Press, 2006.

47. Hobsbaum E. *Nations and Nationalism Since 1780*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521439612>

48. Zalewski J. Опыт категоризации говора кубанских казаков: постановка проблемы // *Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne*. Warszawa, 2013. № 11 (2). С. 285–294.

30. Sivkov, S.M. (2013) [On the Question of Ukrainization in Kuban in the Period From 1917 till 1922]. *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Ukrainians of the South of Russia: Problems of History, Culture, Socioeconomic Development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 3–4 October 2013. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 246–250. (In Russian).

31. Skorik, A.P. & Bondarev, V.A. (2013) *Ukrainizatsiya na Yuge Rossii kak natsional'no-politicheskaya kampaniya: osushchestvlenie i likvidatsiya (1920-e – nachalo 1930-kh gg.)* [Ukrainization in the South of Russia as a National-Political Campaign: Implementation and Liquidation (1920s – Early 1930s)]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 10 (40). pp. 62–71.

32. Berelovich, A. & Danilov, V.P. (eds) (2000). *Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t.* [Soviet Village Through the Eyes of the CHEKA – OGPU – NKVD. 1918–1939. Documents and Materials. In 4 Volumes]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.

33. Sushchiy, S.Ya. (2013) *Ukraintsy Yuga Rossii: Demograficheskaya istoriya odnogo regional'nogo soobshchestva* [Ukrainians of the South of Russia: A Demographic History of One Regional Community]. Rostov-on-Don: SSC RAS.

34. Khlynina, T.P. & Vasil'ev, I.Yu. (2015) *Ukrainizatsiya na Kubani: zamysly, voploshchenie, itogi* [Ukrainization in Kuban: Plans, Implementation, Results]. In: Florya, B.N. (ed.) *Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura* [Belarus and Ukraine: History and Culture]. Vol. 5. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 373–384.

35. Khlynina, T.P. (2006) *Ukrainizatsiya Severo-Kavkazskogo kraja: zamysly i voploshchenie* [Ukrainization of North Caucasus Krai: Designs and Implementation]. In: *Kuban' – Ukraina. Voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya* [Kuban – Ukraine. Issues of Historical and Cultural Interaction]. Vol. 1. Krasnodar; Kyiv: EDVI. pp. 39–49.

36. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 8. List 1. File 410.

37. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 9. List 1. File 878.

38. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 12. List 1. File 56.

39. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 2816. List 1. File 130.

40. Gatagova, L.S., Kosheleva L.P. & Rogovaya, L.A. (2005) *TsK RKP(b) — VKP(b) i natsional'nyy vopros* [Central Committee of the Russian/All-Union Communist Party of Bolsheviks and the National Question]. Book 1. Moscow: ROSSPEN.

41. Chumachenko, V.K. (2007) [On the History of the North Caucasus Ukrainian Research Institute in Krasnodar]. *Istoriya regional'nogo nauchnogo soobshchestva: problemy izucheniya* [History of the Regional Academic Community: Problems of Study]. Conference Proceedings. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts. pp. 87–89. (In Russian).

42. Biliy, D.D. (1994) *Raspberry Wedge (Essays on the History of the Ukrainian Population of Kuban)*. Kyiv: Ukraina. (In Ukrainian).

43. Maystrenko, V.S. & Kornev, O.V. (2021) *Anti-Ukrainian Terror After the Declared "Ukrainization": Why?* [Online] Available from: <http://www.pravoslavyya.sumy.ua/>

readarticle.php?article_id=54 (Accessed: 31.08.2021). (In Ukrainian).

44. Pelipeyko, I. (1929) *Ukrainian Language and Literature: Programs and Methodological Recommendations for Retraining Courses for the Soviet Apparatus*. Krasnodar: tipo-lit. "Sevkavpoligraftresta" im. A.A. Limanskogo. (In Ukrainian).

45. Barth, F. (1969) Introduction. In: Barth, F. (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Long Grove: Waveland Press, Inc. pp. 9–38.

46. Brubaker, R. (2006) *Ethnicity Without Groups*. Harvard: Harvard University Press.

47. Hobsbaum, E. (1992) *Nations and Nationalism Since 1780*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CCOL0521439612

48. Zalewski, (2013) J. Opyt kategorizatsii govora kubanskikh kazakov: postanovka problemy [Experience of Categorization of the Kuban Cossack Dialect: Problem Statement]. *Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne – Humanum. International Social and Humanist Studies*. 11 (2). pp. 285–294.

Полная библиографическая ссылка на статью:

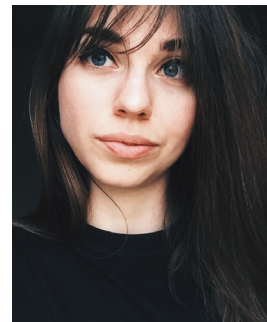
Баранов, А. В. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923—1932): замыслы, реакция сообщества, результаты / А. В. Баранов // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 31–42. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002

Full bibliographic reference to the article:

Baranov, A.V. (2021) Ukrainization in North Caucasus Krai of the RSFSR (1923–1932): Plans, Public Reaction, Results. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 31–42. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002

ПЕТРОВА Дарья Александровна
научный сотрудник отдела учета фондов
Государственной Третьяковской галереи,
Москва, Российская Федерация
Darya A. PETROVA
Researcher,
State Tretyakov Gallery,
Moscow, Russian Federation,
dasha_petrova.1992@mail.ru

УДК 7.038.1(470+571):069.4"192/193"
ГРНТИ 13.51.09
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.003

Графическое наследие русского авангарда как объект комплектования в Третьяковской галерее (1920–1930-е годы)

The Graphic Heritage of the Russian Avant-Garde as an Object of Acquisition in the Tretyakov Gallery in the 1920s–1930s

Статья посвящена выявлению особенностей комплектования фондов Третьяковской галереи произведениями графики русского авангарда в 20–30-е гг. XX в. в контексте изменения тенденций государственной культурной политики того времени. Исследование выполнено на основе данных Книг поступлений Третьяковской галереи и документов, хранящихся в Отделе рукописей музея. Проанализирована политика приобретения художественных произведений в музейные коллекции, изучена деятельность Музея живописной культуры, произведен анализ поступлений в Третьяковскую галерею. Прослежено изменение вектора культурной политики в первые годы советской власти, взявшей на вооружение реализм в качестве основного идеологического инструмента. Установлено, что графические произведения русских художников-авангардистов стали достоянием фондов Третьяковской галереи в результате двух больших поступлений – после расформирования Государственного музейного фонда (1927 г.) и вследствие ликвидации Музея живописной культуры (1929 г.).

Ключевые слова: музей, русский авангард, Государственная Третьяковская галерея, Музей живописной культуры, комплектование музейных фондов, графика, «левое» искусство.

Среди многообразных явлений отечественной культуры русский авангард по праву занимает особое место, представляя собой магистральное направление, обозначившее

поистине революционное обновление во всех сферах искусства. Мастера-авангардисты ориентировались на новейшие разработки западноевропейских художников, при этом не-

изменно отождествляя себя с национальной традицией.

Ощущение творческой актуальности, радикального взаимообогащения и синтеза в изобразительном искусстве, а также стремление русского авангарда оказать значимое влияние на разворачивавшуюся параллельно с его развитием беспрецедентную социально-политическую трансформацию, обусловили высокую степень его воздействия на художественный процесс всего XX столетия, причем не только в России, но и во всем мире.

Художественные музеи закономерно были вовлечены в поток изменений художественно-творческих тенденций, связанных с развитием идей авангарда и затронувших как экспозиционно-выставочную, так и фондовую работу. В данной связи большой значимостью обладает изучение различных аспектов, определяющих момент отклика музейных учреждений на трансформационные тренды, доминировавшие в художественной жизни: насколько быстро музейное собрание, обладающее весомым авторитетом, сможет, адаптируясь к изменениям, скорректировать концепцию комплектования фондов и связанную с ней закупочную политику. Опыт Третьяковской галереи в первой трети XX в. представляется в данном смысле полезным и достаточно показательным примером, изучение которого поможет современным музеям оптимально реагировать на динамичные изменения, происходящие в пространстве художественного творчества.

Исследуемый вопрос изучался в последние десятилетия в основном в связи с изысканиями в области истории культурного строительства и художественной жизни в первые десятилетия советской власти [1] [17] [22], в работах по истории русского авангарда [7] [9], а также в той или иной степени рассматривался учеными, анализировавшими историю музейного дела в 20–30-е гг. XX в. [8] [10] [21]. В целом на сегодняшний день достаточно хорошо освещены в научной литературе различные аспекты культурной политики советской власти по отношению к «левому искусству» (эта политика оказывала непосредственное воздействие на практику комплектования фондов ведущих художественных музеев), од-

нако собственно музейно-практический ракурс темы, связанный с особенностями фондовой работы в Третьяковской галерее, почти не подвергался научному анализу в основном из-за слабой обеспеченности соответствующими источниками.

Настоящая работа призвана отчасти заполнить описанную лакуну, что будет способствовать более глубокому и объективному пониманию характеристик музейной политики первых десятилетий советской власти, а также позволит раскрыть особенности и обстоятельства признания искусства русского авангарда на уровне музеев национального масштаба.

Таким образом, в статье рассматриваются вопросы, касающиеся времени и обстоятельств появления произведений графики русского авангарда в коллекциях Третьяковской галереи, а также определяется, каким образом усилия национального музея, направленные на комплектование его фондов, коррелировали с тенденциями музейной политики государства.

Основу исследования составило непосредственное обращение к Книгам поступлений Третьяковской галереи, которые велись в изучаемый период, важное значение наряду с ними имели документы, хранящиеся в Отделе рукописей музея. Круг непосредственных источников дополнили материалы Государственного архива Российской Федерации (фонд А 2307 — Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР). Необходимым элементом при проведении научных изысканий явились результаты исследовательских усилий специалистов в области искусствоведения и музееведения, изучавших наследие русского авангарда и его отражение в отечественных музейных собраниях.

По своей тематической направленности исследование носит историко-музеологический характер, поэтому вполне закономерно представляется использование методологического инструментария, присущего историческим исследованиям. В частности, историко-системный подход позволил включить работу по комплектованию фондов Третьяковской галереи в определенный исторический контекст и связать ее с культурно-

политическими тенденциями, имевшими место в рассматриваемый период. Методы компаративистики, примененные в диахронном аспекте, обеспечили сопоставление политик в области комплектования фондов, имевших место в 20-х и 30-х гг. XX в.

Следует, кроме того, сделать ряд терминологических замечаний. В рассматриваемый период художественную жизнь России представляли разнообразные движения, направления, стили, школы; многие из них в основу своего творчества положили эксперимент с цветом и формой и впоследствии вошли в историю искусства под собирательным названием авангард. Следует учитывать, что на рубеже 1910–1920-х гг. чаще употреблялись термины, которые подчеркивали либо оппозиционность искусства — «левые художники», либо новизну искусства, его временной вектор — «будущники», «будетляне», «футуристы». Термин «футуристы» был предпочтительнее в силу его интернационального использования, и после революции им стали обозначать всех левых художников [7]. Термин «левое искусство» вошел в употребление после «Выставки картин левых течений», прошедшей в апреле-мае 1915 г. в «Художественном бюро Н. Е. Добычиной» в Петрограде. Наравне с понятием «футуризм» он обозначал новаторское искусство [22].

Стремление «левых художников» к полному обновлению искусства и жизни совпало с революционной атмосферой, провозглашавшей ломку старого мира. «В футуризме,— писал А. В. Луначарский,— есть одна прекрасная черта — это молодое и смелое направление. И поскольку лучшие его представители идут навстречу коммунистической революции, постольку они легче могут стать виртуозными барабанщиками нашей красной революции» (Цит. по [1, с. 127]). Сами футуристы считали себя выразителями пролетарской идеологии. В 1918 г. в первом номере газеты «Искусство коммуны» была помещена программная статья «Дренаж искусства», в которой футуризм объявлялся идеологией пролетариата. Ее автор, один из теоретиков русского авангарда, О. М. Брик писал: «Точка зрения футуризма — точка зрения пролетариата. Футуризм и есть пролетарское искусство» (Цит. по [2, с. 53]).

Для достижения цели исследования необходимо в первую очередь проанализировать изменения государственной музейной политики в части управления деятельностью по комплектованию фондов художественных музейных собраний после революционных событий 1917 г. В аспекте трансформаций, происходивших в художественной жизни, важно привлечь к анализу факты, связанные с работой Музея живописной культуры, основу собрания которого составляли произведения художников-авангардистов. Большое значение для характеристики музейного собирательства в изучаемый период имеет определение момента смены ориентиров культурной политики молодого советского государства, выразившегося в преимущественном обращении к реализму в искусстве как основному идеологическому инструменту нового строя. Рассмотрев, таким образом, исторический контекст, следует обратиться к непосредственному анализу художественных поступлений в Третьяковскую галерею на основе соответствующей документации, при этом интерес представляет не только выявление различных аспектов, связанных с собиранием музеем произведений авангарда в 1920-е гг., но и определение факторов, влиявших на комплектование его фондов в последующий период.

В первые послереволюционные годы в многоаспектной и динамичной художественной жизни страны происходят значительные изменения. Крупные живописцы, скульпторы, графики под впечатлением революционных событий активно создают не только различные формы агитационно-массового искусства, но и образы «новой действительности» в станковых произведениях. Изменилась и социокультурная роль музея, который наряду с решением задач хранения и изучения наследия развернул широкую культурно-просветительную деятельность. Кардинально трансформировалась тактика и стратегия музейного собирательства, появились новые критерии отбора и методы комплектования. Музейные коллекции должны были укрупняться, строиться в хронологической и типологической последовательности. На заседаниях ученого совета в 1918 г. директор Третьяковской галереи И. Э. Грабарь, внесший

неоценимый вклад в развитие музея и формирование его коллекций, впервые стал говорить о пополнении фондов работами современных художников и о закупке не только живописи, скульптуры, но и графики.

Вопросами приобретения художественных произведений в музейные коллекции в это время занималась созданная в 1918 г. при Музейном бюро отдела ИЗО Наркомпроса Государственная закупочная комиссия под руководством графика и живописца Д. П. Штеренберга. В ее состав входили директора, ученые секретари музеев, инспекторы отдела изобразительного искусства Наркомпроса, известные живописцы, скульпторы, графики, искусствоведы: Н. И. Альтман, В. В. Кандинский, П. В. Кузнецов, К. С. Малевич, И. И. Машков, О. В. Розанова, Н. Н. Пунин, В. Е. Татлин, Н. А. Удальцова, Р. Р. Фальк, С. В. Чехонин, А. В. Шевченко. Многие из них были связаны с авангардистскими течениями, преобладавшими в это время в искусстве, и перевес «левых» во многом был результатом деятельности отдела ИЗО Наркомпроса. Тем не менее анализ поступивших в собрание Третьяковской галереи в эти годы произведений позволяет сделать вывод, что такая расстановка сил в Наркомпросе не повлияла на закупочную политику Галереи [4]. Музей продолжал пополнять свои фонды, ориентируясь на лакуны в собрании и на многообразии современного художественного процесса, приобретая все самое ценное, созданное художниками, принадлежащими к разным направлениям и течениям.

В русле послереволюционных культурных преобразований ведущие «левые» художники — К. С. Малевич, В. В. Кандинский, В. Е. Татлин, А. М. Родченко и другие — выступили в 1918 г. с инициативой создания Музея живописной культуры, которая получила мощную поддержку со стороны отдела ИЗО Наркомпроса и наркома А. В. Луначарского. Изначально музей располагался в бывшем особняке князей Голицыных и стал первым в стране музейным собранием современного искусства, созданным самими художниками, так как крупные художественные музеи, не считая подлинным искусством работы «левых» направлений, стремились комплектовать фонды современными произведениями лишь тех мастеров, которые

получили признание еще до революции. «Чтобы послужить ценным материалом для будущих музейных деятелей, новым художникам, — писал К. С. Малевич, — надлежало пройти вековой стаж подвалов и чердаков, быть заплеванными прессой и общежитием» (Цит. по [9]).

«Левые» художники считали, что функции комплектования фондов, создания экспозиции и художественного воспитания должны быть переданы им. Такая позиция некоторое время находила поддержку и в Отделе ИЗО Наркомпроса, в одной из деклараций которого говорилось: «Художники как единственно компетентные в вопросах современного искусства и как силы, создающие художественные ценности, только одни и могут ведавать приобретениями современного искусства и руководить делом художественного воспитания страны» ((Цит. по [8, с. 48–49])).

«В результате, — отмечает А. И. Карлова, — новейшие художественные поиски и эксперименты живущих художников впервые не только стали объектом музейного коллекционирования, но были объявлены вершиной и лучшими достижениями всей истории искусства. Более того, и в истории искусства ценными признавались лишь изобретения и новаторство» [10, с. 133]. Об этом в своих воспоминаниях писал и И. Э. Грабарь: «В начале 1921 года реалистическое, жизненное, даже просто “предметное” считалось признаком некультурности и отсталости. Многие даровитые живописцы стыдились своих реалистических “замашек”, пряча от посторонних глаз простые, “здоровые” этюды и выставляли только опыты кубических деформаций натуры, газетные и этикетные наклейки и тому подобный вздор» [5, с. 283]. В январе 1924 г. Музей живописной культуры переехал в одно из помещений ВХУТЕМАСа и стал филиалом Третьяковской галереи.

Между тем в первой половине 1920-х гг. отношение власти к «левому» искусству отнюдь не являлось статичным. Так, в начале десятилетия, по свидетельству В. С. Манина, в художественной жизни страны стали появляться перегруппированные творческие силы, которые переняли лозунг пропаганды советской действительности, перехватив инициативу у авангардных художников. Искусство стало

средством агитации, «живыми картинками недавнего героического прошлого» [17, с. 98].

В августе 1921 г. вышло Постановление (Приказ № 719) в котором работа отдела ИЗО Наркомпроса в деле закупки признавалась неудовлетворительной. Наркомпросу в его практической деятельности, следовало не проводить политику в интересах других групп и течений, а обеспечить в первую очередь возможность художественного развития реалистического течения в живописи и скульптуре [3, л. 274]. Но в то же время руководящим принципом в области искусства объявлялась «равноценность всех направлений в искусстве при условии талантливости, полезности и здоровой оригинальности» [17, с. 107].

В январе 1922 г. А. В. Луначарский в цикле статей «Советское государство и искусство» писал: «...В такую эпоху, как наша, искусство должно было бы прежде всего быть идеологией, как это и бывало во времена предыдущих революций. <...> Оно должно было бы быть способом организации эмоций народных масс в их нынешнем ураганном движении» [16]. Между тем, считал нарком, большинство «правых» художников далеки от революции по настроению, а «левые», эмоционально выражающие историческое время, в своем творчестве проявляют тенденцию к чистому формализму, к полной пустоте содержания и беспредметности, и «пока они отвергают идейное и образное содержание художественного произведения», никакого идеологического искусства они дать не могут [16]. В. И. Ленин высказывал опасения по поводу широкого распространения футуристических произведений и предлагал поддержать реалистическое направление в искусстве. «Прошу Вас помочь мне в борьбе с футуризмом и т.п. <...> Нельзя ли найти надежных антифутуристов?» — писал он в одном из своих писем (Цит. по [1, с. 127]).

В. С. Манин полагает, что «левые» руководители отдела ИЗО потерпели поражение, поскольку не смогли решить основную задачу — утверждение искусства в качестве средства пропаганды социалистических идей». В руководстве отдела в 1922 г. «левых» художников сменили пролетарские «правые» художники [17, с. 94]. С 1925 г. начался процесс выселения Музея живописной культуры из стен Высших

художественно-технических мастерских. При этом правление галереи стремилось сохранить его как отдельную площадку для экспонирования современного искусства, не включая при этом в состав своих помещений. Таким образом, решались две задачи: галерея «соприкасалась» с современным искусством и одновременно сохраняла «чистоту» экспозиции.

В обращении руководства галереи в Наркомпрос говорится: «...Для самой Третьяковской галереи сохранение музея имеет также чрезвычайно большое значение. Одной из основных задач Галереи является ее непосредственная связь с современным искусством и с современной жизнью. Это может быть достигнуто только путем организации филиалов, где экспозиция материала должна производиться по иным принципам, чем в самой Галерее, связанной необходимостью экспонировать свои коллекции в историческом порядке. <...> Согласно разработанному Галереей плану, Музей Живописной Культуры будет играть роль резервуара, в котором должны предварительно собираться произведения современных художников, что даст возможность их сравнения и взаимной оценки, поможет выяснению и более точной кристаллизации наметившихся новых течений и облегчит и уточнит отбор художественных произведений, которые затем должны служить пополнением как для основной галереи, так и для других столичных и провинциальных музеев» [19, л. 35].

В коллекцию Третьяковской галереи произведения авангарда более или менее массово стали попадать не в 1920-х гг., как это можно было бы предположить, а на рубеже 1920–1930-х гг., когда в культурной жизни страны началась унификация художественного процесса: изменилось отношение власти к авангарду и последовала определенная государственная политика по свертыванию остатков экспериментальных формально-аналитических тенденций в искусстве и реорганизация Музеев живописной культуры. Так, проведенный нами анализ Книг поступлений Третьяковской галереи [11] [12] [13] [14] [15] показал, что первые произведения авангардных художников появились в собрании галереи лишь в 1927 г., после расформирования Государственного музейного фонда (Табл. 1).

Таблица 1

Перечень рисунков художников-авангардистов, поступивших в собрание Государственной Третьяковской галереи из Государственного музейного фонда

Table 1

List of Drawings by Avant-Garde Artists That Came to the Collection of the State Tretyakov Gallery from the State Museum Fund

№	Художник	Наименование произведения
1.	М. М. Аксельрод	«Автопортрет»
2.	Р. Н. Барто	«Портрет неизвестной дамы»
3.	А. Н. Бенуа	«Конная охота» «Эскиз»
4.	К. Ф. Богаевский	«Звездная ночь» «Пейзаж. Эскиз»
5.	Л. А. Бруни	«Железинка. Ручей»
6.	Б. С. Земенков	«Сорок сороков» «Горящие камни»
7.	С. Д. Игумнов	«Пустырь»
8.	В. В. Кандинский	«Линейная композиция»
9.	А. И. Кравченко	«Париж. Набережная»
10.	Н. П. Крымов	«Пейзаж с домом»
11.	Н. Н. Купреянов	«Железнодорожные пути»
12.	Е. А. Львов	«Натюрморт – стол с цветами и посудой» «Пейзаж. Аллея»
13.	П. В. Митурич	«Портрет М.Н. Емельянова»
14.	Ю. Л. Оболенская	«Машкоп» - бухарский водонос»
15.	Л. С. Попова	«Беспредметное»
16.	А. М. Родченко	«Архитектурная фантазия» «Архитектурная фантазия»
17.	В. Ф. Степанова	«Цирк. Музыкальные клоуны»
18.	В. А. Фаворский	«Сергиево. Двор усадьбы»

В начале 1929 г., несмотря на все усилия творческой общественности, Музей живописной культуры был закрыт, а часть его коллекции подлежала передаче в фонды Третьяковской галереи (Табл. 2).

Надо сказать, что некоторые из этих работ, переданных в галерею в качестве образца передового пролетарского искусства для показа современных течений в живописи и графике, в начале 1930-х г. были представлены в новой «марксистской экспозиции» уже как образец «тупика» искусства буржуазного [21].

В конце 1929 г. начали выработываться новые подходы к оценке авангардного искусства, которое трактовалось как формалистическое. В 1933 г. появляются трактаты о вреде формализма, о его классово-враждебной сущ-

ности. На протяжении 1930-х гг. публикуются многочисленные статьи, направленные против формализма и натурализма в искусстве.

19 мая 1936 г. председатель Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР П. М. Керженцев написал в докладной записке И. В. Сталину и В. М. Молотову о том, что за последние 20–25 лет Третьяковская галерея и Русский музей приобретали произведения сплошь формалистического и натуралистического порядка. Эти «ничтожные по своему художественному значению и в целом случае вредные» произведения занимают значительную часть выставочной площади, в то время как картины художников-реалистов «консервируются в запасниках». Автор призвал изъять из общих экспозиционных залов

Таблица 2

Список произведений графики, поступившей в собрание Государственной Третьяковской галереи из Музея живописной культуры

Table 2

List of Graphic Works That Came to the Collection of the State Tretyakov Gallery from the Museum of Pictorial Culture

№	Художник	Наименование произведения
1.	Л. А. Бруни	«Голова юноши» «Натюрморт с блюдом» «Пруд»
2.	К. А. Вялов	«Дворник»
3.	П. П. Кончаловский	«Пруд» «Натюрморт» «Хрусталь»
4.	А. В. Лентулов	«Храм Христа Спасителя»
5.	П. В. Митурич	«Пруд в лесу» «Окно» «В школу» «Школа» «Коровы в роще» «Декоративный эскиз» «Конструкция»
6.	Н. Х. Максимов	«Пейзаж с фигурами» «Виолончелист»
7.	Д. П. Штеренберг	«Рюмка» «Натюрморт с кружевом»
8.	Г. А. Стенберг	«Конструкция»
9.	А. А. Экстер	Эскизы театральных костюмов
10.	О. В. Розанова	Эскизы вышивок, обложек книг и модных костюмов
11.	П. В. Кузнецов	«Натюрморт с бокалом»
12.	А. М. Родченко	«Конструкция»
13.	В. Н. Чекрыгин	«Автопортрет» Несколько фигурных композиций

произведения формалистического и грубо-натуралистического характера, созданные за последние 25 лет, и переместить их в особое помещение, закрытое для массового зрителя [6, с. 308–309].

В 1937 г. был составлен список произведений для «экспозиции в открытом доступе». Наряду с другими в него вошли работы А. В. Лентулова, К. С. Малевича, И. И. Машкова, А. М. Родченко, А. Г. Тышлера, Р. Р. Фалька, П. Н. Филонова [20]. И это свидетельствует о том, что после появления упомянутой докладной записки еще какое-то время в залах галереи продолжали экспонироваться работы

лидеров русского авангарда. Но вскоре картины этих художников были изъяты из экспозиции, убраны в запасник и вернулись на стены Третьяковской галереи лишь в 1995 г.

Новые поступления 1930-х гг. в собрание графики в целом отражали общее развитие отечественного искусства в русле социалистического реализма. На выставках и непосредственно у самих художников приобретались работы, показывающие новый советский быт и счастливую советскую действительность. Однако следует отметить, что сотрудники Галереи всегда понимали задачи комплектования значительно шире и объективнее, чем

Таблица 3

**Тематика графических работ, приобретенных
Государственной Третьяковской галереей в конце 1920-х- конце 1930-х гг.**

Table 3

**Subjects of Graphic Works the State Tretyakov Gallery
Acquired at the End of the 1920s–1930s**

№	Художник	Наименование произведения
1.	Б. М. Кустодиев	«Портрет Шеповаловой» «Портрет Ф.И. Шаляпина» «Портрет артиста Ершова» «Купчиха» «Лебедянь. Пейзаж с церковью»
2.	Е. Е. Лансере	«Окраины Эривани. Улица Норк» «Айсорка-мать»
3.	К. С. Петров-Водкин	«У окна. Париж»
4.	Н. П. Ульянов	«Портрет матери» «А.С. Пушкин с женой» «Дидро и его брат кюре»
5.	Л. А. Бруни	«Детская» «Портрет Нины Константиновны Бруни, жены художника» «Лягушка» «Пальмы»
6.	Н. Н. Купреянов	«Кормящая мать» «Парусники в тумане» «Зеркало» «Игрушки» «Урок» «Урок музыки» «Пение»
7.	П. В. Митурич	«Кисловодск» «Хвалы́нск на Волге»

это предписывал жесткий идеологический контроль. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты анализа Книг поступлений на предмет приобретения графических работ, представленные в следующей таблице [11, л. 36] [12, л. 338] [13, л. 991–993, 998–999, 968] [14, л. 5, 165] [15, л. 229, 486, 471, 474] (Табл. 3).

В настоящем исследовании были впервые введены в научный оборот и подверглись анализу данные о пополнении фондов Третьяковской галереи произведениями русской авангардной графики в первые два десятилетия советской власти. Подводя итоги, следует отметить, что в послеоктябрьские годы графика художников-авангардистов не являлась объектом коллекционирования в Третьяковской

галерее; первые произведения авангардного искусства (всего 23 работы, принадлежащие 18 художникам) поступили в галерею в 1927 г., после расформирования Государственного музейного фонда. Возможность представить в коллекции, а не только отдельными произведениями, искусство наиболее радикальных направлений появилась лишь после закрытия в 1929 г. Музея живописной культуры и передачи значительной части его собрания в фонды Третьяковской галереи.

Изменение социально-политической ситуации в стране в конце 1920-х — 1930-е гг. не могло не отразиться на принципах культурной деятельности, в том числе и закупочной политике Третьяковской галереи. В результа-

те анализа данных о новых поступлениях в это период выяснилось, что музей пополнился работами художников, большая часть которых относится к реалистическому направлению. Начавшаяся борьба с формализмом и натурализмом в искусстве приняла характер идеологической кампании: было заявлено и широко пропагандировалось, что эти направления не имеют отношения ни к советским реалиям, ни к советскому искусству.

Таким образом, политизация культуры, искусства и общественной жизни в 1930-е гг. привела к деформации всех видов музейной деятельности, в том числе и комплектования

фондов. В отношении современной графики Третьяковской галереи, это, в частности, проявлялось в сужении тематики и направлений комплектования, изъятии из коллекции произведений, противоречащих идеологическим установкам и политическим догмам. Признанное формалистическим искусство авангарда постепенно переместилось в запасники, а в фонды стали поступать преимущественно картины в стиле социалистического реализма, несмотря на стремление сотрудников приобретать работы художников разных направлений и школ с целью отражения всего спектра современного искусства.

Darya A. PETROVA

Researcher,
State Tretyakov Gallery,
Moscow, Russian Federation,
dasha_petrova.1992@mail.ru

The Graphic Heritage of the Russian Avant-Garde as an Object of Acquisition in the Tretyakov Gallery in the 1920s–1930s

Abstract. The study aims to (1) answer the question about the time and circumstances in which works of Russian avant-garde graphics appeared in the collections of the Tretyakov Gallery, and (2) determine how the efforts of the national museum aimed at acquiring its funds correlated with trends in the state's museum policy. The study was carried out based on data from the Tretyakov Gallery's inventory books and documents stored in the museum's Department of Manuscripts. In the process of work, the author turned to the books of the Tretyakov Gallery acquisitions kept during the period under study, documents stored in the Department of Manuscripts of the museum, materials of the State Archive of the Russian Federation, as well as results of research by specialists in art and museum studies who examined the legacy of the Russian avant-garde and its reflection in Russian museum collections. The author mainly used methodological tools inherent in historical research: a historical-systems approach and methods of historical-comparative studies. The author analyzes changes in the state museum policy in managing the acquisition of art museum collection funds after the revolutionary events of 1917. She also investigates the work of the Museum of Pictorial Culture, whose collection included works of avant-garde artists. The author determines the moment of change in the orientations of the young Soviet state's cultural policy; the predominant use of realism in art was the main ideological instrument of this policy. She analyzes the works of art the Tretyakov Gallery received, reveals the avant-garde works the museum obtained in the late 1930s, identifies the trends that influenced the acquisition of the gallery funds in the subsequent period. The author has established that the works of avant-garde graphics became the property of the Tretyakov Gallery funds after two large-scale acquisitions – after the dissolution of the State Museum Fund (1927) and after the liquidation of the Museum of Pictorial Culture (1929). In the 1930s, there was a deformation of all museum activities, including the acquisition of funds. In relation to the collection of modern graphics at the Tretyakov Gallery, this deformation, in particular, manifested itself in the narrowing of the subject matter and directions of acquisition, and the withdrawal from the collection of works that contradicted ideological attitudes and political dogmas.

Keywords: museum, Russian avant-garde, State Tretyakov Gallery, Museum of Pictorial Culture, acquisition of museum funds, graphics, “left art”.

Использованная литература:

1. Галин С. А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы советской власти (1917–1925 гг.). М.: Высшая школа, 1990.
2. Горбунов В. В. Разработка В. И. Лениным проблемы культурного наследия. М.: Знание, 1980.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 2307. Оп. 3. Д. 28.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 2307. Оп. 3. Д. 59.
5. Грабарь И. Э. Моя жизнь. М.: Республика, 2001.
6. Докладная записка председателя комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцева И. В. Сталину и В. М. Молотову о необходимости изъятия из экспозиций музеев художественных произведений русского авангарда. 19 мая 1936 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 1999.
7. Ельшевская Г. Русский авангард [Электронный ресурс] // Arzamas Academy. URL: <https://arzamas.academy/materials/1202> (дата обращения: 29.08.2021).
8. Кан Д. Современная западная музейная теория: что она может сказать о русских музеях эпохи революции и о современном музееведении? // Русский авангард: проблемы репрезентации и интерпретации: сб. по материалам конф. СПб.: Palace Editions, 2001. С. 47–53.
9. Карасик И. Н. К истории петроградского авангарда 1920–1930-е годы: События, люди, процессы, институты: автореф. ... д-ра искусствоведения в форме науч. доклада. М., 2003.
10. Карлова А. И. Музей современного искусства в советской и российской культуре // Вестник СПбГУ. 2009. Вып. 4. С. 131–137.
11. Книга поступлений Государственной Третьяковской галереи с шифром «КРТГ» № 1.
12. Книга поступлений Государственной Третьяковской галереи с шифром «КРТГ» № 2.
13. Книга поступлений Государственной Третьяковской галереи с шифром «КРТГ» № 5.
14. Книга поступлений Государственной Третьяковской галереи с шифром «П» № 7.
15. Книга поступлений Государственной Третьяковской галереи с шифром «Уч. оп.».
16. Луначарский А. В. Советское государство и искусство [Электронный ресурс] // Наследие А. В. Луначарского. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/sovetskoe-gosudarstvo-i-iskusstvo/> (дата обращения: 29.08.2021).
17. Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
18. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 8. Оп. IV. Ед. хр. 19.
19. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 8. II. Ед. хр. 110.
20. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 8. II. Ед. хр. 800.

References:

1. Galin, S. A. (1990) *Istoricheskiy opyt kul'turnogo stroitel'stva v pervyye gody sovetskoy vlasti (1917–1925 gg.)* [Historical Experience of Cultural Construction in the First Years of Soviet Power (1917–1925)]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Gorbunov, V. V. (1980) *Razrabotka V. I. Leninym problemy kul'turnogo naslediya* [Development of the Problem of Cultural Heritage by V.I. Lenin]. Moscow: Znaniye.
3. State Archive of the Russian Federation. Fund FA 2307. List 3. Item 28.
4. State Archive of the Russian Federation. Fund FA 2307. List 3. Item 59.
5. Grabar', I.E. (2001) *Moya zhizn'* [My Life]. Moscow: Respublika.
6. Kerzhentsev, P.M. (1999) *Dokladnaya zapiska predsedatelya komiteta po delam iskusstv pri SNK SSSR P.M. Kerzhentseva I.V. Stalinu i V.M. Molotovu o neobkhodimosti iz'yatiya iz ekspozitsiy muzeyev khudozhestvennykh proizvedeniy russkogo avangarda. 19 maya 1936 g.* [Memorandum of the Head of the Committee of Arts Affairs under the Council of People's Commissars of the USSR P.M. Kerzhentsev to I.V. Stalin and V.M. Molotov. May 19, 1936] In: *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TSK RKP(b)-VKP(b), VCHK-OGPU-NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953.* [Power and Artistic Intelligentsia. Documents of the Central Committee of the TSK RKP(b)-VKP(b), VCHK-OGPU-NKVD about cultural policy. 1917–1953]. Moscow: MFD. pp. 308–309. (In Russian).
7. Yel'shevskaya, G. (2019) *Russkiy avangard* [Russian Avant-Garde]. Arzamas Academy. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/materials/1202> (Accessed: 29.08.2021).
8. Kan, D. (2001) [Contemporary Western Museum Theory: What Can It Say About Russian Museums of the Era of the Revolution and About Contemporary Museum Studies?] *Russkiy avangard: problemy reprezentatsii i interpretatsii* [Russian Avant-Garde: Problems of Representation and Interpretation]. Conference Proceedings. St. Petersburg: Palace Editions. pp. 47–53. (In Russian).
9. Karasik, I.N. (2003) *K istorii petrogradskogo avangarda. 1920–1930-e gody: Sobytiya, lyudi, protsessy, instituty.* [On the History of the Petrograd Avant-Garde. The 1920s–1930s: Events, People, Processes, Institutions]. Abstract of Art History Dr. Diss. in the Form of a Scholarly Report.
10. Karlova, A.I. (2009) *Muzey sovremennogo iskusstva v sovetskoy i rossiyskoy kul'ture* [Museum of Contemporary Art in Soviet and Russian Culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. 4.* pp. 131–137.
11. Receipt Book of the State Tretyakov Gallery with Code “KRTG” No. 1.
12. Receipt Book of the State Tretyakov Gallery with Code “KRTG” No. 2.
13. Receipt Book of the State Tretyakov Gallery with Code “KRTG” No. 5.

21. Пчелкина Л. Р. Как русские авангардисты строили музей [Электронный ресурс] // Arzamas Academy. URL: <https://arzamas.academy/courses/73/2> (дата обращения: 23.08.2021).

22. Ракин В. И. Левое искусство [Электронный ресурс] // Энциклопедия русского авангарда. URL: <http://rusavangard.ru/online/history/levoe-iskusstvo/> (дата обращения: 29.08.2021).

14. Receipt Book of the State Tretyakov Gallery with Code "P" No. 7.

15. Receipt Book of the State Tretyakov Gallery with Code "Uch.op."

16. Lunacharskiy, A.V. (1967) *Sovetskoye gosudarstvo i iskusstvo* [Soviet State and Art]. [Online] Available from: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/sovetskoe-gosudarstvo-i-iskusstvo/> (Accessed: 29.08.2021).

17. Manin, V.S. (1999) *Iskusstvo v rezervatsii. Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 1917-1941 gg.* [Art on the Reservation. Artistic Life of Russia in 1917-1941]. Moscow: Editorial USSR.

18. Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery. Fund 8. List 4. Item 19.

19. Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery. Fund 8. List 2. Item 110.

20. Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery. Fund 8. List 2. Item 800.

21. Pchelkina L.R. (2019) *Kak russkiye avangardisty stroili muzey* [How Russian Avant-Garde Artists Built a Museum]. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/courses/73/2> (Accessed: 23.08.2021).

22. Rakitin, V.I. (2012-2021) *Levoe iskusstvo* [Left Art]. In: *Entsiklopediya russkogo avangarda* [Russian Avant-Garde Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://rusavangard.ru/online/history/levoe-iskusstvo/> (Accessed: 29.08.2021).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Петрова, Д. А. Графическое наследие русского авангарда как объект комплектования в Третьяковской галерее в 1920-1930-е годы / Д. А. Петрова // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 43-53. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.003

Full bibliographic reference to the article:

Petrova, D. A. (2021) The Graphic Heritage of the Russian Avant-Garde as an Object of Acquisition in the Tretyakov Gallery in the 1920s-1930s. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 43-53. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.003

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

КОВАЛЕВА Светлана Викторовна

доктор философских наук, профессор
кафедры философии, культурологии
и социальных коммуникаций
Костромского государственного университета,
Кострома, Российская Федерация

Svetlana V. KOVALEVA

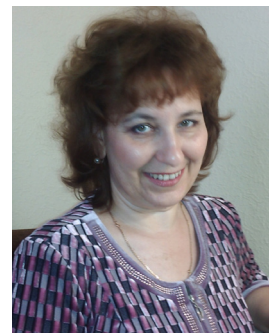
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,

Kostroma State University,

Kostroma, Russian Federation,

sweta.lana1968@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6259-3794

УДК 165.17:1(091)(4-15+470+571)
ГРНТИ 13.07.21
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.004

**Априоризм как основа
духовности в философском
наследии Европы и России:
этический аспект**

**Apriorism as the Basis of Spirituality
in the Philosophical Heritage
of Europe and Russia:
An Ethical Aspect**

Статья призвана определить значение нравственного компонента априорности в философском наследии И. Канта, В. С. Соловьева и М. Шелера и выявить потенциал соответствующих концепций в аспекте совершения нравственного выбора. Исследование основано на трудах перечисленных мыслителей и результатах научных изысканий современных философов. Для каждой из рассмотренных концепций установлено значение чистых априорных категорий и чувственного опыта в нравственном выборе. Эволюция осмысления априорных форм в европейском и отечественном философском наследии заключалась в движении от кантовского формализма к пониманию априорности как целостной установки, определяющей предпочтение человеком одних ценностей другим. Подчеркнута актуальность проанализированных про-

изведений философского наследия для современной моральной практики. Моральный выбор должен осуществляться личностью, нравственно-априорные основания которой актуализируются посредством чувственно-эмоционального переживания этических ценностей.

Ключевые слова: духовность, априорные категории, трансцендентализм, рассудок, нравственные чувства, стыд, жалость, благочестие, феноменологическая редукция, ценности.

На современном этапе развития философской мысли все чаще и чаще возникает необходимость осмысления духовности как сущностной особенности человека. Многие авторы убеждены в том, что именно кризис духовности как внутренней основы сознательной деятельности личности является истинной причиной процессов разрушения внешних форм социальности, проявляющихся в экономической, финансовой, политической сферах. В частности, А. Н. Швечиков в своей статье «Религия и духовность: историко-методологический аспект» замечает, что кризис социальности «породила “культура” постмодерна, растлившая человеческий дух, поправшая нравственный закон, поставившая на пьедестал умственный примитивизм и похоть человеческого тела. В этой культуре духовные потребности накрываются плотской распушенностью, нравственные критерии отбрасываются как основы, мешающие “свободной” жизни» [20, с. 82].

Представление об априорности как фундаментальном свойстве духовности, которое проявляется в познавательной деятельности человека как субъекта, впервые рассмотрено и обосновано И. Кантом. Исследование априорности впоследствии было продолжено многими философами. В частности, Г. В. Ф. Гегель рассматривал это понятие в качестве «подлинной, рефлексированной в самое себя и поэтому опосредствованной в себе непосредственности мышления» [5, с. 97]. Источником априорной способности человека он считал свободу мышления.

Британские философы Дж. С. Милль [15], Г. Спенсер [19] доказывали положение о том, что априорная основа познания, определенная логической необходимостью, есть привычка, которая укоренилась в сознании в процессе развития человечества. Поэтому знание,

априорное и самоочевидное, является физиологической способностью к определенным ассоциациям.

Психофизиологическое понимание априорности как формы чувственного опыта, организованного рассудком, встречается в трудах неокантианцев Г. Гельмгольца [6], Ф. Ланге [13]. Философы полагали, что целостность психологической природы человека в качестве познающего субъекта определяется физиологией внешней чувственности. В то же время организация мышления, ориентированного на получение знаний, служит источником процесса формирования априорных категорий, которые имеют значение исключительно в границах чувственного опыта.

Г. Коген [12] и П. Наторп [16] рассматривали характеристику чистого мышления, содержащего априорные категории, в качестве единственного истинного источника познания как по формальным признакам, так и по содержательному наполнению. В Виндельбанд, считал, что ценности носят трансцендентальный характер, в силу этого являются общезначимыми и представляют собой определенную форму априорного синтетического знания. Априорный характер ценностей признавал и Г. Риккерт [17], однако рассматривая их реализацию в познавательном процессе, он полагал, что ценности при формировании субъективированного представления о предмете гарантируют истинное знание.

Феноменологическое понимание априорности как определенной структуры чистого сознания и условий мыслимости объектов материального мира вне зависимости от их применения изучал Э. Гуссерль [7]. По его мнению, феноменология как первая философия способна созерцать сущность априорных истин и чистых смыслов, которые могут быть как возможными, то есть мыслимыми,

так и актуально представленными в языковой форме. Русская неокантианская школа в лице А. И. Введенского [3] и И. И. Лапшина [14] рассматривала априорность как основу логического познания, которая носит научно-математический характер. Именно в чистоте априорности и кроется источник истинности познавательного процесса.

На современном этапе развития философской мысли проблема априорности является также актуальной и интересной для многих исследователей. В частности, А. А. Алхасов, критикуя на базе учения М. Шелера этический формализм И. Канта, утверждает, что весьма важно создать аксиологическую концепцию, в которой внутренний мир человека будет открываться во всем своем ценностном и эмоциональном многообразии [2]. К. Абишев в работе «К вопросу об истоках кантовского априоризма» [1] утверждает, что априорные основания, охарактеризованные И. Кантом, проявляются прежде всего в творческом процессе человека, в котором познавательный компонент рассматривается только как его часть. Изучая особенности материальной этики М. Шелера как продолжение проблемы априорности, поставленной в философии И. Канта, А. А. Шиян заключает, что эти учения близки в понимании безусловности и неизменности априорных структур, которые остаются едиными для всего человечества в процессе его исторического существования. В то же время, выявляя особенности учения М. Шелера, автор пишет, что «материальное априори познаваемо с помощью сущностной интуиции, которая выступает... особым феноменологическим опытом» [22, с. 129].

В статье Е. В. Золотухиной-Аболиной «Судьба “априори” после Канта: М. Шелер и М. Дюфрен» утверждается необходимость пересмотра априорности как формальной структуры, определяющей процесс мировосприятия в учении И. Канта. Переосмысление этой трансцендентальной формы реализуется в учении М. Шелера, который наполняет ее ценностным содержанием. В философии М. Дюфрена доопытные структуры непосредственно связаны с чувственно-эмоциональным переживанием художественных образов, существующих как в материально-природной сфере бытия, так

и в искусстве [9]. Такие современные авторы, как В. П. Думцев [8], О. А. Вольнякова [4], размышляя о рационализме этики И. Канта, приходят к выводу, что ее формализм преодолевается в учении В. С. Соловьева, раскрывающего идеал чувственной природы человека как совокупность отвлеченных начал.

Таким образом, краткий обзор исследований, посвященных проблеме априорности, показывает, что данное качество характеризует мышление человека, который, выступая в роли субъекта, изучает мир через призму этики чистых форм созерцания. Социокультурные различия России и Запада, а также динамика изменения направленности философской интуиции в последние столетия, определяют интерес к анализу эволюции априоризма как фундамента духовности в наследии зарубежных и отечественных философов, которые на протяжении XVIII–XX вв. создавали концепции, отражавшие мировоззренческие установки, свойственные каждому столетию. Очень важной представляется также проблема практического использования нравственных установок, присущих философским учениям различных эпох, в современной этической практике, характеризующейся плюрализмом форм и способов нравственного мышления и поведения.

Задачей данной статьи является необходимость выявить значение нравственной составляющей априорности в философском наследии И. Канта, В. С. Соловьева и М. Шелера и определить возможности использования соответствующих концепций при выборе моральной позиции человека в современном динамично меняющемся мире. Материалами исследования послужили труды перечисленных мыслителей, а также работы современных ученых, касающиеся научного анализа их наследия. Историко-философская направленность и тесная связь с проблематикой этического характера предопределила методологическую основу исследования, особенно продуктивными стали методы философской компаративистики и аксиологический подход, позволившие соотнести ценности и идеи, свойственные анализируемым концепциям рассматриваемых философов.

Для достижения целей исследования необходимо в первую очередь изучить насле-

дие И. Канта в аспекте анализа идей, связанных с априорными формами, при этом особое внимание следует обратить на кантовские тезисы, касающиеся практической деятельности человека, его практического разума как основы априорности, а также значения нравственного закона в этой деятельности. Последующее обращение к философскому наследию В. С. Соловьева, представленному в произведении «Оправдание добра» [18], позволит определить взгляды мыслителя на нравственную природу человека и элементы этического характера, составляющие онтологическую основу его личности. В заключение необходимо коснуться содержания работ М. Шелера, затрагивающих различные аспекты этики ценностей и непосредственно связанных с проблематикой априоризма, в частности, важно провести сравнение его установок с этическими идеями И. Канта по критерию выявления отношения человека к окружающему миру. В наследи каждого рассматриваемого мыслителя важно выявить значение чистых априорных категорий и чувственного опыта в нравственном выборе. Применение выявленных обобщений в современной нравственной практике послужит выводом исследования.

Значение исследования определяется отраженным в нем анализом сущности априоризма как основы духовности, который будет способствовать выявлению и обоснованию априорно-онтологического фундамента, а также определению того содержания, которое соответствует функционально-деятельностным актам сознания, обеспечивающим реализацию духовности в процессуальности жизни.

Необходимо напомнить, что И. Кант, выявив априорные формы на основе анализа познавательной деятельности субъекта, пришел к выводу, что мышление в его трансцендентальном виде, ориентированное на получение знаний о предметах материального мира, утрачивает «чистоту». Это связано с тем, что, обладая функцией синтеза, трансцендентальная форма мышления неизбежно должна соединять, объединять показания внешней чувственности, образуя в итоге представление о предмете. Новое знание о мире и явлениях, его наполняющих, согласно гносеологическим представлениям И. Канта, возникает всегда

только на основе чувственно-эмпирического опыта, который выступает основой синтетических суждений, а priori образующихся в результате деятельности трансцендентальной формы мышления, содержащей необходимый для этого категориальный аппарат.

Именно в силу отсутствия «чистоты» и полной зависимости от показаний внешней чувственности априорность мышления не в состоянии познать сущность предметов и явлений, остающихся «вещами-в-себе», то есть в онтологическом смысле трансцендентальная форма как особая способность субъекта не реализует свой духовный потенциал. Именно по этой причине И. Кант переходит от анализа познавательной деятельности человека как главного предмета изучения философии к его практической деятельности, осуществляющейся в повседневной жизни. По мнению философа, именно в своей практической форме априорность остается чистой, ибо объектом воли в данном случае становится Бог и созданный Им нравственный закон. Можно сказать, что сама нравственная основа жизни создается трансцендентальной формой мышления в ее практическом применении (И. Кант называет эту форму «практическим разумом»), основанном на чистоте априорности. Необходимо заметить, что именно практический разум дает всеобщий закон деятельности как высший практический принцип для воли, поскольку он формируется в сознании человека чистой формой трансцендентальности и не может быть выведен эмпирическим путем на основе чувственного опыта.

Сам нравственный закон, будучи чистым и никак не связанным с материальностью мира и человека, создан Богом. В частности, об этом философ пишет: «Бог может быть выражен только в понятии морального творца мира, ибо только это понятие указывает нам конечную цель, к которой мы можем считать себя причастными лишь в той мере, в какой мы поступаем сообразно с тем, что возлагает на нас как конечную цель моральный закон, к чему он, следовательно, нас обязывает» [10, с. 314]. Можно сказать, что Бог создает моральный закон как одну из множества идей мироздания, а в чистоте априорности трансцендентальной формы мышления человека она, как

в зеркале, отражается, образуя ноумен сознания. Таким образом, человек обладает способностью видения морального закона в форме ноумена своим практическим разумом, потому что этот закон априорно присутствует в его сознании. В итоге Бог непосредственно, а человек опосредованно через усилия своего практического разума, одинаково обладают ноуменом, представленным моральным законом, как идеей мировой гармонии (См. [11]).

Подчеркнем, что философ убежден в необходимости чистоты трансцендентальной формы мышления, в отсутствии какого бы то ни было, даже положительного, чувственного содержания этой формы, считая, что чистота воли или практического разума обеспечит наиболее возможное и полное осуществление блага, идеала общественного развития. И. Кант настаивает на том, что самое благое побуждение, вызванное тем или иным чувством, например, милосердием, морально обесценивает поступок, мотивированный таким побуждением, нарушается чистота воли или практического разума, который должен выносить суждения для деятельности субъекта исключительно в незамутненной своей формальности.

В отличие от И. Канта русский философ XIX в. В. С. Соловьев считал, что обоснованная немецким ученым чистая априорность является необходимым, но не достаточным условием осуществления идеи добра как общего блага. Сам В. С. Соловьев в труде «Оправдание добра» [18] выявил основы нравственной, материально-плотской природы человека, которые составляют содержание чистой формы и, возведенные в закон долженствования, определяют принципы воли, руководствуясь которыми субъект осуществляет полноту добра в своей жизни. Анализируя чувственно-телесную организацию человека, философ приходит к выводу, что существуют три главных нравственных чувства, которые характеризуют онтологическую основу личности и которые представлены стыдом, жалостью и благочестием.

Чувство стыда, проявляющееся у каждого человека, показывает его отношение к низшей, плотской природе своего существа и «имеет то принципиальное значение, что им

определяется этическое отношение человека к материальной природе. Человек стыдится ее господства в себе или своего подчинения ей (особенно в ее главном проявлении) и тем самым признает относительно ее свою внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство, в силу чего он должен обладать, а не быть обладаемым ею» [18, с. 131]. Так как обоснованный И. Кантом формальный принцип долженствования носит всеобщий характер, то определенное этим принципом чувство стыда возводится в универсальный нравственный закон аскетизма, который формирует волю человека и направляет его осуществлять деятельность духовного характера против отрицательных проявлений плоти. Тем самым духовность человека, освобожденная от посягательств материальной природы, способна утверждать себя как высшее творческое начало, содержащее априорные трансцендентальные категории, участвующие в формировании духовно-нравственных качеств личности.

Чувство жалости, или сострадания, по мнению В. С. Соловьева, представляет собой «естественный корень нашего нравственного отношения к другим» [18, с. 163]. И если человек, не имеющий стыда, уравнивается с животными, то не имеющий жалости падает ниже животного уровня, ибо и другие живые существа способны испытывать подобные чувства. Философ считает, что чувство жалости, или сострадания, способствует признанию того, что другой человек или иное живое существо имеют одинаковое право на жизнь, пользование ее благами. Оправдание этого чувства логически, формальным законом долженствования приводит к созданию еще одного правила для воли — принципа альтруизма. Этот принцип, по мнению философа, должен мотивировать волю субъекта для осуществления деятельности, направленной на творение блага всем живущим, распространяя идею добра на материально-физическую сферу бытия. В частности, русский мыслитель пишет, что «все проявления жалости и вытекающего из нее альтруизма существенно обусловлены равенством, а неравенство является в них лишь случайным и преходящим моментом... Признавая другого равным себе, страдающий

сравнивает его состояние с такими же своими и из их одинаковости выводит нравственную обязанность участия и помощи» [18, с. 185].

И третье нравственное чувство, характеризующее плотскую природу человека, по представлению В. С. Соловьева, выражено чувством благочестия, которое позволяет ему правильно, иерархически грамотно выстроить отношения с Богом как Творцом всего сущего. Философ утверждает, что это чувство является универсальным и характеризует природу любого человека, ибо «признание высшего над собою не зависит ни от каких определенных представлений ума и, следовательно, ни от каких положительных верований, а в общности своей оно несомненно обязательно для всякого разумно-нравственного существа» [18, с. 194]. Каждый человек как субъект духовно-нравственной деятельности способен воплощать идею добра только в том случае, если признает ее объективность и верит в этический порядок мироздания, который создан высшей Личностью — Богом-Творцом. Чувство благочестия как природно-нравственная добродетель, опосредованная логикой должностования, которая выражена априорностью категорий и представлена чистым императивом И. Канта, возводится в принцип пиетизма, служащий правилом для воли человека.

Таким образом, В. С. Соловьев, создавая свою этическую концепцию оправдания идеи добра как результата деятельности формальной трансцендентальной логики мышления, обоснованной И. Кантом, предлагает дополнить ее чистоту, главный недостаток системы, выявлением нравственных качеств материально-плотской природы человека. К таким качествам относятся чувства стыда, жалости, благочестия, которые в своей совокупности составляют содержание априорных категорий духовности, определяя целостность человека как единство его физической и метафизической сфер бытия.

Чистоту априорных категорий, которые, согласно И. Канту, характеризуют трансцендентальную форму мышления человека, критиковал и немецкий философ XX в. М. Шелер. Мыслитель был убежден в том, что чувственно-содержательное наполнение априорных категорий не способно дать адек-

ватную характеристику духовности человека и тем самым раскрыть сферу ценностей, которые по праву являются истинным предметом изучения феноменологической этики. По мнению философа, «всякий нефеноменологический опыт (то есть опыт, в основании которого отсутствует феноменологическая редукция как метод созерцания ценностей. — С. К.) принципиально является опытом, осуществляющимся посредством каких-либо символов, то есть — опосредованным опытом, который никогда не дает “сами” вещи. Только феноменологический опыт принципиально асимволичен и именно поэтому способен исполнить все символы, какие только возможны» [21, с. 269]. По сути, философ указывает, что заслуга И. Канта не в том, что он выявил и обосновал априорные категории трансцендентальной формы мышления как саму духовность, а значит, истинную характеристику человека, ибо ее формальность безжизненна, в ней самой ценности нет. Чистые категории как основа трансцендентальности — это только способности, которые надо развивать и наполнять особым, феноменологическим опытом, находящимся в противоречии с опытом символическим, то есть опосредованным чувственностью человека.

Подчеркнем, что для М. Шелера основанием применения феноменологической редукции в опыте постижения ценностей является целостность человека, который, будучи наделен свободой, противостоит миру. Именно *отношение* человека к миру характеризует его целостность и тем самым является мотивом применения априорных форм в практике жизни. По мнению философа, отношение И. Канта к миру можно «описать только как совершенно изначальную “враждебность” или “недоверие” ко всему “данному” как таковому, страх и ужас перед ним как перед “хаосом” — “[перед] внешним миром и внутренней природой”»; таково выраженное в словах отношение Канта к миру, и “природа” поэтому становится тем, что следует оформить, организовать, чем следует “овладеть”, она — “враждебное”, “хаос” и т.п. Таким образом, налицо именно полная противоположность любви к миру, доверия, созерцательной и любящей самоотдачи ему, т.е. в основе своей только ненависть к миру,

с такой силой пронизывающая образ мыслей современного [moderne] мира, принципиальное недоверие к нему; и следствие этой установки — безграничная потребность в действии, с тем, чтобы “овладеть” или “организовать” его...” [21, с. 286].

Таким образом, автор материальной этики ценностей утверждает, что враждебное отношение к миру предполагает потребительское его использование посредством организации чувственности с помощью «формирующего», «законодательствующего рассудка», который приводит в порядок влечения человека и организует его волю. Именно мотив «использования» определяет процесс применения априорных категорий трансцендентальной формы мышления, которую М. Шелер называет рассудком. Другими словами, в том случае, если человек ориентирован по отношению к миру потребительски, с целью использования его благ для удовлетворения влечений, то разумная форма мышления не актуализируется, но проявляется рассудочная, называемая И. Кантом трансцендентальной, чистые категории которой осуществляют синтез чувственных восприятий. Как следствие, происходит упорядочение, а по сути, разрушение целостности и гармонии мира в соответствии с этими эгоистическими мотивами.

М. Шелер убежден в том, что истинные ценности носят духовно-феноменальный характер, они образуют определенную иерархию и их можно только созерцать в акте феноменологической редукции. Причем человек, созерцающий ценности, свободно выбирает, какими из них руководствоваться в своей практической жизни на основе *предпочтения*. В этом свободном акте нет никакой чувственной мотивации, потому что человек, пребывая во внутренней целостности, относится к миру нравственно, с любовью, принимая его со всеми его пороками и не желая его изменять. Это отношение меняет вектор применения априорного категориального аппарата мышления, направляя его в метафизическую сферу и созерцая ценностную иерархию. Здесь, если говорить образно, чистота априорности является своеобразным зеркалом, в котором отражается мир ценностей, и человек на основе свободного предпочтения сам для себя выби-

рает тот их порядок, который соответствует его способностям и смыслу жизни.

Таким образом, по М. Шелеру, человек может изменить только сам себя, созерцая ценностную иерархию и выстраивая ее для себя через выбор-предпочтение, а потом уже воплощать ее в своей жизни, наполняя смыслом каждый поступок. И в этом процессе нет никаких каузальных связей, ибо новый временной вызов будет требовать от человека новых свершений на основе ценностных предпочтений. Рассуждая об этом, философ пишет: «Существуют специфически “критические” нравственные характеры — они становятся крайне “аскетическими”, — которые реализуют то, что некоторые ценности выступают как более высокие только через “пренебрежение”; им противостоят позитивные характеры, которые только “предпочитают” и для которых “низшие” ценности становятся видимыми только с той вершины, которой они достигли в предпочтении. В то время как первые стремятся к “добродетели” в борьбе против “пороков”, вторые как бы погребают пороки под вновь приобретенными добродетелями» [21, с. 307].

Заканчивая исследование, необходимо отметить, что априоризм И. Канта, будучи формальным в своей сущности, является первоначальным этапом становления и формирования облика человека. Обладая выбором, он может принять за истину систему немецкого философа и строить свою жизнь на основе чистого, формального долженствования, которое сформулировано в виде категорического императива. Следуя за И. Кантом, принимая его учение за авторитет, безусловно, человек пройдет путь своего становления как трансцендентального субъекта, морально-этически ориентированного на воплощение общественно-полезного блага. Можно осуществить выбор в пользу учения В. С. Соловьева, применившего рационализм и отвлеченность И. Канта в оправдании чувственно-телесной природы человека, обладающей положительными, нравственными началами. Однако наиболее сложный и ответственный выбор, на наш взгляд, будет соответствовать предпочтению учения М. Шелера, который обосновал возможность применения феноменоло-

гической редукции в сфере этики. Признавая объективное, иерархически организованное бытие ценностей, философ показал онтологическую, априорно-трансцендентальную открытость человека этому уровню, а также невозможность обоснования каких-либо гарантий «правильного» выбора ценностей. Это связано с тем, что любой выбор всегда будет правильным только в том случае, если человек сможет взять за него ответственность, изменяя исключительно свой внутренний мир, преобразовывая его на основе феноменальных ценностей.

Результаты исследования определяют его научную новизну, состоящую прежде всего в описании альтернативных возможностей морального выбора в условиях плюрализма концепций, характеризующих априорность как основу духовности и этического сознания. В целом осмысление априорных форм на протяжении почти трех столетий развития запад-

ноевропейской и отечественной философии демонстрирует достаточно четкую линию эволюции, в основе которой лежит формальный закон долженствования И. Канта, впоследствии получивший критическую оценку в трудах российских и зарубежных мыслителей. Основным содержанием этой эволюции стало движение от кантовского формализма в сторону понимания априорности как целостной установки, определяющей предпочтение человеком одних ценностей другим и способствующей тем самым формированию иерархии личностных ценностей. Таким образом, значение априоризма и априорных форм как фундаментальных оснований человеческой нравственности подчеркивалось всеми мыслителями, наследие которых было рассмотрено в данном исследовании, однако их философский смысл и специфические характеристики претерпели заметные метаморфозы на протяжении трех веков.

Svetlana V. KOVALEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation,
sweta.lana1968@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6259-3794

Apriorism as the Basis of Spirituality in the Philosophical Heritage of Europe and Russia: An Ethical Aspect

Abstract. The article aims to establish the meaning of the moral component of apriorism in the philosophical heritage of Immanuel Kant, Vladimir Solovyov, and Max Scheler, and to determine the possibility of using appropriate conceptions when choosing the moral position of a person in modern culture. The research material was writings by the mentioned thinkers and research analysing their heritage by modern scholars. The methodology is based on the principles of philosophical comparative studies and an axiological approach, which allowed comparing the values and ideas inherent in the conceptions of the three philosophers. The author examines Kant's heritage in the aspect of the analysis of ideas related to a priori forms and pays special attention to Kant's theses related to the practical activities of a person as basic apriorism and the importance of moral law in this activity. The author next turns to the philosophical heritage of Solovyov and identifies his views on the elements of an ethical nature that make up the ontological basis of the philosopher's personality. She further analyses works by Scheler, which allowed comparing his view with Kant's ethical ideas by the criterion of revealing a person's attitude to the surrounding world. The value of pure a priori categories and sensory experience in moral choice is established for each of the considered conceptions. The author concludes that the comprehension of the meaning of a priori forms in the European and domestic philosophical heritage during almost three centuries demonstrates a sufficiently clear evolution based on Kant's formal law of duty, which later received a critical assessment in the works of Russian and

foreign thinkers. The main content of this evolution was a departure from Kant's formalism towards understanding apriorism as a holistic attitude, which determines a person's preference for some values to others and thus contributes to the formation of a hierarchy of personal values. The three thinkers emphasised the importance of apriorism and a priori forms as fundamental foundations of human morality; however, the philosophical meaning and specific characteristics of the forms changed noticeably throughout the three centuries. Based on her research, the author emphasises the relevance of the examined works for modern moral practice. The individual must be not only a subject of cognitive activity but also a person, whose moral and a priori foundations are actualised through the sensual and emotional experience of ethical values.

Keywords: spirituality, a priori categories, transcendentalism, reason, moral feelings, shame, pity, piety, phenomenological reduction, values.

Использованная литература:

1. Абишев К. К вопросу об истоках кантовского априоризма // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 176–184.
2. Алхасов А. А. Критика Максом Шелером кантовского формализма в этике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 32–35.
3. Введенский А. И. Логика как часть теории познания. 3-е изд., перераб. Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1917.
4. Вольнякова О. А. Рациональная этика И. Канта и критика ее формального характера в трудах В. Соловьева // Этика и история философии: материалы II междунар. науч.-практ. конф. (г. Тамбов, 18 ноября 2016 г.) / отв. ред. Н. В. Медведев, А. Н. Алленов, Е. Е. Медведева. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2016. С. 143–147.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974.
6. Гельмгольц Г. О зрении человека. Новейшие успехи теории зрения. М.: Либроком, 2011.
7. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций. 3-е изд., испр. и перераб. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018.
8. Думцев В. П. Этика идеала Вл. Соловьева versus этика долга Канта // Соловьевские исследования. 2014. № 3 (43). С. 19–32.
9. Золотухина-Аболина Е. В. Судьба «априори» после Канта: М. Шелер и М. Дюфрен // Кант, классика, современность: материалы конф. «Европейская философия: до и после Канта», посвящ. 290-летию со дня рождения И. Канта (г. Ростов-на-Дону, 24 октября 2014 г.). М.; Берлин, 2015. С. 23–33.
10. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5. М.: ЧОРО, 1994.
11. Ковалева С. В., Мастеров Д. В. Свобода и социальная гармония // Научный журнал. Философия и культура. 2017. № 11 (119). С. 97–104.
12. Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М.: Академический проект, 2012.
13. Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб.: Изд. Пантелеева, 1899.

References:

1. Abishev, K. (2019) To the Question of the Origins of Kant's Apriorism. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 176–184. (In Russian). DOI: 10.31857/S004287440003883-6
2. Alkhasov, A.A. (2015) Max Scheler's Criticism of Kantian Formalism in Ethics. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12-2 (62). pp. 32–35. (In Russian).
3. Vvedenskiy, A.I. (1917) *Logika, kak chast' teorii poznaniya* [Logic as Part of the Theory of Cognition]. 3rd ed. Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha,
4. Vol'nyakova, O.A. (2016) [Kant's Rational Ethics and Criticism of Its Formalism in the Works of V. Solovyov]. *Etika i istoriya filosofii* [Ethics and History of Philosophy]. Proceedings of the International Conference. Tambov. 18 November 2016. Tambov: Tambov State University. pp. 143–147.
5. Hegel, G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [The Encyclopaedia of the Philosophical Sciences]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
6. Helmholtz, H. (2011) *O zrenii cheloveka. Noveyshie uspekhi teorii zreniya* [On Human Vision. The Latest Advances in the Theory of Vision]. Translated from German. Moscow: Librokom.
7. Husserl, E (2018). *Ideya fenomenologii: Pyat' lektsiy* [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. Translated from German. 3rd ed. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
8. Dumtsev, V.P. (2014) Vl. Solovyov's Ethics of Ideal Versus Kant's Ethics of Duty. *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov Studies*. 3 (43). pp. 19–32. (In Russian).
9. Zolotukhina-Abolina, E.V. (2015) [The Fate of "A Priori" After Kant: M. Scheler and M. Dufrenne]. *Kant, klassika, sovremennost'* [Kant, Classics, Modernity]. *Evropeiskaya filosofiya: do i posle Kanta* [European Philosophy: Before and After Kant] Conference Proceedings. Rostov-on-Don. 24 October 2014. Moscow; Berlin: Direkt-Media. pp. 23–33. (In Russian).
10. Kant, I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. In: *Sochineniya v 8 t.* [Works in 8 Volumes]. Translated from German. Vol. 5. Moscow: ChORO.
11. Kovaleva, S.V. & Masterov, D.V. (2017) Freedom and Social Harmony. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*.

14. Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. СПб.: Тип. Безобразова, 1906.
15. Милль Дж. С. Система логики. 5-е изд. доп. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1878.
16. Наторп П. Кант и Марбургская школа // Наторп П. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2006. С.??
17. Риккерт Г. Философия истории. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1908.
18. Соловьев В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.
19. Спенсер Г. Основные начала. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1897.
20. Швечиков А. Н. Религия и духовность: историко-методологический аспект // Власть. 2009. № 6. С. 82–85.
21. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994.
22. Шиян А. А. Основные предпосылки критики М. Шелером этики Канта // XII Кантовские чтения. Кант и этика Просвещения: исторические основания и современное: тез. докл. междунар. науч. конф. (г. Калининград, 21–25 апреля 2019 г.) / под ред. Н. А. Дмитриевой, В. А. Чалого. Калининград, 2019. С. 128–129.
- 11 (119). pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0757.2017.11.23200
12. Cohen, H. (2012) *Teoriya opyta Kanta* [Kant's Theory of Experience]. Translated from German by V.N. Belov. Moscow: Akademicheskii proekt.
13. Lange, F.A. (1899) *Istoriya materializma i kritika ego znacheniya v nastoyashchee vremya* [History of Materialism and Critique of Its Present Importance]. Translated from German. St. Peterburg: Izd. Panteleeva.
14. Lapshin, I.I. (1906) *Zakony myshleniya i formy poznaniya* [Laws of Thinking and Forms of Knowledge]. St. Petersburg: Tip. Bezobrazova.
15. Mill, J.S. (1878) *Sistema logiki* [System of Logic]. Translated from English. 5th ed. St. Petersburg; Moscow: M.O. Vol'f.
16. Natorp, P. (2006) Kant i Marburgskaya shkola [Kant and the Marburg School]. In: *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego.
17. Rickert, H. (1908) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Translated from German. St. Petersburg: Tip. tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za.
18. Solov'ev, V.S. (2012) *Opravdanie dobra* [The Justification of the Good]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm.
19. Spencer, H. (1897) *Osnovnye nachala* [First Principles]. Translated from English. St. Petersburg: Izdanie L. F. Panteleeva.
20. Shvechikov, A.N. (2009) *Religiya i dukhovnost': istoriko-metodologicheskii aspekt* [Religion and Spirituality: A Historical and Methodological Aspect]. *Vlast' – The Authority*. 6. pp. 82–85.
21. Scheler, M. (1994) *Formalizm v etike i material'naya etika tsennostey Scheler M.* [Formalism in Ethics and Non-Formal Ethics of Values]. In: Denezhkin, A.V. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis.
22. Shiyani, A.A. (2019) [The Main Premises of M. Scheler's Criticism of Kant's Ethics]. *XII Kantovskie chteniya. Kant i etika Prosveshcheniya: istoricheskie osnovaniya i sovremennoe znachenie = 12th Kant Readings. Kant and the Ethics of Enlightenment: Historical Roots and Contemporary Relevance: Abstracts of the International Conference*. Kaliningrad. 21–25 April 2019. Kaliningrad: Baltic Federal University. pp. 128–129. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ковалева, С. В. Априоризм как основа духовности в философском наследии Европы и России: этический аспект / С. В. Ковалева // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 54–63. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.004

Full bibliographic reference to the article:

Kovaleva, S. V. (2021) Apriorism as the Basis of Spirituality in the Philosophical Heritage of Europe and Russia: An Ethical Aspect *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 54–63. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.004

МИРОНОВ Арсений Станиславович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры народной художественной культуры
Московского государственного института культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация

Arseny S. MIRONOV

Cand. Sci. (Journalism), Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Oblast, Russian Federation,

arsenymir@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4344-6489

УДК 82-131=161.1:17.022.1

ГРНТИ 13.09.00

ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.005

Некоторые результаты аксиологического анализа русского героического эпоса

Certain Results of an Axiological Analysis of the Russian Heroic Epic

Целью статьи является формирование представления о ценностном наполнении русского героического эпоса, основанном на результатах последствий поступков героев. Методология опирается на аксиологический анализ, механизм которого включает исследование мотивирующих героя ценностей, совершенного им поступка и последствий этого поступка. Различимые в былинах ценностные категории (слава, честь и др.) предполагают два сюжетно маркированных инварианта. На основании последствий (положительных или отрицательных) поступка героя, мотивированного, в свою очередь, той или иной вариативной ценностью, она либо утверждается, либо, наоборот, подвергается девальвации. Подобная закономерность позволяет осуществить классификацию былинных сюжетов и вынести общую содержательную оценку национальному эпосу. Учитывая, что девальвируемыми ценностями оказываются ценности «ветхого человека», совершенно оправданно говорить о том, что русская героическая поэзия является глубоко христианской по своему духу.

Ключевые слова: былины, аксиологический анализ, предельные ценности, инструментальные ценности, мотивация, поступок, аксиомотив, христианская картина мира.

Аксиологический анализ плодотворно применяется в работах В. С. Непомнящего [23], В. А. Воропаева [7], С. А. Гончарова [8], М. М. Дунаева [12], И. А. Есаулова [14] [16] и других ученых при исследовании отечественной

словесности, а также при описании картины мира, отразившейся в произведениях древнерусской литературы (А. Н. Ужанков) [31]. Опыт аксиологического анализа пушкинского творчества, предпринятый, в частности,

В. С. Непомнящим [22], свидетельствует о возможности выявить ценностную картину мира, характерную для конкретного автора, причем в динамике. По свидетельству ученого, ценностный подход представляет собой вполне надежную «методологию исследования духовного мира художника (да и личности вообще)» [22, с. 26]. По мнению И. А. Есаулова, аксиологический анализ есть условие правомерного изучения русской классической литературы как таковой, именно ценности должны стать категориями нового исследовательского метода в филологии [15].

Однако в отношении героического эпоса и вообще фольклора необходимо сделать важную оговорку. Ценностный анализ художественного мира, созданного автором, исходит из понимания того, что его сознание является пусть и становящимся, но все же цельным и внутренне непротиворечивым, конкретное произведение отражает целостное мировоззрение его создателя в конкретный момент творческой биографии. Таким образом, то, как меняется «ценностный центр» автора (М. М. Бахтин [4, с. 56]), возможно проследить от произведения к произведению. В отношении же фольклора (и, как следствие, героического эпоса) сказанное не очевидно; существование цельного непротиворечивого смысла конкретной былины может быть оспорено со ссылкой на особенности генезиса и бытования эпоса, на его вариативность и другие особенности.

Вопрос о ценностной сущности русского эпоса представляется в высшей степени дискуссионным. Многие ученые сомневались и сомневаются в существовании единой и взаимосвязанной системы ценностей в случае русской героической поэзии. Во-первых, распространено мнение, что образы былинных героев отражают разновременные «слои» противоречивых и даже противоположных ценностей и норм. Былина описывается в виде своеобразного конгломерата разновременных (языческих и христианских, аристократических и народных, автохтонных и заимствованных) смыслов, напластованных друг на друга за периоды бытования эпоса в разных социальных средах. Так, Ф. И. Буслаев находил в былинах «сеть противоречий, несообразностей

и анахронизмов... облеченных в поэтические образы» [5, с. 127]. Противоречивые мотивации богатырей в былинах ученые объясняли не динамикой внутреннего мира героев и переоценкой ими тех или иных аксиологических категорий, но хаотичным наслоением «нравственных черт различных эпох» [26, с. 24]. В. Ф. Миллеру принадлежит знаменитое сравнение русского эпоса с «грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением... с пристройками и надстройками от разных времен» [20, с. VI]. Эта метафора указывает на отсутствие некоего общего замысла, единых конструктивных и художественных норм. Такой подход унаследовало советское эпосоведение; например, М. М. Плисецкий полагал, что в былинах отражено «изменение психологии народных масс... на протяжении веков» [25, с. 8], однако советские ученые порой затруднялись определить, что является семантической основой той или иной конкретной былины — «идея, доминировавшая при ее сложении», или же «рудименты» более древних смыслов [1, с. 42]. Так, В. П. Аникин исследовал «противоречия внутри идейно-художественного состава» былин, объясняя их наслоением разновременных «идеалов», и полагал, что «нарушения цельности» аксиологических ориентаций «открывают путь к историческому приурочению всей былины» [3, с. 317].

Во-вторых, изучая различные варианты одного и того же былинного сюжета, исследователи нередко приходили к выводу о том, что разные певцы «заставляют» своих героев в одних и тех же обстоятельствах предпочитать различные ценности. Ученые пытались объяснить это спецификой конкретной коммуникативной ситуации или же различиями в мировоззрении сказителей, особенностями местной традиции, влиянием на творчество конкретного певца сказки, духовного стиха и др. Так, А. П. Скафтымов полагал, что герой приобретает те черты, которые «дороги самому рассказчику и вообще являются для него желанными»: певец «религиозный» и певец «разгульный» ориентируют своих героев на различные ценности [28, с. 93].

Ученые также обращали внимание на то, что не только разные певцы поют одну былинку по-разному, но даже один и тот же певец в раз-

ных ситуациях выпевает особый вариант песни. Например, по мысли известного слависта А. Лорда, эпическая «тема» — не статичная данность, но живое, изменчивое художественное начало, «адаптируемое» сказителем к условиям конкретного исполнения [37, с. 94].

Сохраняется ли при выпевании множества вариантов песни ее глубинный ценностный «код»? Для ответа на этот вопрос необходимы результаты аксиологического анализа, который покажет, насколько часто у разных сказителей мотивировки героя одной и той же песни будут связаны с различными (или даже полярными) ценностями. Если такие случаи окажутся доминирующими, можно будет сделать вывод не только о формальной изменчивости эпической «темы» в устах разных сказителей, но также об отсутствии универсальной аксиологической модели национального эпоса, то есть, по сути, опровергнуть распространенный в научной литературе тезис о существовании «единого» эпического мировоззрения народа, отраженного в его фольклоре [2, с. 4] [34, с. 1–2] [32, с. 105].

Ниже представлены некоторые результаты аксиологического анализа русских былин; из поля нашего внимания были исключены записи неполные (в ценностном смысле), то есть не содержащие всех этапов, связанных с аксиологически значимым поступком героя: ценностного выбора, самого действия и оценки последствий этого действия.

Необходимо подчеркнуть, что объектом настоящего анализа является былинная поэзия в том виде, в котором она дана нам в известных науке записях XVIII–XX вв., начиная со сборника Кирши Данилова. Следовательно, любые ценности, выявленные в былинах, мы будем принимать как ценности русского эпического сознания этого исторического периода. Теоретически допустимая реконструкция архаичных ценностей, предположительно отразившихся в русской героической поэзии, не является задачей настоящего исследования.

Для того чтобы избежать методологической «модернизации», мы предприняли следующее. Во-первых, на начальном этапе нашего анализа мы воздерживаемся от использования современных слов, обозначающих те или

иные ценности (чтобы не «навязывать» былинной фактуре концепты, «предустановленные» взглядом человека XXI века), несмотря на очевидное неудобство использования в тексте научной статьи ряда слов и словосочетаний, взятых непосредственно из былинных записей. Мы также отказываемся от возможности составить произвольный список ценностей и затем исследовать то, как эти ценности мотивируют былинных героев, ведь при таком подходе уникальные аксиологические концепты русского эпического сознания с неизбежностью окажутся неразличимыми. В качестве примера приведем понятие «честь», которое для современного сознания устойчиво связано с представлением о некоем «внутреннем нравственном достоинстве человека» [35], а также с концептом воинской чести. Последний близок по содержанию к античному и германскому эпическому концепту «долга чести» как обязанности воина «отработать» дары, полученные им от властителя. Ниже мы покажем, что понятие «честь-хвалы богатырской», обнаруживаемое в былинах, в ряде случаев не совпадает по содержанию с указанными выше понятиями.

Во-вторых, принципиально важно учитывать последствия ценностного выбора, сделанного протагонистом, и предлагать определение аксиологической категории, которую предпочел герой, именно через указание на результат его поступка. Таким образом, мы получим не только список былинных «терминов» для обозначения ценностей, но и достоверные определения аксиологических категорий, как бы данные «изнутри» самой былины.

Приступая к выявлению оригинальных былинных понятий (и их наименований), которые способны мотивировать героя, необходимо отдавать себе отчет в том, что в языке русских былин немного слов, обозначающих аксиологические категории. Былинные певцы в большинстве случаев поют о поступках, основанных на ценностном выборе, не указывая при этом на сами ценности; никогда (за редчайшими исключениями) не говорится прямо о проявлении героем тех или иных чувств или качеств. Русскому эпическому сознанию чуждо морализующее восхваление своих персонажей; вместо восхваления героя былинный

певец сообщает о благих последствиях его действия.

Кроме того, в былинах нередко поется о «дефиците» некой ценности или ее недооценке, проявляющейся через поступки героя. В этом случае та или иная аксиологическая категория дана слушателю через отрицание: «безумной» [29, с. 251], «немиловитой(-ый)» [17, с. 205], «безчестье великое» [24, с. 438], «нечестлив(-ва)» [10, с. 482] и др. Например, если богатырь проявляет ум, это, как правило, остается «незамеченным» певцом (то есть не вызывает прямого указания на ценность ума с его стороны), тогда как весьма часто сказители отмечают глупость богатырей (встречаются такие формулы, как «молодешенёк умок, зеленешонёк» [33, с. 138], «полуразум» [9, с. 161], «не мудрая дружинишка» [6, с. 9] и др.); следовательно, чтобы получить представление о былинном концепте ума, необходимо изучить все те случаи, когда герои поступают глупо.

Недостаток различных ценностей переживается богатырем как «беда» и «досада» [18, с. 615], «обида» [19, с. 195–196], «завид» [13, с. 618]; предстоит установить, какие именно действия антагонистов или других персонажей богатырю «не кажутся» [11, с. 32], «не в любовь приходят» [36, с. 239], «не по уму приходятся» [27, с. 137], бывают «не по разуму» [30, с. 114] и т.п. В каждом конкретном случае необходимо выявить (из контекста, с учетом последствий героического поступка), о дефиците какой именно ценности идет речь.

Перечень мотивирующих героя ценностей мы полагаем целесообразным начать с наиболее часто встречающихся в былинах предельных ценностей «славы» и «чести» (с выделением конкретных слагаемых последней — от «золотой казны», «жены», «славного отечества» до «закона Божия» и «веры крещеной»); далее следуют инструментальные ценности, позволяющие достичь славы и чести — «сила», «смелость» («ярость»), «талан-участь» («удача»), «молитва доходна», «ум» («догадка», «сметка»), «неупадчивость». Наконец, необходимо включить в наш перечень различные проявления «сердца богатырского» («обида», «завид», «досада» и др.), которые мы также относим к инструментальным ценностям (по Аристотелю, «энергиям», *ἐνεργεῖαι*)

на том основании, что способность проявлять эти чувства обеспечивает богатырям прилив силы, смелости и других качеств, необходимых для достижения целей, связанных с предельными ценностями.

Очевидно, что основой эпического сюжета является поступок. Любой же осмысленный поступок героя связан, как правило, с актом предпочтения им той или иной цели, которая указывает на мотивирующую ценность и таким образом придает поступку смысл. Первый этап аксиологического анализа былин, предполагающий выявление ценностей, мотивирующих поступки эпических протагонистов (а также их противников и персонажей второго плана), позволил установить следующие закономерности.

В языке былин (в том числе в записях, сделанных от одного и того же сказителя) наименования ценностей (за исключением ряда недевальвируемых инструментальных ценностей [«энергий»]), используются для обозначения весьма различных по содержанию аксиологических концептов, предполагающих альтернативные варианты поступка и вызывающих взаимоисключающие варианты последствий для действующего лица.

Так, «славой», «славушкой великой» называется как личная слава героя, связанная с его именем (молва), так и общая (соборная) слава всего киевского богатырства, которая распространяется по миру и удерживает иноземных царей от попыток вторжения на Русь. Эти концепты не просто различны по своему содержанию, но прямо противоположны. Распространению соборной славы о богатырях способствуют лишь бескорыстные подвиги, предпринятые ради страдающего человека, то есть во славу Божию. Попытка же героя отнести подвиг на свой «личный счет» исключает распространение молвы о подвигах русского богатырства как такового, поскольку не внушает иноземным царям страх перед всеми киевскими витязями, понимаемыми в качестве некой «корпорации»: отдельного героя, обладающего личной славой, возможно привлечь на свою сторону (как это пытается сделать Калин-царь в отношении Ильи Муромца), нанять на службу (как это происходит с Дунаем и Василием Пьяницей), отвлечь

от служения интересам Киева (см. былинку о Потыке).

Словами «честь», «почести», «честь», «честь» певцы называют как личную честь героя (наследуемую, в том числе родовую, и добываемую), так и ценность, характеризующую некий «внешний» объект, который герою необходимо «держат в чести». Концепты вновь противоположны по своему содержанию: прибавление личной чести предполагает изъятие ценного имущества у другого, тогда как защита «честных» объектов осуществляется бескорыстно и допускает возможность добровольного «обмена» жизни героя на ценность защищаемой святыни.

Инструментальной ценностью, позволяющей достичь славы или чести, является богатырский дар («талан-участь») — у большинства героев это физическая сила, но также ценятся «ум-смётка», «ум-догадка», «молитва доходная», «неупадчивость», умение играть на гусях, «краса-баса» и др. При этом одни и те же слова — «талан», «удача», «сила» — обозначают в былинах противоположные по содержанию концепты: богатырский дар ценится либо как возможность (и личное право) получить «в обмен» на него разнообразные блага (добычу, «почести», личную славу), либо как «бремя» бескорыстного служения — святыне («честным» объектам) или страдающему человеку.

Для того чтобы «мобилизовать» богатырский дар и применить свою силу в полной мере (превышающей меру обычного человека), герою необходимо, чтобы его сердце «разгорелось». Таким образом, если богатырский талант является инструментальной ценностью («энергией») первого и наивысшего уровня, позволяющей достичь предельной, конечной ценности (славы или чести), то «богатырское сердце» есть «энергия» второго уровня, ориентированная на обладание инструментальной ценностью более высокого ранга — речь идет о силе или другом «талане».

Одно и то же словосочетание — «сердце богатырское» — в былинах обозначает принципиально различные по содержанию аксиологические концепты, образующие две пары взаимоисключающих в логическом плане понятий. Первую пару составляют, с одной сто-

роны, свойство богатырского сердца «разгораться» желанием личной славы, преступать запреты и мстить за бесславие, а с другой стороны — способность воспламениться сострадательной любовью к другому человеку. Вторую пару конкурирующих концептов образуют, во-первых, героический гнев, вызванный личным бесчестьем (то есть лишением ценного имущества и материально-знаковых благ), или же страстное желание увеличить личный «рейтинг» чести за счет ценной добычи, а во-вторых, героическая «ярость», вызванная попранием чести защищаемых объектов (святынь, Божьих установлений на земле), ценность которых для героя превышает цену его собственной жизни.

Таким образом, в результате аксиологического анализа русских былин установлено, что ценности, мотивирующие поступки их действующих лиц, не могут быть описаны как конгломерат разрозненных аксиологических концептов — концептов, отразивших исторические этапы живого бытования эпоса в различных социальных средах, — но как устойчивое взаимосвязанное единство, образованное двумя конкурирующими мировоззренческими моделями. Эти модели отличаются идентичной иерархической организацией; при сравнении ценностей, занимающих в них аналогичные иерархические позиции, становится очевидно, что для обозначения подобных парных ценностей былины используют одни и те же слова: «слава», «честь», «талан-участь», «сила», «сердце богатырское», «ярость» и др.

Одноименные парные ценностные категории в содержательном плане исключают друг друга и конкурируют в ценностном центре былинного героя. Совершая некий поступок, протагонисты, второстепенные персонажи, антагонисты русского героического эпоса выбирают одну из двух конкурирующих парных ценностей. В рамках каждой пары один из двух альтернативных концептов, будучи предпочтен героем и становясь тем самым аксиологической доминантой его ценностного центра, как правило, приводит к дурным для действующего лица последствиям, тогда как противоположная по содержанию ценность неизменно, за редчайшими исключениями, — к последствиям благоприятным.

Так, в рамках пары «слава личная — слава соборная» наблюдается следующая закономерность: поступки, ориентированные на личную славу, приводят к дурным последствиям; поступки же, ориентированные на соборную славу, — к благим. Соответственно, ценность личной славы в сознании слушателя неизменно девальвируется, а ценность соборной славы — укрепляется.

Для пары конкурирующих концептов «честь личная — честь другого» выявлен следующий закон: поступки, ориентированные на личную честь героя, приводят к дурным для него последствиям; действия же, направленные на воздаяние чести другому, с необходимостью имеют своим результатом благие для персонажа обстоятельства и события. Как можно видеть, девальвируемой ценностью является личная честь, а укрепляемой — честь другого (человека, объекта или установления).

Также является девальвируемой ценностью богатырского дара как личного права на добычу и славу: соответствующие действия акторов приводят к неблагоприятным для них последствиям. Напротив, конкурирующий концепт богатырского таланта как бремени бескорыстного служения относится к числу укрепляемых: поступки, вызванные таким пониманием природы и назначения богатырского дара, неизменно приводят к благим для актора последствиям.

«Разгарчивость» богатырского сердца желанием личной славы толкает героев былин на поступки, которые влекут за собой дурные события; следовательно, эта ценность относится к числу девальвируемых. Альтернативный концепт богатырского сердца как источника сострадательной любви, позволяющей совершать подвиги во славу Божию, следовательно укрепляется в былинах; соответствующие поступки акторов обеспечивают благие для них последствия.

Для следующей пары альтернативных концептов — героический гнев как жажда личной чести и героический гнев как ревнование о «честных» объектах — выявлена такая закономерность: гнев о личном бесчестии и жажда добычи мотивируют те поступки эпических персонажей, которые ведут к дурным для них событиям; напротив, гнев, вызван-

ный поруганием святынь и прочих объектов, обладающих «честью», позволяет героям совершать поступки с предсказуемыми благими последствиями.

Таким образом, девальвируемые ценности образуют трехуровневую иерархическую систему, в которой на вершине иерархии находятся: 1) предельная ценность личной славы и 2) предельная ценность личной чести («стоимость» обеих ценностей превышает цену жизни эпического героя).

Инструментальной ценностью высшего уровня, позволяющей герою достигать предельных ценностей и при этом сохранять свою жизнь, является богатырский дар, понимаемый как исключительно ценный «персональный актив», а именно — как потенция, как возможность «обмена» этого актива на личную славу или личную честь.

Инструментальной ценностью низшего уровня, позволяющей реализовать потенцию чудесного богатырского дара, является «сердце богатырское», понимаемое как способность переживать героический гнев (от бесславия, бесчестия) и героическую «похоть» личной славы и личной чести.

Укрепляемые ценности русского героического эпоса образуют аналогичную по структуре трехуровневую иерархическую систему, в которой на вершине иерархии находятся: 1) предельная ценность эпической соборной славы, понимаемой как молва о подвигах, совершаемых русскими богатырями бескорыстно во славу Божию, и 2) предельная ценность «честных» объектов (святынь, Божьих установлений на земле и др.). Как мы уже отмечали выше, эти обе ценности более важны, чем сама жизнь эпического героя.

В контексте укрепляемых аксиологических категорий русского эпоса инструментальной ценностью высшего уровня, позволяющей герою достигать предельных ценностей и при этом сохранять свою жизнь, является богатырский дар, понимаемый как потенция, миссия и судьба, как своего рода избранность к бескорыстному служению в интересах «внешних» объектов — страдающего человека и святынь.

Инструментальной ценностью низшего уровня, позволяющей реализовать потенцию

богатырского дара, является «сердце богатырское», понимаемое как способность переживать героический гнев от осознания ущербности, наносимого «честным» объектам, и как подвижническое желание приумножить соборную славу русского богатырства.

Присутствие в каждой паре конкурирующих аксиологических концептов девальвируемой и укрепляемой ценности указывает на то, что восприятие былин аутентичной аудиторией с высокой вероятностью предполагало деконструкцию картины мира, основанной на ценностях героического гнева, желания личной чести и личной славы. Как логично предположить, одновременно происходило утверждение картины мира, основанной на любви к страдающему человеку и ревнованию о чести «внешних» по отношению к герою (и слушателю) реалий: христианских святынь и Божьих установлений на земле, обладающих свойством «правды-истины».

Особо отметим, что состояние ценностного центра былинных героев динамично, изменчиво: в момент ценностного выбора доминируют одни аксиологические категории, однако после наступления последствий этого выбора они девальвируются или укрепляются. Элементарной единицей аксиологической структуры русской былины является, с нашей точки зрения, аксиологический мотив (аксиомотив): содержательный или сюжетный элемент, в котором при помощи причинно-следственной связи духовно-психологического характера скреплены в неразделимое целое мотивация героя, его поступок и закономерные с точки зрения эпического сознания последствия этого поступка [21]. Логическая, этическая, эстетическая взаимосвязь мотивации, действия и последствий этого действия вполне осознается певцом как смысл аксиомотива и таким образом закрепляется в памяти. Его границы в сюжете определены, с одной стороны, первичным состоянием ценностного центра героя и, с другой стороны, его результирующим (как правило, измененным) состоянием.

Большинство былинных героев переживает несколько (более одного) аксиологических «возрастов»; для каждого возраста характерна конкретная аксиологическая доми-

нанта и связанные с нею инструментальные ценности. В зависимости от характера смены аксиологических возрастов героя мы предлагаем выделить следующие типы былинных сюжетов:

а) Тип сюжета I «Преступление и наказание» (юность Добрыни и бой Добрыни с Ильей, первый и второй бой Добрыни со Змеем; Илья и Святогор, Илья Муромец и Сокольник, Михайло Потык, Алеша Попович и сестра Сбродовичей, Василий Игнатьевич, Константин Саульевич, «Камское побоище», Садко). В исходном¹ аксиологическом возрасте героя доминируют ценности личной славы и личной чести; после наступления неблагоприятных последствий поступка происходит изменение ценностного центра героя (преображение), и во втором, более позднем аксиологическом возрасте доминируют соборная слава и соборная честь. В этом случае ценности, значимые для первого аксиологического возраста, девальвируются как в ценностном центре героя, так и в ценностном центре слушателя.

б) Тип сюжета II «Преступление и казнь» (Василий Буслаев, Дунай Иванович, вариант былины про Святогора [протагонист погибает, пытаясь поднять «тягу земную»], Иван Годинович, Чурила, Сухман). В первом аксиологическом возрасте доминируют ценности личной славы и личной чести; после наступления неблагоприятных последствий поступка, совершенного героем, его ценностный центр не изменяется, а сам герой погибает или перестает быть героем. В этом случае ценности, доминировавшие в первом аксиологическом возрасте протагониста, девальвируются в сознании слушателя.

г) Тип сюжета III «Упорство в правде» (Микула Селянинович, Добрыня Никитич [«Добрыня и Маринка», старина про посольство Василия Казимировича, сюжет про сватовство Алеши к Настасье], Илья Муромец [«Три поездки Ильи Муромца», «Илья в ссоре с князем Владимиром», «Илья Муромец и Ка-

¹ Исходный аксиологический возраст не совпадает с детством, юностью героя, так как является исходным для конкретного сюжета, в котором герой может быть в самом начале былины дан слушателям в любом возрасте, в том числе, в преклонном.

лин царь»], Дюк Степанович, Михайло Данилович, Михайло Казарин, Бермята/Перемяк [«Чурила и Катерина»], Касьян [«Сорок калик со каликою»]). В первом аксиологическом возрасте доминируют ценности соборной славы и общей чести, герой претерпевает испытания, но сохраняет верность первоначальному ценностному выбору и торжествует; во втором аксиологическом возрасте изначально данные ценностные доминанты укрепляются как в ценностном центре героя, так и в ценностном центре слушателя.

д) Тип сюжета IV со смешанной мотивацией героя (царь Соломан, Хотен Блудович, Василиса Микулична в сюжете про Ставра). В первом аксиологическом возрасте героя один и тот же его поступок может быть мотивирован как ценностью личной славы, личной чести, так и — одновременно — ценностью страдающего человека или некоего «честного» объекта. В отношении названных аксиомотивов прослеживается закономерность: ценность личной славы и личной чести, мотивируя героя, может приводить к благим для него последствиям только в том случае, если к этой мотивации присоединяется ориентация на ценность страдающего человека или некоей христианской святыни.

Единственное исключение представляет сюжет о Волхе Всеславовиче, который невозможно отнести ни к одному из указанных выше типов.

Итак, ценности личной чести и личной славы являются исходными и девальвируемыми, а ценности соборной славы и общей чести — утверждаемыми, представляя при этом новацию для ценностного центра большинства героев. Это подтверждается, во-первых, тем, что в былинах весьма часто (а именно во всех сюжетах, относящихся к типам «Преступление и наказание», «Преступление и казнь») укрепление «курса» предельных ценностей соборной славы, общей чести, а также связанных с ними инструментальных ценностей, происходит следующим образом: действующее лицо сначала предпочитает альтернативные ценности, а затем переживает дурные последствия подобного выбора. Аксиомотивов такого рода в былинах обнаружено 119 (57 аксиомотивов, утверждающих

ценность соборной славы и 62 аксиомотива — соборной чести). Повторим еще раз: утверждение ценности соборной славы и соборной чести реализуется в русском эпосе не напрямую, но через отрицание альтернативных ценностей. Очевидно, что эти последние присущи герою и слушателю прежде того, как в их ценностном центре укрепятся альтернативные аксиологические категории.

В отношении сюжетов IV типа необходимо заметить, что ценности личной славы и личной чести приводят к благим для героя последствиям только в том случае, если они «легализованы» в русском эпическом сознании — благодаря тому, что поступок героя возможно также объяснить ориентацией на ценности соборной славы и общей чести. Таким образом, герою и слушателю предлагается дополнительный критерий оценки уже привычных им ценностей (а именно, личной славы и личной чести).

Как можно видеть, картина мира, в которой доминируют личная слава и личная честь является исходной, первичной для большинства героев русского эпоса. Реализация аксиомотивов в былинных сюжетах всех четырех типов приводит к тому, что в сознании слушателей происходит содержательное замещение понятий славы, чести, «талана-участи», силы, «сердца богатырского», «великой досады» и др. с сохранением наименований самих понятий и их иерархии. Так, концепт личной славы замещается концептом славы соборной, представление о личной чести — представлением о чести другого, ценность героического гнева (вызванного личным бесславием, бесчестьем или, напротив, жадной приращения личной славы и чести) девальвируется и замещается ценностью сердца, способного к сострадательной любви и бескорыстному ревнованию о чести христианских святынь.

Корректирующее воздействие эпического певца на ценностный центр слушателя приводит к результатам, общим для всего корпуса былинных записей, то есть носит закономерный характер, что выражается в следующем: имея представление о ценности, мотивирующей поступок, можно предсказать характер последствий этого поступка для героя (благоприятный или неблагоприятный). Представ-

ление о таких логических закономерностях, связывающих мотивацию действия с его последствиями, составляет суть эпического контекста — знания, которым располагают былинные певцы.

Ценности личной славы и личной чести в известных науке былинах девальвируются и никогда — кроме единственного сюжета о Волхе — не утверждаются, если действия героя не оправданы в глазах певца ценностью соборной славы и общей чести. Ценности соборной славы и общей чести во всех былинах укрепляются и никогда не подвергаются девальвации, независимо от среды бытования самих былин (крестьянской, каличьей, скомошьей, казачьей, монашеской и др.).

Единичный характер исключения из общих правил (сюжет о Волхе Всеславовиче) свидетельствует о том, что эпическое знание былинных сказителей — их представления о законах, связывающих мотивацию поступка с его последствиями, — не подверглось существенному изменению за все время бытования былин в рамках периода их научной фиксации. Более того, предпринятый анализ показывает, что в аксиологическом плане русский героический эпос не является конгломератом

противоречивых и дискретных разновременных смыслов, связанных с различными ценностями. Семантическое единство всего корпуса былин обеспечивается единством задачи, стоявшей перед певцами, которая заключалась в целенаправленной коррекции ценностного центра их аудитории. Таким образом, эпическое сознание русских представляет собой единую для подавляющего большинства сказителей картину мира, основанную на аксиологической доминанте страдающего человека и установленных Богом законов, предельной ценности соборной славы и «честных» объектов («стоимость» которых превышает цену человеческой жизни), а также инструментальной ценности Божьего дара как возможности бескорыстного служения.

Девальвируемая же в былинах картина мира в главных своих элементах соответствует осуждаемому в христианстве мировоззрению «ветхого человека», которое, согласно Отцам Церкви, свойственно не только язычникам, но может быть присуще человеку любого вероисповедания, в том числе принадлежащему к сообществу христиан, однако не исполняющему на деле заповеди Христа о любви к Богу и ближнему.

Arseny S. MIRONOV

Cand. Sci. (Journalism), Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Oblast, Russian Federation,
arsenymir@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4344-6489

Certain Results of an Axiological Analysis of the Russian Heroic Epic

Abstract. The research aims to form an idea of the value content of the Russian heroic folk epic based on the consequences of the actions folk heroes undertake. The research method is an axiological analysis, which examines the values motivating the hero, the deed he commits, and the consequences (positive or negative) of this deed. Russian folk epics – despite their variability and no well-established scholarly opinion on their content and conception – reveal characteristic integrity and coherence when given an axiological interpretation. The latter implies that the following elements should be analysed: the values that motivate the hero, his deed, and its consequences (positive or negative). In Russian bylinas, one can easily discern such value categories as fame (*slava*), honour (*chest'*), fortune–fate (*talán-uchast'*), strength (*sila*), knightly heart (*serdtse bogatyrskoe*), and anger (*gnev*). Each category implies two plot-accentuated invariants: positive and negative. For example, the word 'fame' (or the phrase 'great fame' (*slavushka velikaya*)) may indicate both personal fame (almost inevitably pernicious for the hero) and the so-called common fame of all Russian knights (*bogatyr*s), service to which enables the character to save his life and freedom. Analogically, the word 'honour' may imply

both personal material-symbolic 'honour' (i.e., valuable property, signs of public recognition, etc.) and 'honor' as related to some 'external' – from the hero's perspective – realities: sacred objects, religious institutions and principles. Based on the positive or negative consequences provoked by the hero's deed – the deed motivated by a certain variational value – this value is either strengthened or rejected. This regularity allows formulating an 'axiomotif' (a semantic or plot element, in which, via a cause-and-effect relationship of spiritual-psychological nature, the hero's motivation, his deed, and the natural – from the perspective of an epic consciousness – consequences of this very deed merge into an inseparable unity), classifying different bylina plots (the author suggests distinguishing four plot types), and generally describing the semantics of Russian folk epics. Given the fact that, in Russian bylinas, the rejected values are conditionally non-Christian (particularly, personal fame and personal honour – as compared with the categories of Kievan knights' common fame and the 'honour' of Orthodox sacred objects and principles, which are strengthened as bylina plots progress), it is only natural to assert that Russian epic poetry is profoundly Christian.

Keywords: bylinas, axiological analysis, ultimate values, instrumental values, motivation, deed, axiomotif, Christian worldview.

Использованная литература:

1. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982.
2. Алещенко Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008.
3. Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
5. Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб.: Имп. Акад. наук, 1887.
6. Вольга и Микула: [Былина] № 73 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. С. 5–11.
7. Воропаев В. А. Гоголь и монашество // Лепта. 1993. № 2. С. 123–143.
8. Гончаров С. А. Творчество Н. В. Гоголя и традиции учительской культуры. СПб.: Образование, 1992.
9. Данила Староильевич: [Былина] № 36 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 161–168.
10. Добрыня и Змей: [Былина] № 64 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. С. 475–488.
11. Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. С. 31–63.
12. Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. 1. М.: Христиан. лит., 1996.
13. Дюк Степанович и Чурила Пленкович: [Былина] № 145 // Былины: в 25 т. Т. 1. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. С. 616–620.

References:

1. Azbelev, S.N. (1982) *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of Bylinas and Specificity of Folklore]. Leningrad: Nauka.
2. Aleshchenko, E.I. (2008) *Etnoyazykovaya kartina mira v tekstakh russkogo fol'klora* [Ethnolinguistic Picture of the World in the Texts of Russian Folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
3. Anikin, V.P. (1980) *Teoriya fol'klornoy traditsii i ee znachenie dlya istoricheskogo issledovaniya bylin* [The Theory of Folklore Tradition and Its Significance for the Historical Study of Bylinas]. Moscow: Moscow State University.
4. Bakhtin, M.M. (2002) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 6–300.
5. Buslaev, F.I. (1887) *Narodnaya poeziya. Istoricheskie ocherki* [Folk Poetry. Historical Essays]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
6. Gil'ferding, A.F. (1896) *Vol'ga i Mikula: [Bylina] № 73* [Volga and Mikula: [Bylina] No. 73]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 5–11.
7. Voropaev, V.A. (1993) *Gogol' i monashestvo* [Gogol and Monasticism]. *Lepta*. 2. pp. 123–143.
8. Goncharov, S.A. (1992) *Tvorchestvo N.V. Gogolya i traditsii uchitel'skoy kul'tury* [N.V. Gogol's Works and the Traditions of Teacher Culture]. St. Petersburg: Obrazovanie.
9. [Onchukov, N.E.] (1904) *Danila Staroil'evich: [Bylina] № 36* [Danila Staroilevich: [Bylina] No. 36]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 161–168.
10. Gil'ferding, A.F. (1894) *Dobrynya i Zmey: [Bylina] № 64* [Dobrynya and the Serpent: [Bylina] No. 64]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871:

14. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.
15. Есаулов И. А. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы. Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 3–14.
16. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: КРУГЪ, 2004.
17. Иван Грозный: [Былина] № 49 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 204–209.
18. Илья Муромец и Соловей разбойник: [Былина] № 171 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. С. 612–621.
19. Император Петр: [Былина] № 95 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. С. 195–197.
20. Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М.: А. А. Левенсон, 1892.
21. Миронов А. С. Изменение ценностного центра героя как смысл былинного мотива // *Litera*. 2020. № 1. С. 75–93.
22. Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001.
23. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Советский писатель, 1987.
24. О двух братьях, двух Витниках, и князе Романе Дмитриевиче: [Былина] № 74 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861. С. 429–438.
25. Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М.: Высшая школа, 1962.
26. Поливанов Л. И. Русские народные былины. М.: Изд. Льва Поливанова (Типография Е. Г. Потапова), 1888.
27. Про Сокольника: [Былина] № 43 // Былины Печоры и Зимнего Берега (новые записи). М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 136–142.
28. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов: В. З. Яксанов, 1924.
29. Скопин: [Былина] № 60 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 251–254.
30. Ставер Годинович: [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 113–123.
31. Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XIII – первой трети XVIII века. Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009.
32. Федотовская О. А. Фольклорные традиции: ценностный и педагогический потенциал // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2014. № 2 (55). С. 105–109.
33. Царь Саул Леванидович («Царь Саул Леванидович поехал за море синяя...») // *Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым*. М.: Наука, 1977. С. 134–141.
34. Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2015.
- In 3 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 475–488.
11. Gil'ferding, A.F. (1894) Dobrynya Nikitich: [Bylina] № 5 [Dobrynya Nikitich: [Bylina] No. 5]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 31–63.
12. Dunaev, M.M. (1996) *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. Part 1. Moscow: Khristian. lit.
13. Gorelov, A.A. (ed.) (2001) Dyuk Stepanovich i Churila Plenkovich: [Bylina] № 145 [Dyuk Stepanovich and Churila Plenkovich: [Bylina] No. 145]. In: *Byliny: v 25 t.* [Bylinas: In 25 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. pp. 616–620.
14. Esaulov, I.A. (1995) *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [Category of Conciliarity in Russian Literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
15. Esaulov, I.A. (2007) *Novye kategorii filologicheskogo analiza dlya ponimaniya sushchnosti russkoy literatury* [New Categories of Philological Analysis for Understanding the Essence of Russian Literature]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 21. pp. 3–14.
16. Esaulov, I.A. (2004) *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paschality of Russian Literature]. Moscow: KRUG'".
17. [Onchukov, N.E.] (1904) Ivan Groznyy: [Bylina] № 49 [Ivan the Terrible: [Bylina] No. 49]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 204–209.
18. Gil'ferding, A.F. (1896) Il'ya Muromets i Solovey razboynik: [Bylina] № 171 [Ilya Muromets and Nightingale the Robber [Bylina] No. 171]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 612–621.
19. Gil'ferding, A.F. (1896) Imperator Petr: [Bylina] № 95 [Emperor Peter: [Bylina] No. 95]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 195–197.
20. Miller, V.F. (1892) *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa* [Excursions Into the Russian Folk Epic]. Moscow: A. A. Levenson.
21. Mironov, A.S. (2020) Change in the Character's Value Focus as the Concept of Theme of an Epic Poem. *Litera*. 1. pp. 75–93. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-8698.2020.1.32154
22. Nepomnyashchiy, V.S. (2001) *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the Descendants of the Orthodox People Know. Pushkin. Russia. We]. Moscow: Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy Velikoy Knyagini Elizavety.
23. Nepomnyashchiy, V.S. (1987) *Poeziya i sud'ba: Nad stranitsami dukhovnoy biografii Pushkina* [Poetry and Fate: Over the Pages of Pushkin's Spiritual Biography]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
24. Rybnikov, P.N. (1861) O dvukh brat'yakh, dvukh Vitnikakh, i knyaze Romane Dmitrieviche: [Bylina] № 74 [On Two Brothers, Two Vitniks, and Prince Roman Dmitrievich: [Bylina] No. 74]. In: *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym* [Songs Collected by P. N. Rybnikov]. Part I. Moscow: Tip. A. Semena. pp. 429–438.

35. Честь [Электронный ресурс] // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/375190> (дата обращения: 16.07.21).
36. Чурила: [Былина] № 35 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 1. СПб.: тип. Акад. наук, 1894. С. 236–241.
37. Lord A. B. *The Singer of Tales*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.
25. Plisetskiy, M.M. (1962) *Istorizm russkikh bylin* [Historicism of Russian Bylinas]. Moscow: Vysshaya shkola.
26. Polivanov, L.I. (1888) *Russkie narodnye byliny* [Russian Folk Bylinas]. Moscow: Izd. L'va Po-livanova (Tipografiya E. G. Potapova).
27. Astakhova, A.M. et al. (1961) Pro Sokol'nika: [Bylina] № 43 [On Falkoner: [Bylina] No. 43]. In: *Byliny Pechory i Zimnego Berega (novye zapisi)* [Bylinas of the Pechora and the Winter Coast (New Records)]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 136–142.
28. Skaftymov, A.P. (1924) *Poetika i genezis bylin: Ocherki* [Poetics and Genesis of Bylinas: Essays]. Moscow; Saratov: V.Z. Yaksanov.
29. [Onchukov, N.E.] (1904) Skopin: [Bylina] № 60 [Skopin: [Bylina] No. 60]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 251–254.
30. [Onchukov, N.E.] (1904) Staver Godinovich: [Bylina] № 23 [Staver Godinovich: [Bylina] No. 23]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 113–123.
31. Uzhankov, A.N. (2009) *O spetsifike razvitiya russkoy literatury XIII – pervoy treti XVIII veka. Stadii i formatsii* [On the Specificity of Russian Literature Development in the 13th – First Third of the 18th Centuries. Stages and Formations]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
32. Fedotovskaya, O.A. (2014) Fol'klornye traditsii: tsennostnyy i pedagogicheskiy potentsial [Folklore Traditions: Value and Pedagogical Potential]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (55). pp. 105–109.
33. Danilov, K. (1997) Tsar' Saul Levanidovich ("Tsar' Saul Levanidovich poekhal za more sineya...") [Tsar Saul Levanidovich ("Tsar Saul Levanidovich Went Over the Blue Sea...")]. In: *Drevnie Rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshayu Danilovym* [Old Russian Poetry Collected by Kirsha Danilov]. Moscow: Nauka. pp. 134–141.
34. Chernousova, I.P. (2015) *Yazyk fol'klora kak otrazhenie etnicheskoy mental'nosti (na materialakh fol'klornoy kontseptosfery russkoy volshebnoy skazki i byliny)* [Language of Folklore as a Reflection of Ethnic Mentality (Based on the Material of the Folklore Concept Sphere of the Russian Fairy Tale and Epic)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yelets.
35. Dal', V.I. (2021) Chest' [Honour]. In: *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/375190> (Accessed: 16.07.21).
36. Gil'ferding, A.F. (1894) Churila: [Bylina] № 35 [Churila: [Bylina] No. 35]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 236–241.
37. Lord, A.B. (1960) *The Singer of Tales*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Миронов, А. С. Некоторые результаты аксиологического анализа русского героического эпоса / А. С. Миронов // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 64–75. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.005

Full bibliographic reference to the article:

Mironov, A.S. (2021) Certain Results of an Axiological Analysis of the Russian Heroic Epic. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 64–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.005

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

УСМАНОВА Аделия Рустямовна

кандидат искусствоведения,
декан, старший преподаватель
кафедры теории и истории музыки
Астраханской государственной консерватории,
Астрахань, Российская Федерация

Adeliia R. USMANOVA

Cand. Sci. (Musical Art)
Astrakhan State Conservatory,
Astrakhan, Russian Federation,
adeliakult@gmail.com

УДК 398.8:[159.923.2:321.111] (=512.145) (=512.123)
ГРНТИ 03.61.91
ВАК 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.006

**Музыкальный фольклор
юртовских татар и ногайцев-
карагашей Астраханской области
как маркер этнокультурной
идентичности**

**Musical Folklore of the Yurt Tatars
and the Nogai-Karagash
of Astrakhan Oblast as a Marker
of Ethnocultural Identity**

Основная проблема исследования: анализ влияния общих и особенных жанровых и стилевых характеристик этномызыкального наследия юртовских татар и ногайцев-карагашей на этнокультурную идентичность этих народов. Автором использованы собственные полевые данные и материалы, собиравшиеся на протяжении последних десятилетий исследователями культуры народов Нижнего Поволжья, а также результаты исследований этномыкологов, этнографов, этнологов, лингвистов и литературоведов. Раскрыты этноисторические аспекты изучаемой проблемы, проведены этномыкологические изыскания. Установлено, что общие моменты в музыкальной культуре изучаемых народов и проявляющиеся на собственно жанровом, музыкально-лексическом и исполнительском уровнях, выступают в качестве этнообъе-

диняющего признака, возникшего в ходе тесного межэтнического взаимодействия. Локальные же образцы произведений, их сюжеты и содержание носят уникальный характер для каждой рассмотренной этнической группы, выполняя этнодифференцирующую роль.

Ключевые слова: этномузыкология, идентичность, контактная зона, примордиализм, конструктивизм, Нижнее Поволжье, взаимодействие культур, юртовские татары, ногайцы-карагаши, музыкально-структурные параметры.

Необходимость укрепления российской гражданской идентичности приобретает в настоящее время особое значение на фоне нарастающего усложнения социокультурных условий, появления новых факторов общественного развития, актуализации различных вызовов, требующих от российского социума взвешенных и эффективных решений. Именно сплочение общества на основе гражданского самосознания является залогом устойчивого и успешного развития, при этом движущие силы такой консолидации могут формироваться в разных сферах общественной жизни, в том числе и в этнокультурном пространстве. Взаимодействие различных этнических культур, будучи направлено на достижение гуманистических целей и идеалов, несет в себе солидарный и объединительный потенциал.

Познание культуры других народов не только укрепляет взаимное уважение представителей различных этносов друг к другу, но и заставляет их по-новому взглянуть на свою собственную культуру, углубить и обогатить знания о ней, убедиться в сходстве, родстве или общности элементов культуры у многих народов России. Поэтому научное изучение этнических традиций, бытующих в различных сферах общественной практики, их сравнительный анализ, популяризация результатов этих исследований очень важны в аспекте межэтнической консолидации и формирования общегражданской идентичности. Определенную важность в данном аспекте представляют и этномузыкологические исследования.

В этномузыкологии, как отечественной, так и зарубежной, достаточно убедительных примеров, когда жанрово-стилевые признаки, музыкально-стилевые доминанты локальных традиций выступают в качестве средств этнической идентичности. Они же позволяют проследить многовековые традиции, историко-

культурные наслоения, межэтнические связи, особенно характерные для контактных полиэтнических зон.

В этом плане актуально высказывание петербургского исследователя Н. Ю. Альмеевой, которая справедливо отмечает следующее. «Сегодня, когда этномузыкология показала, что у нее есть свой путь в аргументации исторических корней и межэтнических связей во времени и пространстве, следовать буквально выводам историков, механически перенося их выводы на наш материал, не производя при этом аналитическую работу этномузыколога, будет уже некорректно. Опираясь на данные, а также на понятия исторических наук, не стоит уходить от музыки как предмета изучения и от музыковедческих аргументов» [1, с. 103], нужно понимать важность этномузыкологии как инструмента познания этнической культуры.

Неоценимый вклад в развитие музыкальной фольклористики и раскрытие феномена идентичности устной музыкальной традиции внесли этномузыкологи, преемники позиций И. И. Земцовского, сотрудники Российского института истории искусств.

Так, Н. Ю. Альмеева, специалист по этноконфессиональной группе татарского этноса — татар-кряшен, в своих работах доказывает, что «музыкально-структурные параметры традиционного пения способные показать родство этносов» [2, с. 161].

Исследователь туркменской обрядовой и музыкальной традиций Н. Н. Глазунова отмечает, что фольклор занимает особое место «как центральная зона культурной традиции, как квинтэссенция опыта жизни людей, философии, культуры, духовных ценностей, сосуществования и выживания в разных исторических условиях, как своеобразный маркер этнокультурной идентичности» [15, с. 4].

В народной традиции, по мнению А. В. Ромодина, «обнаруживаются разнообразные идентичности, например, возрастные, гендерные, групповые, диалектные, локальные, национальные...» [23, с. 36].

У астраханских этномузыкологов также есть опыт обращения к музыкальному фольклору в контексте этнической истории [29] [30]. В частности, М. Г. Хрущева определяет единство и целостность фольклора сложившейся художественной системой и рассматривает удмуртский фольклор «в контексте художественного сознания этноса» [30] [31].

Таким образом, накопленный исследовательский опыт позволяет с определенной уверенностью обращаться к образцам традиционного музыкального творчества как к маркерам этнической идентичности, однако следует отметить, что попыток выявления общих элементов музыкальной культуры народов Нижнего Поволжья в аспекте отражения их общности на уровне этнокультурных контактов и этнического самосознания до сих пор предпринято не было.

Данное исследование предполагает раскрытие общих и особенных жанровых и стилистических характеристик этномузыкальных традиций юртовских татар и ногайцев-карагашей — народов, схожих в этноязыковом отношении, и анализ влияния упомянутых общих признаков на этнокультурную идентичность этих народов.

Реализация исследовательского замысла опирается на широкий круг материалов, среди которых следует выделить полевые данные, собиравшиеся на протяжении последних десятилетий исследователями традиционной культуры народов Нижнего Поволжья [9] [12] [13] [14]. Немалую роль сыграли и полевые данные, собранные автором в 1997–1998 гг. в Астрахани и населенных пунктах, традиционно считающихся селами юртовских татар (с. Татарская Башмаковка, с. Три Протока, с. Кулаковка, с. Килинчи, с. Осыпной Бугор) [22] [29].

Феномен идентичности является объектом внимания в различных гуманитарных науках. В истории, этнологии, социологии термин «идентичность» связан со следующими теоретическими направлениями: примордиализм (в котором этнос понимается как объективная

данность, а родовая идентичность подчеркивается на основе этнокультурных признаков) и конструктивизм (в котором этнос выступает как «пример вообразяемого сообщества») [8, с. 7] [10, с. 58].

До 1990-х гг. примордиалистское направление, яркими представителями которого принято считать Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея, было единственным. В рамках второго направления — конструктивизма — «этничность предстает как вымышленный конструкт, поскольку коренится в мифах, ценностях, символах, создаваемых обществом и постоянно меняющихся» [16, с. 105]. Сторонником такой трактовки предмета науки считают прежде всего В. А. Тишкова, который в статье «От этноса к этничности и после» рассматривает обращение к феномену этничности в различных дисциплинах: антропологии и этнологии, археологии, истории, социологии, философии, культурологии, политологии и философии, педагогике, отмечая, что «этническая проблематика, выходящая за рамки биологии, требует синтеза знаний многих научных дисциплин» [28, с. 16].

В этом замечательном перечне наук не встречается музыкальная фольклористика, в то время как ведущие этномузыкологи рассматривают музыку устной традиции различных этносов в контексте этногенеза. Так, подчеркивая необходимость комплексности изучения этногенеза, И. И. Земцовский при выявлении тех или иных этнических связей в качестве необходимого компонента выделяет музыку наравне с историей, археологией, этнографией, антропологией. И в данном случае в качестве «исторических источников», смыслового явления выступает «звуковая материя», музыкальная интонация. Музыкальные формулы с характерными ладовыми, ритмическими компонентами формируются в «музыкально-фольклорные типы» [17].

Таким образом, в контексте изложенного оптимальной методологической основой для исследования служит подход, базирующийся на конструктивистских установках, где этническая идентичность предстает конструктом, на формирование которого оказывают свое влияние многочисленные факторы, в том числе и традиционная музыкальная культура.

Степень этого влияния представляется достаточно весомой для того, чтобы эта культура служила маркером этнического самосознания.

Другим основанием избранной методологии, непосредственно относящимся к объективной составляющей изучаемой проблемы, служит транскультурный диффузионизм, характеризующий развитие культуры как результат заимствований, производящихся данным народом у других.

В силу сложности избранной для изучения проблемы комплекс конкретных методов исследования включал в себя как инструменты, применяемые в этноисторических исследованиях (сравнительно-исторический метод в его историко-диффузионном преломлении, а также метод исторической реконструкции), этномузыкологии (методы структурного и стиливого анализа народной музыки, ареальный метод изучения традиций устной музыкальной культуры), так и ряд практических приемов, характерных для полевых изысканий (интервью, наблюдение и т.д.).

В структурном отношении исследование состоит из двух последовательных этапов: на первом из них раскрываются этноисторические аспекты изучаемой проблемы, на втором — проводятся этномузыкологические изыскания. На завершающей стадии исследования будет определен характер влияния межкультурного взаимодействия в сфере традиционного музыкального творчества на этническую идентичность представителей двух изучаемых народов.

Музыкальный фольклор, неразрывно связанный как с этнической историей, так и отражающий межэтнические и этнокультурные связи и взаимовлияния того или иного региона, выступает в качестве мощной верифицирующей базы, объясняющей многие факты в историко-культурном развитии этноса.

Особенно актуальным данный довод представляется в сложных контактных зонах с полиэтничным населением, основные массивы которых представлены в регионах России, а также в ближнем зарубежье.

Нижнее Поволжье и, в частности, Астраханский край — полиэтничный регион со своей многослойной этнокультурной историей, заселение которого началось еще в древно-

сти, включает в себя фольклорные традиции разных этнических групп, переплетающихся на протяжении столетий. В XVI в. в левобережье Волги русским населением (стрельцами и донскими казаками) была основана Астрахань. К этому же периоду относится освоение степных пространств юртовскими татарами и с XVII в. — калмыками. Юртовские татары, наименование которых происходит от термина «*gurt*», проживавшие в поселениях [13, с. 3], впервые были зафиксированы в XVI в. англичанином Кристофером Бэрроу [3, с. 46] и, в силу данного факта, относятся к наиболее ранним по возникновению.

Далее с XVII в. на астраханской земле происходит заселение волго-уральскими татарами-переселенцами и начинают кочевать туркмены и ногайцы-карагаши. В частности, массовое появление туркмен связано с миграцией туркменских племен на Северный Кавказ. А ногайцы-карагаши поселились в Красноярском уезде Астраханской губернии после миграции с Кубани. С 1801 по 1803 гг., после разрешения императора Павла I, длилось переселение казахов в междуречье р. Волги и р. Урала [4] [6] [7] [11] [12] [13] [26] — потомков казахов Букеевской, или Внутренней Орды.

Тесному взаимодействию и развитию региональных связей способствовали совместные перекочевки, полукочевой образ жизни, миграционные процессы. Межэтнические связи и отношения были отмечены исследователями XIX в. В частности, П. И. Небольсин отмечал близость обычаев туркмен и ногайцев-карагашей [20, с. 51]. Взаимодействие в этнокультурном и хозяйственном плане происходило на протяжении веков и продолжилось в XX в. Житель села Фунтово Астраханской области, поэт, краевед Ш. У. Таганиязов писал о том, что определенная часть туркмен човдурских племен растворилась среди ногайцев Кавказа, ногайцев-утаров, юртовских ногайцев [27, с. 3]. Полукочевой образ жизни способствовал контактам туркмен с ногайцами-карагашами [7, с. 12] [13]. Тесное переплетение истории и культуры астраханских ногайцев и казахов восходит к 1801 г., после присоединения к России Букеевской орды. Историческое взаимодействие ногайцев с астрахан-

скими татарами отмечалось Р.Х. Керейтовым [18, с. 96].

Не менее тесными оказались связи юртовских татар со средневожскими татарами-переселенцами. В XVIII в. С.Г. Гмелин писал об «астраханских мещанах», обосновавшихся в городском районе «махалля». Из переселенцев Казанской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Рязанской губерний формировалось городское население татар (См. [5]). Юртовские татары испытывали их влияние в бытовой сфере, а средневожские — влияние юртовцев в хозяйственной деятельности и культуре.

Взаимовлияние происходило не только на уровне языковой и бытовой сфер, хозяйственной деятельности, но и в области духовной культуры. Об этом свидетельствуют как вокально-музыкальные жанры, так и пласт инструментального фольклора, выявляющие общие признаки для юртовских татар и ногайцев-карагашей. Жанрово-стилистические признаки выступают в качестве верификационной базы при выявлении закономерностей развития культурного процесса, подводят к определению Астраханской области как «историко-культурной зоны» (ИКЗ) (определение В.А. Лапина). Для подобного ареала характерно сочетание и утверждение воспринятых устойчивых традиций в качестве «своих» [19, с. 36].

В этом контексте становится понятной позиция исследователей-философов, допускающих, что «понятие идентичности акцентирует внимание на возможностях и условиях самоопределения человека, которое осуществляется в процессе взаимодействия с возрастающим множеством разнообразных социальных общностей, причастность к которым уже не рассматривается как прирожденная или жестко предписанная» [24, с. 63].

Обобщенное употребление до XX в. термина «татары» применительно к различным этническим группам, проживающим на территории региона, внесло определенные коррективы в их самоопределение. Так, в источниках XVI–XIX вв. юртовских татар называли «ногаи», «татары», «ногайские татары», а татарами — ногайцев, туркмен, казахов; ногайцев-карагашей также называли «кун-

дровскими татарами» [26, с. 23]. И если позже туркмены и казахи четко осознали свою причастность к этносам основных массивов расселения, то юртовские татары и ногайцы-карагаши подошли к проблеме самоидентификации лишь в третьей четверти XX в. С началом процесса становления национального самосознания в конце 1980-х гг. карагаши стали себя называть либо ногайцами — *ногайлар*, либо карагашами — *карагашлар*. Таким образом, можно предположить, что процесс формирования этнической идентичности, сопровождающийся осознанием своей принадлежности к определенному этносу у юртовских татар и ногайцев-карагашей ведет свое начало с 1980-х гг. Отметим, что если ногайцы-карагаши в настоящее время четко осознают свою принадлежность к ногайскому этносу (во многом благодаря деятельности созданного в 1991 г. ногайского общества «Бирлик» и в 2003 г. молодежного центра ногайской культуры «Эдиге»), то процесс самоидентификации у юртовских татар продолжается в настоящее время.

Еще более сложным элементом является этническое самосознание, которое выражается в выборе своего этнонима. Так, часть юртовских татар, жители сел Татарская Башмаковка, Яксатово, Три Протока называют себя «нугаями» либо ногайскими татарами. Ногайцы-карагаши определяются как ногайцы — «*ногайлар*». Средневожские татары-переселенцы продолжают осознавать свою принадлежность к татарскому этносу, несмотря на продолжительную длительность проживания в юртовских селах. К примеру, при опросе в процессе полевых экспедиций обрядовых (похоронно-поминальных) действий они отрицали некоторые из них: «*ул нугайларда шундый гэдэт бар, бездэ юк*» («этот обряд есть у ногайцев, у нас нет») [22].

Суммируя вышеизложенное, подчеркнем, что юртовские татары, ногайцы-карагаши, средневожские татары при их этнокультурных контактах и взаимодействии (что отражается в том числе и в жанровых признаках музыкального фольклора) четко осознают собственные этнокультурные и этнические особенности, сохраняя свои языковые диалекты.

В частности, хотелось бы остановиться на двух уникальных жанрах, бытующих одновременно у юртовцев и карагашей: эпическом жанре «хушаваз» и инструментальном жанре «разговора на саратовской гармонике» — «сазда сойлэшу» («разговор на сазе»).

Хушаваз / кошаваз («приятный голос») — повествовательный жанр, «художественное поэтическое эссе» [14, с. 16]. Кроме юртовских татар он не характерен более ни для одной этнической / этноконфессиональной группы татар, что, казалось бы, дает возможность выделить его в качестве уникального и локального. Однако его бытование в традиции ногайцев-карагашей придает ему характеристики художественного явления, имеющего ареальное распространение.

Произведения этого жанра являются неотъемлемой частью праздников семейно-бытового цикла и характеризуются мужским исполнением с сопровождением на кобызе (в ранней традиции), позже на домбре, ситуативностью, сказительством. Бытование хушаваса сразу у двух групп, контактирующих и взаимодействующих между собой на протяжении столетий, позволяет выдвинуть его в качестве примера «фольклорного двуязычия» (категория В. А. Лапина), которое формирует на территории региона специфическую фольклорную среду [19, с. 30].

Общность проявляется на уровнях жанра, музыкальной лексики (стилистических средств) и исполнительства. Так, в обеих традициях в образцах хушаваса чаще встречаются лады минорного наклонения (иногда с фригийской ступенью в конце фразы), восходящий интонационно скачок и его нисходящее заполнение, минимальное количество слого-распевов [14, с. 22]. Из стабильных компонентов выделим восходящие терцовые (б.3, м.3), квартовые и квинтовые интоны.

При этом каждая из этнических групп сохраняет свою сюжетную и содержательную специфику. Так, исследователем Р. С. Бикановой в 1990-е гг. были зафиксированы более десяти вариантов ногайских текстов и напевов хушавазов разной тематики [9].

Наши экспедиционные данные середины 90-х гг. XX в. выявили общие жанры, объединяющие юртовских татар и ногайцев-карагашей,

и в музыкально-инструментальном фольклорном пласте. В частности, таким ареальным уникальным жанром можно считать «разговор на саратовской гармонике» (сазе) — *сазда сойлэшу*.

В Астраханском крае жанр «разговора» в татарской традиции впервые был зафиксирован во второй половине XX в. средневожским фольклористом-исследователем М. Н. Нигмедзяновым. В частности, он отмечал «что определенные мелодико-ритмические формулы выражают конкретный смысл, конкретные слова, понятные жителям какого-либо населенного пункта, членам одной семьи или даже только двум-трем людям» [21, с. 117]. Наши экспедиционные данные показывают, что «разговор» служил своеобразным способом общения для юношей и девушек, открытые встречи которых не поощрялись.

Специфика инструментальной музыки в юртовской и ногайско-карагашской традиции обусловлена особенностями обрядовой культуры. Упоминания о саратовской гармонике возникли позже, чем о кобызе и домбре, они встречаются у путешественников XIX в. в связи со свадебными церемониями у юртовских татар. В этой народной традиции долгое время сохранялись целые инструментально-хореографические комплексы. Позже, в XX в. саратовская гармоника укрепилась также в культуре астраханских туркмен с. Фунтово, казахов с. Семибугры.

Ногайцы также считают гармонику своим инструментом, называя ее «ногайской гармошкой». Так, исследователи из Черкесска М. К. Султанбекова и М. М. Джазова, изучая роман Б. Абдуллина «В плену богатства», созданный в 1934 г., отмечают особую роль этого инструмента: «Ногайская девушка по-своему играет на гармошке, она на ней сыграет то, что не может сказать словами, она похвалит своего друга и поругает недруга. На всем белом свете только ногайки могут так общаться с музыкой. Поэтому отец девушки покупал ей гармошку еще в раннем детстве. Когда ее сватали, жених тоже дарил гармошку» [25, с. 341].

Такая трактовка саратовской гармоники — в качестве средства выражения «языка формульного мышления» (термин И. И. Земцовского), с помощью которого происходило

общение,— совпадает с экспедиционными данными, собранными автором статьи в селах юртовских татар (с. Татарская Башмаковка, с. Три Протока, с. Килинчи, с. Осыпной Бугор). Скорее всего, отсюда и возникло название жанра «разговор на сазе». Кроме того, согласно воспоминаниям старожилов с. Три Протока Приволжского района Ажимбая Басыровича Губайдуллаева и Майсары Хакимовны Умеровой, с помощью «разговора» могли общаться не только юноши и девушки, подруги, но и соседи, сельчане, проживающие на разных улицах.

В конце прошлого столетия этномузыковедом Р. С. Бикановой от карагашских исполнителей «разговора» были получены свадебные приуроченные образцы *сазда сойлэшу* [9, с. 56]. Например, связанные с праздничным настроением сватов: «*Кодалар заркылма кий*»; с разговором подружек невесты: «*Кызлардан тойда монгланып, сазбан ойнап сойлеген кий*» («На девичьей свадьбе душевных посиделок наигрыш») [9, с. 56]. Эти образцы, несмотря на общность жанра, отличаются от юртовских и демонстрируют жанрово-стилистическую локальность и уникальность.

Объединяющими для обеих традиций являются мелодические формулы гемитонной основы, скачковые восходящие интонемы в объеме сексты и квинты, постепенно заполняющиеся нисходящим движением. В ладовой организации отметим автономность соотношения двух опорных тонов: основного и лежащего на секунду выше неустоя.

Юртовские и ногайско-карагашские инструментальные наигрыши не имеют песенного источника, могут быть как приуроченными, так и неприуроченными, они объединены уникальным жанром *сазда сойлэшу*. При этом отметим преобладающую в инструментальном исполнении как юртовских, так и карагашских исполнителей импровизационность, обеспечивающую определенную систему «высказывания, ограниченную порождающими ее моделями, но не препятствующую переходу из одной модели в другую» [31, с. 79].

В стилистическом плане характерны следующие доминантные признаки: типовые мелодические формулы-интонемы, узкообъемность амбигуса, устойчивые ритмоформу-

лы. В ладовой организации — преобладание гемитонных (диатонических) структур.

В тоже время у каждой из групп сохраняются свои локальные образцы, объединяющие их с основным массивом этноса.

Сравнительный анализ жанров музыкального фольклора юртовских татар и ногайцев-карагашей, как вокального, так и инструментального пластов, показал, что общие моменты, присутствующие в них и проявляющиеся на собственно жанровом, музыкально-лексическом и исполнительском уровнях, имеют непосредственное отношение к этнической идентичности этих народов, выступая в качестве этнообъединяющего признака, возникшего в ходе тесного межэтнического взаимодействия. Универсальность музыки как вида искусства позволяет ей выступать в качестве основы этнической коммуникации, что может объяснить многочисленность взаимных музыкальных заимствований у этносов, живущих в непосредственной близости друг от друга. В то же время ряд выявленных особенностей музыкального фольклора свидетельствует о том, что локальные образцы произведений, их сюжеты и содержание в традиционном наследии каждой рассматриваемой этнической группы все же зачастую носят уникальный характер, играя таким образом этнодифференцирующую роль.

Вместе с тем установленное наличие общности жанров и стилей позволяет утверждать, что эта общность — одна из элементов, формирующих региональную традиционную музыкальную культуру, а сами фольклорные произведения являются превосходными образцами устного творчества, которые обогащают сокровищницу нематериального культурного наследия народов России.

Основная идея исследования заключалась в том, чтобы впервые выявить и проанализировать влияние схожих компонентов этнической культуры двух родственных в языковом отношении народов на их этническую идентичность. Рассмотрение жанров музыкального фольклора юртовских татар и ногайцев-карагашей, как вокального, так и инструментального пластов, позволило выявить жанрово-стилевые общие признаки, бытующие при сохранении своих локальных,

обнаружить универсалии регионального стиля музыкально-фольклорной традиции, расширить научные представления о феномене «фольклорного двуязычия», межкультурной интеграции на примере такой сложной контактной зоны, какой является регион Нижнего Поволжья.

В заключение следует отметить, что анализ музыкальной культуры устной традиции в аспекте ее влияния на формирование этнической идентичности (особенно в таком поли-

этническом регионе, как Астраханская область) представляет собой весьма перспективное предметное поле для будущих исследований. В частности, продолжение изучения рассмотренной проблемы возможно в направлении поиска общих стилевых и жанровых элементов в музыкальном наследии других проживающих в регионе этносов, что будет, кроме того, способствовать построению общей модели региональной традиционной музыкальной культуры.

Adeliia R. USMANOVA

Cand. Sci. (Musical Art),
Astrakhan State Conservatory,
Astrakhan, Russian Federation,
adeliakult@gmail.com

Musical Folklore of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash of Astrakhan Oblast as a Marker of Ethnocultural Identity

Abstract. The study aims to describe the common and unique genre and style characteristics of the ethnomusical heritage of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash, peoples similar in ethnolinguistic terms, and to analyse the influence of these common characteristics on their ethnocultural identity. The basis for the research was the field materials collected over the past decades by researchers of the traditional culture of the peoples of the Lower Volga region and the results of research by ethnomusicologists, ethnographers, ethnologists, linguists, and literary scholars. Of great importance are the field data the author collected in Astrakhan and in settlements previously traditionally considered villages of the Yurt Tatars. The methodological basis is an approach within a constructivist framework where ethnic identity is seen as a construct formed under the influence of numerous factors, including traditional musical culture. Another methodological basis directly related to the objective component of the problem under study is transcultural diffusionism. The research consists of two successive stages: the first reveals the ethnohistorical aspects of the problem, the second presents the ethnomusicological research. At the first stage, the author (1) reconstructs the process of settling the Lower Volga region from the Middle Ages to the beginning of the 19th century, (2) reveals the features of contacts between the ethnic groups inhabiting the region, (3) determines the features of the peoples' ethnic self-identification, which intensively developed in the last quarter of the 20th century, and (4) identifies the modern level of the development of the ethnic identity of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash. At the second stage, the author carries out ethnomusicological analysis of two genres characteristic of both the Yurts Tatars and the Nogai-Karagash: the epic khushavaz and the instrumental sazda soyleshu genres. The comparative analysis of the genres shows that the common features at the genre, musical-lexical and performing levels are directly related to the ethnic identity of these peoples and are ethno-uniting features that developed during close interethnic interaction. Local samples of works, their plots and content are often unique for each ethnic group and thus play an ethno-differentiating role.

Keywords: ethnomusicology, identity, contact zone, primordialism, constructivism, Lower Volga Region, interaction of cultures, Yurt Tatars, Nogai-Karagash, musical and structural parameters.

Использованная литература:

1. Альмеева Н. Ю. Татарский музыкальный фольклор: аспекты этнической идентичности // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 97–110.
2. Альмеева Н. Ю. Финно-угры, тюрки: вопросы этнической идентичности фольклорных мелодий в Волго-Камском регионе // Культура, искусство: ежегодник финно-угорских исследований. Т. 11. Вып. 2. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2017. С. 161–168.
3. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю. В. Готье. М.: Соцэкгиз, 1937.
4. Арсланов Л. Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя. Набережные Челны: Камаз, 1995.
5. Арсланов Л. Ш. Язык карагашей-ногайцев Астраханской области (Грамматический очерк. Тексты и переводы. Словарь). Набережные Челны: Изд-во Елабужского гос. пед. ун-та, 1992.
6. Астраханские казахи. История и современность. Астрахань: Волга, 2000.
7. Астраханские туркмены: история и современность / сост. и отв. ред. А. В. Сызранов. Астрахань: Новая линия, 2012.
8. Байбурин А. К. Этническая идентичность и конструирование категории «национальность» // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 7–16.
9. Биканова Р. С. Музыкальный фольклор астраханских ногайцев-карагашей (музыкально-этнографический аспект): дипломная работа. Астрахань: Астраханская гос. консерватория, 1998.
10. Бухаева А. О концепциях национальной идентичности // Адам элэми – Мир человека. 2005. № 3. С. 50–68.
11. Викторин В. М. Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству) // Материалы IV краеведческой конференции / отв. ред. Е. В. Шнайдштейн. Астрахань: б. и., 1991. Ч. 1. С. 46–50.
12. Викторин В. М. «Кто мы, астраханцы?» (У этнической карты области) // Астраханские известия. 1994. № 10–14 (166–170); № 21 (177). № 27 (183).
13. Викторин В. М. Предисловие // Сиражетдинов Ш. К. История села Ново-Булгары Астраханской области. Астрахань: Волга, 2001.
14. Гайнулина Н. Г. Эпическая традиция ногайских татар Астраханской области: автореф. ... канд. искусствоведения. Казань: Казанская гос. консерватория, 2003.
15. Глазунова Н. Н. О IV Международной Школе молодых фольклористов // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 4–6.
16. Грошева Г. В. Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (история, этнология). 2006. Вып. 1 (№ 52). С. 104–110.

References:

1. Al'meeva, N.Yu. (2014) Tatarskiy muzykal'nyy fol'klor: aspekty etnicheskoj identichnosti [Tatar Musical Folklore: Aspects of Ethnic Identity]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 97–110.
2. Al'meeva, N.Yu. (2017) Finno-ugry, tyurki: voprosy etnicheskoj identichnosti fol'klornykh melodiy v Volgo-Kamskom regione [The Finno-Ugric Peoples, the Turks: Issues of Ethnic Identity of Folk Melodies in the Volga-Kama Region]. In: *Kul'tura, iskusstvo: ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Culture, Art: A Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol. 11 (2). Izhevsk: Udmurt State University. pp. 161–168.
3. Rubinshteyn, N.L. (ed.) (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [Sixteenth-Century Foreign Travel Accounts to Muscovy]. Translated from English by Yu.V. Got'e. Moscow: Sotsekiz.
4. Arslanov, L.Sh. (1995) *Tatary Nizhnego Povolzh'ya i Stavropol'ya* [Tatars of the Lower Volga and Stavropol Regions]. Naberezhnye Chelny: Kamaz.
5. Arslanov, L.Sh. (1992) *Yazyk karagashey-nogaytsev Astrakhanskoj oblasti (Grammaticheskiy ocherk. Teksty i perevody. Slovar')* [The Language of the Karagash-Nogais of Astrakhan Oblast (Essay on Grammar: Texts and Translations. Dictionary)]. Naberezhnye Chelny: Elabuga State University.
6. Urastaeva G.D. (ed.) (2000) *Astrakhanskije kazakhi. Istorija i sovremennost'* [Astrakhan Kazakhs. History and Modernity]. Astrakhan: Volga.
7. Syzranov, A.V. (ed.) (2012) *Astrakhanskije turkmeny: istoriya i sovremennost'* [Astrakhan Turkmens. History and Modernity]. Astrakhan: Novaya liniya.
8. Bayburin, A.K. (2014) *Etnicheskaya identichnost' i konstruirovaniye kategorii "natsional'nost"* [Ethnic Identity and the Construction of the Category "Nationality"]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 7–16.
9. Bikanova, R.S. (1998) *Muzykal'nyy fol'klor astrakhanskikh nogaytsev-karagashey (muzykal'no-etnograficheskiy aspekt)* [Musical Folklore of the Astrakhan Nogai-Karagash (Musical and Ethnographic Aspect)]. Specialist Degree Thesis. Astrakhan State Conservatory.
10. Bukhaeva, A. (2005) *O kontseptsiyakh natsional'noy identichnosti* [On the Concepts of National Identity]. *Adam elemi – Mir cheloveka*. 3. pp. 50–68.
11. Viktorin, V.M. (1991) [Inter-Stage Period (To a Pause in the Gradualness of Ethnic Development During the Accession of the Lower Volga Region to the Russian State)]. *Conference Proceedings*. Part 1. Astrakhan: [s.n.]. pp. 46–50. (In Russian).
12. Viktorin, V.M. (1994) "Kto my, astrakhantsy?" (U etnicheskoj karty oblasti) ["Who Are We, the Astrakhan People?" (At the Ethnic Map of the Region)]. *Astrakhanskije izvestiya*. 10–14 (166–170); 21 (177). 27 (183).
13. Viktorin, V.M. (2001) *Predislovie* [Foreword]. In: Sirazhetdinov, Sh.K. *Istorija sela Novo-Bulgary Astrakhanskoj*

17. Земцовский И. И. Этническая история и музыкальный фольклор // Славяне. Этногенез и этническая история / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 25–31.
18. Керейтов Р. Х. О культурном взаимодействии народов Юга России в этнической истории ногайцев // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред. А. В. Сызранов. Астрахань: Астраханский пед. ун-т, 2000.
19. Лапин В. А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию И. И. Земцовского / отв. ред. и сост. Н. Ю. Альмеева. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2002. С. 28–39.
20. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852.
21. Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. Исследование. М.: Советский композитор, 1982.
22. Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Осыпной Бугор Приволжского р-на Астраханской обл. Август 1997 г. (информант: Мухамедова Миннибану, 1934 года рождения).
23. Ромодин А. В. Идентичность музыканта в контексте народного профессионализма // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 36–43.
24. Сергейчик Е. М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 1. С. 63–71.
25. Султабекова М. К., Джазова М. М. Ногайская проза начала XX века. Басир Абдуллин // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Черкесск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У. Д. Алиева, 2016. С. 341–345.
26. Сызранов А. В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань: Астраханский университет, 2007.
27. Таганязов Ш. У. Туркмены в России // Приволжская газета. 2001. № 93, 94. С. 3.
28. Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
29. Усманова А. Р. Этническая культура и музыкальный фольклор тюркоязычных групп Астраханской области (Взаимодействие. Взаимовлияние. Параллели): монография / науч. ред. Н. Ю. Альмеева. Астрахань: Колор, 2014.
30. Хрущева М. Г. Песенно-обрядовая традиция удмуртов в контексте этнической истории. Музыкально-этнографические очерки. Астрахань: Астраханский университет, 2008.
31. Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность. М.: Композитор, 2001.
- oblasti* [History of the Settlement Novo-Bulgary in Astrakhan Oblast]. Astrakhan: Volga.
14. Gaynullina, N.G. (2003) *Epicheskaya traditsiya nogayskikh tatar Astrakhanskoy oblasti* [Epic Tradition of the Nogai Tatars of Astrakhan Oblast]. Abstract of Art History Cand. Diss. Kazan': Kazanskaya gos. konservatoriya.
15. Glazunova, N.N. (2014) O IV Mezhdunarodnoy Shkole molodykh fol'kloristov [On the IV International School of Young Folklorists]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 4–6.
16. Grosheva, G.V. (2006) Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennom nauchnom diskurse [Categories of Ethnos and Ethnicity in Modern Academic Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (52). pp. 104–110.
17. Zemtsovskiy, I.I. (1989) *Etnicheskaya istoriya i muzykal'nyy fol'klor* [Ethnic History and Musical Folklore]. In: Gerd, A.S. & Lebedev, G.S. (eds) *Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya* [The Slavs. Ethnogenesis and Ethnic History]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 25–31.
18. Kereyrov, R.Kh. (2000) [On the Cultural Interaction of the Peoples of the South of Russia in the Ethnic History of the Nogais]. *Razvitie i vzaimodeystvie natsional'nykh kul'tur kak faktor stabil'nosti mezhetnicheskikh otnosheniy v poliethnicheskom regione* [Development and Interaction of National Cultures as a Factor of Stability of Interethnic Relations in a Multi-Ethnic Region]. Conference Proceedings. Astrakhan: Astrakhan Pedagogical University. (In Russian).
19. Lapin, V.A. (2002) *Fol'klornoe dvuyazychie: Fenomen i protsess* [Folklore Bilingualism: Phenomenon and Process]. In: Al'meeva, N.Yu. (ed.) *Iskusstvo ustnoy traditsii. Istoricheskaya morfologiya: sb. nauch. st., posvyashch. 60-letiyu I. I. Zemtsovskogo* [Art of Oral Tradition. Historical Morphology: Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of I.I. Zemtsovskiy]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 28–39.
20. Nebol'sin, P.I. (1852) *Ocherki Volzhskogo nizov'ya* [Essays of the Volga Lower Reaches]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva vnutrennikh del.
21. Nigmedzyanov, M.N. (1982) *Narodnye pesni volzhskikh tatar. Issledovanie* [Folk Songs of the Volga Tatars]. Moscow: Sovetskiy kompozitor.
22. Author's Field Materials. Expedition to the Settlement Osypnoy Bugor, Privolzhskiy District, Astrakhan Oblast. August 1997. (Informant: Minnibanu Mukhamedova, b. 1934).
23. Romodin, A.V. (2014) *Identichnost' muzykanta v kontekste narodnogo professionalizma* [Identity of a Musician in the Context of Folk Professionalism]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 36–43.
24. Sergeychik, E.M. (2016) *Historical Identities: Territory and Map. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya*.

Religiovedenie – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies. 1. pp. 63–71. (In Russian).

25. Sultabekova, M.K. & Dzhazova, M.M. (2016) [Nogai Prose of the Early 20th Century. Basir Abdullin]. *Nogaytsy: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov – k gryadushchemu* [The Nogais: 21st Century. History. Language. Culture. From the Origins to the Future]. Proceedings of the International Conference. Cherkessk: Karachay-Cherkess State University. pp. 341–345. (In Russian).

26. Syzranov, A.V. (2007) *Islam v Astrakhanskom krae: istoriya i sovremennost'* [Islam in the Astrakhan Region: History and Modernity]. Astrakhan: Astrakhan University.

27. Taganiyazov, Sh.U. (2001) *Turkmeny v Rossii* [The Turkmen in Russia]. *Privolzhskaya gazeta.* 93, 94. pp. 3.

28. Tishkov, V.A. (2016) From Ethnos to Ethnicity and After. *Etnograficheskoe obozrenie.* 5. pp. 5–22. (In Russian).

29. Usmanova, A.R. (2014) *Etnicheskaya kul'tura i muzykal'nyy fol'klor tyurkoyazychnykh grupp Astrakhanskoj oblasti (Vzaimodeystvie. Vzaimovliyanie. Paralleli)* [Ethnic Culture and Musical Folklore of the Turkic-Speaking Groups of the Astrakhan Oblast (Interaction. Mutual Influence. Parallels)]. Astrakhan: Kolor.

30. Khrushcheva, M.G. (2008) *Pesenno-obryadovaya traditsiya udmurtov v kontekste etnicheskoy istorii. Muzykal'no-etnograficheskie ocherki* [Song and Ritual Tradition of the Udmurts in the Context of Ethnic History. Musical and Ethnographic Essays]. Astrakhan: Astrakhan University.

31. Khrushcheva, M.G. (2001) *Udmurtskaya obryadovaya pesennost'* [Udmurt Ritual Song]. Moscow: Kompozitor.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Усманова, А. Р. Музыкальный фольклор юртовских татар и ногайцев-карагашей Астраханской области как маркер этнокультурной идентичности / А. Р. Усманова // Наследие веков. – 2020. – № 3. – С. 76–86. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.006

Full bibliographic reference to the article:

Usmanova, A.R. (2021) Musical Folklore of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash of Astrakhan Oblast as a Marker of Ethnocultural Identity. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 3. pp. 76–86. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.006

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

BOOK REVIEWS

НЕВСКАЯ Татьяна Александровна

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник кафедры истории России
Гуманитарного института
Северо-Кавказского федерального университета,
Ставрополь, Российская Федерация

Tatyana A. NEVSKAYA

Dr. Sci. (National History), Prof., Humanitarian Institute,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russian Federation,
tnevskaya@yandex.ru

КОЛЕСНИКОВА Марина Евгеньевна

доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории России
Гуманитарного института
Северо-Кавказского федерального университета,
Ставрополь, Российская Федерация

Marina E. KOLESNIKOVA

Dr. Sci. (National History; Historiography, Source Studies
and Methods of Historical Research), Prof., Humanitarian Institute,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russian Federation,
mkolesnikova@ncfu.ru

УДК 008(=19)(470+571)(1-87)
ГРНТИ 13.91.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.007

Малоизученные аспекты культуры армян России и зарубежья

Рец. на кн.:

Армяне в исторических и этнокультурных
процессах XVIII–XXI вв. / Отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе.
Москва : МАКС Пресс, 2021.
ISBN 978-5-317-06592-8.

The Understudied Aspects of the Culture of Armenians in Russia and Abroad

Book Review:

Anchabadze, Yu.D. (Ed.) (2021) *Armyane v
Istoricheskikh i Etnokul'turnykh Protsessakh XVIII–XXI
vv.* [Armenians in the Historical and Ethnocultural
Processes of the 18th–21st Centuries]. Moscow: MAKSS
Press. ISBN 978-5-317-06592-8

Научная литература об истории, культуре и социальных отношениях армян пополнилась замечательным изданием – сборником научных статей «Армяне в исторических и этнокультурных процессах XVIII–XXI вв.», посвященном памяти видного этнографа Аллы Ервандовны Тер-Саркисянц (1937–2019). В этом сборнике представлены как мемориальные материалы, так и исследования, выполненные в рамках научных интересов ученого. В работах затронуты малоизученные вопросы социальных отношений, семейного быта, духовной культуры, аспекты исторического прошлого армян. Особый интерес представляют материалы по развитию армянской культуры на территориях расселения диаспор.

Ключевые слова: армяне, амшенские армяне, черкесогаи, хемшилы, Эриванская губерния, диаспоры, Армянская апостольская церковь, семейные отношения, фронтир, идентичность.

Российская историческая наука приросла интересным изданием — сборником научных статей «Армяне в исторических и этнокультурных процессах XVIII–XXI вв.». Эти статьи рассматривают особенности культуры, сложившиеся у различных групп армянского населения Кавказа и зарубежья, поднимают сложные и нередко дискуссионные проблемы формирования локальных сообществ армян, трансформации армянской народной культуры в иноэтническом окружении. Такой разноплановый труд является серьезным вкладом не только в кавказоведение, но и в изучение диаспор в нашей стране, особенностей их формирования, культуры и быта. По мнению редактора сборника Ю. Д. Анчабадзе, представленные статьи показывают, что Армения, история и культура ее народа останутся актуальнейшим предметом исследовательского внимания для российской науки в разных направлениях гуманитарного, в особенности историко-этнографического, знания.

Сборник посвящен памяти видного исследователя Аллы Ервандовны Тер-Саркисянц (1937–2019), поэтому в него включены воспоминания коллег, анализ ее многочисленных работ, статей и монографий. Авторы сборника справедливо характеризуют эти труды как уникальные исследования, освещающие историю и культуру армянского народа, локальных групп, проживающих в России и на своей исторической родине. Книги Аллы Ервандовны раскрывают социокультурный опыт армянского народа, показывая не только созданное им богатое наследие материальной и духовной культуры, но и адаптивные

ресурсы армян, как живущих на родине, так и в диаспоре.

Статьи Н. Д. Пчелинцевой и Л. М. Варданян посвящены характеристике работ Аллы Ервандовны на фоне ее биографии. Эти работы интересны тем, что показывают не только творческий путь советского и российского ученого, но и организацию этнографических экспедиций и конференций, атмосферу научного сообщества Советского Союза. Статья Л. М. Варданян затрагивает научные связи Аллы Ервандовны, характеризует взаимодействия московских и армянских ученых, сумевших сохранить единое научное пространство России и Армении после распада СССР. Особый интерес представляет описание полевой деятельности Аллы Ервандовны (выборка сел, методика включенного наблюдения, работа с информантами и данными сельсоветов и отделов ЗАГС), что может служить примером для современных молодых этнографов.

Исследователи творчества А. Е. Тер-Саркисянц отмечают, что круг ее научных интересов изменялся в зависимости от насущных потребностей современной науки. Она реагировала на актуальные запросы времени, переключаясь с традиционных этнографических тем на анализ проблем армянских беженцев, адаптации армян к новым условиям постсоветского времени, изучение жизни вынужденных мигрантов и армянских общин России. В ее работах, по мнению авторов вышеназванных статей, отразился этнокультурный облик армянского народа во всем его разнообразии и специфике. Особенно отмечается вклад Аллы Ервандовны в создание академического изда-

ния «Армяне» в серии «Народы и культуры» (Москва: Наука, 2012). Ее работы оцениваются как основополагающие исследования не только по армянской этнографии, но и кавказоведению в целом.

Статья И. В. Кузнецова «Алелук (и полевые маршруты с А. Е. Тер-Саркисянц)» представляет собой попытку переосмысления одного элемента традиционной культуры амшенских армян — рождественского ряжения Алелук. Вспоминая Аллу Ервандовну, автор очень живо рисует образ московского академического ученого советского времени, принимавшего у себя в доме молодых исследователей из провинции и своих информантов из Армении, помогая им сориентироваться в Москве, решить не только научные, но и бытовые проблемы. Алла Ервандовна охотно знакомила начинающих ученых с методиками полевых исследований.

Характеризуя различные варианты праздника Алелук у армян Краснодарского края, И. В. Кузнецов делает вывод, что в этом обрядовом действии сохраняются особенности архаического космогонического ритуала, который превратился со временем в шуточное народное представление, рождественское ряжение. Автор считает, что истоки этого обряда восходят к древним земледельческим культам. И. В. Кузнецов, подробно описывая Алелук в разных армянских селах, приходит к выводу, что исторической основой этого праздника являются не только мистерии древних земледельцев и церковная традиция, но и заимствования из турецкой и греческой народной театральной культуры. Тема эта требует дальнейшего изучения, например, стоит отметить, что ставропольские армяне не только не празднуют Алелук, но и не слышали о нем.

В статье А. М. Малахатки и Н. Р. Шахназарян «Амшенские армяне России в контексте микроэкономики семейных обменов: родство как зачаточная форма властных отношений?» дается анализ системы родства как отражения социальных институтов. Интересный материал, приведенный в этой работе, дает повод для дальнейших дискуссий. Несколько спорным выглядит утверждение авторов, что «реальные общественные отношения строятся в зависимости от структурообразующих принци-

пов системы родства» [1, с. 62]. Скорее, наоборот, существующая система родства отражает сложившиеся на данный момент общественные отношения. Не вызывают сомнения выводы авторов о важнейшей роли обычного права в «выживании» в советской и постсоветской российской деревне. Авторы считают, что родство является основанием для экономической кооперации, и убедительно пытаются доказать это положение [1, с. 64].

К сожалению, в статье не делается выводов о целесообразности такой кооперации, соответствии ее рыночным отношениям и экономической эффективности. Трудно согласиться с тем, что армянские женщины выступают как пассивные агенты экономики и обычно оплачивают эмоциональным ресурсом за помощь более богатых родственников [1, с. 66]. На наш взгляд, авторы преувеличивают роль неформальных институтов, в частности родства, в развитии экономики и современного социума. В статье четко не обозначено время, о котором идет речь и по поводу которого делаются выводы. Возможно, «попытка структурировать социальный хаос» имела место в 1990-х — начале 2000-х годов, сейчас же родственные связи скорее мешают в организации бизнеса. Эти вопросы спорны. Однако интересна сама постановка проблемы, обозначение круга задач, на которые следует обратить внимание исследователям.

Вызывает большой интерес обширная статья В. И. Колесова «Черкесогаи — “одноаульная” группа или “сетевое” сообщество?», основанная на архивных материалах. Автор убедительно доказывает, что такие факторы, как отношения с Российской империей, а также деятельность Армянской апостольской церкви, приводили к актуализации идентичности закубанских армян. На основе анализа документальных источников автор показывает картину расселения армян на Кубани и в Закубанье, а также участие властей в поселении их среди казачьих станиц. Затронута история этнонимов, очень ценным является анализ терминов, обозначающих эту группу армян в научной литературе. Изучение документов ГАКК позволило автору реконструировать формирование самосознания группы армян Кубани и Закубанья.

В. И. Колесову удалось решить задачу определения юридического статуса черкесогаев в Российской Империи, причем автор характеризует соотношение реального юридического положения и правового, обозначенного в российских официальных документах. Приведены убедительные доказательства изменения сословного статуса закубанских армян на протяжении XIX в. Исследователь считает, что социокультурные и экономические связи крымских и кубанских армян способствовали сохранению национальной идентичности у армян, живущих между черкесами. На основании документов ГАКК В. И. Колесов приводит интересные примеры перемещения армян в Черноморском регионе, конкретные судьбы людей, переселившихся из Турции в Россию. Не вызывает сомнения вывод автора о влиянии социально-экономических и культурно-политических трансформаций на формирование армянского самосознания армавирских черкесогаев. Достоин внимания и то, что в статье обозначены проблемы истории этой группы, требующие дальнейшего изучения.

Особый интерес в рецензируемом сборнике представляет обстоятельная статья Н. Р. Шахназарян «Этнография фронтальных контекстов: армяноязычные турки-хемшилы Краснодарского края России». Об этой группе армяноязычного мусульманского населения написано очень мало исследований. Автор, рассматривая процесс переформирования социальной, этнической и религиозной идентичности в Кавказском Причерноморье, делает попытку показать, как была сформирована этническая принадлежность хемшилов их историческими судьбами и как они представляют ее в своей повседневной жизни. Нона Робертовна рассматривает различные точки зрения на формирование этой этнической группы в исторической науке. Одни исследователи считают, что хемшилы — потомки насильственно исламизированных армян из области Хамшен на Восточно-Анатолийском побережье Черного моря, другие — что эта группа была исторически связана с чанами и арменизирована в районе Пархара в VII–XI вв. Автор статьи считает, что отнести их к одной из групп армян позволяет то, что один из домашних языков хемшилов, наряду с турецким, — хем-

шилский / армянский язык. Эта группа интересна тем, что самоотождествление хемшилов с армянами среди них отсутствует.

В статье отмечается, что, несмотря на пережитки христианства, у хемшилов наблюдается тенденция к укреплению турецкой идентичности, которая выдвигается на первый план в социальных ситуациях. На конкретных примерах, основанных на полевых данных, автор показывает, что картина самосознания хемшилов усложнилась в связи с переездом в Краснодарский край, где они оказались соседями с родственными по языку амшенскими армянами.

Приводятся данные по численности и истории расселения хемшилов, освещаются проблемы, связанные с хозяйственными занятиями в Краснодарском крае. Автор считает, что общее экономическое положение в России и частично в регионе тяжелое, однако хемшилы подвергаются двойной, а то и тройной дискриминации. В рассуждениях автора можно увидеть противоречие. Вряд ли приведенные примеры, свидетельствующие о трудностях интеграции в местную экономику, говорят о дискриминации как массовом явлении, поскольку автор утверждает, что, несмотря на конкуренцию и дискриминацию, уровень благосостояния хемшилов по сравнению с местными оценивается последними как более высокий. Надо отметить, что со многими указанными автором негативными явлениями — коррупция, сложности при устройстве на работу, конфликты в области бизнеса и другие — сталкиваются не только хемшилы, но и славяне, и другие этнические группы населения края.

В статье приведен интересный материал по описанию семейных отношений у хемшилов, их быту, культуре повседневности. Не вызывает сомнения вывод автора о том, что религия является основой самоопределения в регионе. Автор справедливо осуждает позицию властей Краснодарского края, отказывающихся хемшилам в легализации их гражданского статуса. Одновременно автор фиксирует сформировавшееся негативное отношение к хемшилам части окружающего населения, однако анализ этого нежелательного явления требует учета всех факторов и обстоятельств, в част-

ности, некоторые переселенцы из Средней Азии наладили наркотрафик, чем вызвали негативное отношение к ним местных жителей.

Показав нестабильный характер этнической идентичности, автор делает вывод о неоднородности и множественности самоидентификации хемшилов Краснодарского края.

В статье Н. В. Крюковой «Вернакулярное христианство в сельской Армении» рассказывается о сельских сурбах — армянских святыщах, связанных с ними обычаях и практиках. Несмотря на то, что армяне — классический пример этноконфессиональной нации, автор на основании более чем десятилетних полевых исследований утверждает, что декларируемая высокая религиозность жителей сочетается с практическим отсутствием приходской жизни и редким посещением церкви в сельской местности. Автор доказывает, что религиозная повседневность армян — неканоническое христианство со специфическими практиками, отличающимися от одобренных Армянской апостольской церковью форм отправления культа. Сурбами — священными местами — являются церковь или ее руины, хачкары, книга, камень, родник, дерево, гора, пещера, а также изображение — в общем, все то, что местные жители по каким-то причинам сакрализуют. В статье рассмотрено убранство сурбов, как домашних, так и общедоступных. Описаны и ритуалы: матах — ритуальное жертвоприношение. Причем на ряде примеров автор показывает, что в повседневной жизни сурбы пользуются у местных жителей значительно большей популярностью, чем церкви. Автор утверждает, что несмотря на то, что официальная церковь рассматривает практикующих как язычников, сами они считают себя истинно верующими последователями армянского апостольского христианства, так как в общественном сознании оно воспринимается как одна из глубинных армянских ценностей и базовое качество армянской идентичности.

В статье К. Э. Григорьян, Н. Р. Шахназарян показаны процессы формирования исторической, социальной, гендерной и советской идентичностей в одном крохотном горном карабахском селе Даграз. Статья написана на основе материалов, собранных авторами, как устных традиций (интервью, семейные narra-

тивы), так и письменных (письма родственников друг к другу). Авторы поставили своей целью реконструирование повседневности села на изломе эпох, а также выявление общих тенденций политики в отношении женщин в советский период. В данном исследовании на основе семейных нарративов показана история патронимий, формирование идентичности в условиях новых идеологических установок и порождаемого ими нового быта.

Изучение карабахских армян представляет особый интерес, так как многокультурный фон обусловил наличие общих сюжетов в фольклоре, ритуалов и практик, распространенных как среди армян, так и у их соседей. Это прослеживается в имянаречении, отношении к женскому статусу. Достоинством статьи является то, что история сложного региона представлена на примере конкретных семей. Авторы показывают глобальные исторические события — Первую мировую и Гражданскую войны, установление советской власти — на основе семейных преданий, что придает особую значимость этой работе. Хорошо было бы сопоставить весьма ценные семейные сведения с изложением этих же событий в документальных источниках, периодической печати, показав, как отразилась эпоха в исторической памяти народа и как все происходило на самом деле, совпадают ли оценки произошедшего в представлениях людей и в изложении профессиональных историков, в учебниках по региональной истории? В статье есть упоминания об общесоветских событиях в те или иные годы, но они никак не связаны с оригинальным материалом, изложенным в статье. Надеемся, что эта работа, связанная с уникальными источниками, будет авторами продолжена.

Не совсем понятным представляется утверждение о том, что «начиная с 1980-х годов, женщины уже фигурировали в диссидентской сфере, но не в политике» [1, с. 226]. Интересно было бы увидеть конкретные данные по этому вопросу, ведь в целом по стране, как известно, в первой половине 1980-х годов диссидентское движение было разгромлено, а его остатки слились с возникшими народными фронтами. Данные по Карабаху могли бы серьезно дополнить историю диссидентского движения в стране.

Думаем, что эта статья может послужить не только примером для исследователей, но и побудить их к сбору аналогичного материала по другим регионам Кавказа.

Обстоятельная работа С. Б. Манышева, написанная на основе различных источников, посвящена истории медицины Эриванской губернии. Автору удалось убедительно доказать, что здравоохранение на Кавказе было не столь плачевным, как оно представлялось советской историографией. Опираясь на архивные документы, автор показывает процесс становления российской медицины в регионе, доказывает, что в рассматриваемый период система здравоохранения представляла собой своеобразный сплав, в котором были соединены гражданская, военная и народная медицина, при этом наблюдалось их взаимовлияние и взаимопроникновение. Статья написана на солидном историческом фоне, дана характеристика народной медицины у армян и азербайджанцев, рассмотрено на материалах РГВИА состояние военно-медицинских учреждений в Эриванской губернии, показана связь системы здравоохранения с Крымской и Русско-Турецкой войнами. Выявлены недостатки в организации медицинской помощи, аптечного дела, однако отмечается и рост аптек в конце XIX — начале XX вв., а также рост расходов на медицинскую часть, исследование минеральных источников. Уделено внимание также борьбе с эпидемиями в Закавказье, организации вакцинации населения.

Весьма актуальной является статья С. А. Орешина «Проблема территориальной принадлежности Западной Армении в 1914–1923 гг.». Автор характеризует этнический и конфессиональный состав населения Карабахской области и турецкой части Западной Армении, показывает позицию царского правительства в отношении этого региона, которая изменялась в ходе Первой мировой войны. Рассматриваются также позиции Великобритании и Франции, планировавших установить свой контроль над частью этой территории. Показано, как изменилась точка зрения на земли Западной Армении после прихода к власти Временного правительства. Однако, как показывает автор на основании анализа документов, все страны Антанты сходились во мнении,

что Западная Армения не должна вернуться по окончании войны под турецкое правление. После прихода к власти большевиков политика России кардинально изменилась, однако декларировалось право армян на самоопределение. В статье показаны военные и дипломатические проблемы в 1919–1921 гг., которые были решены фактически в пользу Турции.

Малоизвестные страницы истории армян освещены в статье Ю. Д. Анчабадзе «Армяне в системе российской диаспоры в Китае и на КВЖД (конец XIX в. — 1950-е годы)». В работе показано, что появившиеся в конце XIX в. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги армяне составили значительную часть российской диаспоры в Китае, проявив себя в различных сферах деятельности. Приведены примеры, доказывающие значительную роль армян в деловой жизни и предпринимательстве: содержание кафе и ресторанов, пекарен, гостиниц и кондитерских фабрик. Занимались армяне также производством обуви, организацией питомников плодовых деревьев, работали на КВЖД. Немало было среди армян врачей, инженеров и деятелей культуры. Рассмотрены организационные структуры армянских общин, их благотворительная деятельность. Автор делает вывод, что сохранению этнокультурной специфики общин способствовала вера и церковь, ставшие опорой этнического и исторического самосознания. Анализируются политические симпатии армянской диаспоры, отношение китайских властей к армянским эмигрантам.

Большой интерес в издании представляют также критические обзоры и рецензии, которые позволят читателю ознакомиться с новинками арменоведческой литературы.

Говоря о сборнике в целом, надо констатировать, что, к сожалению, редакцией было отдано предпочтение авторам из Краснодарского края и Москвы. Видимо, объем книги не позволил пригласить исследователей из Ростова и Ставрополя, где также находятся значительные армянские диаспоры. Интересно было бы возродить традицию написания совместных работ учеными разных регионов под академическим руководством и сравнить особенности культуры и традиций различных групп северокавказских армян.

Tatyana A. NEVSKAYA

Dr. Sci. (National History), Prof.,
North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russian Federation,
tnevskaya@yandex.ru

Marina E. KOLESNIKOVA

Dr. Sci. (National History; Historiography, Source Studies
and Methods of Historical Research), Prof.,
North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russian Federation,
mkolesnikova@ncfu.ru

The Understudied Aspects of the Culture of Armenians in Russia and Abroad

Abstract. The review analyzes a collection of articles dedicated to the memory of Alla Ter-Sarkisyants, a prominent researcher of the history and culture of the Armenian people. The authors of the articles in the collection reflect the cultural peculiarities of various groups of the Armenian population of the Caucasus and abroad; they also raise the problems of the formation of local communities of Armenians and the transformation of the Armenian folk culture in a different ethnic environment. The review pays close attention to articles on the life and work of Alla Ter-Sarkisyants, describes and critically analyzes articles on the traditional rituals, social institutions, history, and peculiarities of self-consciousness of various groups of Armenians living in Russia. The review thoroughly analyzes the article by N.R. Shakhnazaryan on the ethnography of the Armenian-speaking Hemshil Turks of Krasnodar Krai, shows the main results of the author's research, reveals contradictions in his conclusions, characterizes the research results concerning the modern ethnosocial position of Hemshil Turks in Russia. The review offers a scholarly assessment of the articles that describe the development of elements of Armenian culture in the Transcaucasus – specific practices of non-canonical Christianity in rural Armenia, the formation of various types of identity among residents of a Karabakh village during the 20th century, the history of medicine in the Erivan Province. It also offers a detailed analysis of the articles on ethnohistorical issues (the problem of the territorial belonging of Western Armenia during the First World War and the Civil War, and the position of the Armenian diaspora in China in the first half of the 20th century). Summing up the results of the review, the reviewers point out a certain narrowness of the geographical diversity of the authors, mainly representing research centers in Moscow and Krasnodar Krai, and express a desire to revive the tradition of writing joint works by researchers from different regions under academic guidance.

Keywords: Armenians, Hamshen Armenians, Circassogians, Hemshils, Erivan Province, diasporas, Armenian Apostolic Church, family relations, frontier, identity.

Использованная литература:

1. Армяне в исторических и этнокультурных процессах XVIII–XXI вв. / Отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе. Москва: МАКС Пресс, 2021.

References:

1. Anchabadze, Yu.D. (Ed.) (2021) *Armyane v istoricheskikh i etnokul'turnykh protsessakh XVIII–XXI vv.* [Armenians in the Historical and Ethnocultural Processes of the 18th–21st Centuries]. Moscow: MAKSS Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Невская, Т. А. Малоизученные аспекты культуры армян России и зарубежья / Т. А. Невская, М. Е. Колесникова // Наследие веков. – 2021. – №3. – С. 87–93. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.007 – Рец. на кн. Армяне в исторических и этнокультурных процессах XVIII–XXI вв. / Отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе. Москва: МАКС Пресс, 2021.

Full bibliographic reference to the article:

Nevskaya, T.A. & Kolesnikova, M.E. (2021) *The Understudied Aspects of the Culture of Armenians in Russia and Abroad. Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 87–93. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.007

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№3 (27)
2021

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна К. С. Малевича "Строящийся дом" (ок. 1915-1916 гг.), холст, масло, 97 x 44.5 см (Национальная галерея Австралии, Канберра).

URL: <https://searchthecollection.nga.gov.au/stcapi/service/ngacd/asset/preview?contentInfo=/2015/11/24/17/45/b83332f1-6195-4884-b23d-c093f746c11c.bin>

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко

Редактура текстов статей:

М. В. Шаройко

Редактура приставейных списков литературы на русском языке:

М. В. Шаройко, А. В. Крюков

Редактура приставейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 29. 09. 2021

Размещен в сети Интернет: 30. 09. 2021

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 11,04

Уч.-изд. л.: 9,25

Размер файла: 3,827 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»